

МИХАИЛ
МЕЧ ГОСПОДА

ГАЙ ЮЛИЙ
ОРЛОВСКИЙ

ГАЙ ЮЛИЙ
ОРЛОВСКИЙ

МИХАИЛ
МЕЧ ГОСПОДА

ПОДЗЕМНЫЙ
ГОРОД

ПОДЗЕМНЫЙ ГОРОД СОДОМА

МИХАИЛ, МЕЧ ГОСПОДА

КНИГА ПЕРВАЯ

ПРОСЬБА АЗАЗЕЛЯ

КНИГА ВТОРАЯ

ПОДЗЕМНЫЙ ГОРОД СОДОМА

КНИГА ТРЕТЬЯ

РЕЙД ВО СПАСЕНИЕ

ГАЙ ЮЛИЙ
ОРЛОВСКИЙ

МИХАИЛ МЕЧ ГОСПОДА

КНИГА ВТОРАЯ

ПОДЗЕМНЫЙ ГОРОД
СОДОМА

МОСКВА
2017

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
О-66

Оформление серии *А. Саукова*

В оформлении переплета использована работа
художника *А. Дубовика*

Орловский, Гай Юлий.

О-66 Михаил, Меч Господа. Книга вторая. Подземный город Содом / Гай Юлий Орловский. — Москва : Издательство «Э», 2017. — 352 с.

ISBN 978-5-04-004266-1

Настоящая победа, когда противник признает себя побежденным. Но этот не признал, а победитель успокоился слишком рано, забывая, что оставшаяся от пожара искра может вызвать новый пожар. И вот Ад, собравшись с силами, ударил снова! Изнемогающий Азazel, властелин Черного Меча, неожиданно привлек в союзники властелина Огненного Меча, хотя до этого с ним враждовал.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-004266-1

© Орловский Г. Ю., 2017
© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2017

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Глава 1

Михаил убрал пылающий меч, медленно оглянулся, но за спиной никого. Азазель умело сыграл на том, что два дня тому назад тот в самом деле попался, когда на затылке ощутил холодное прикосновение ствола пистолета.

Злой, что так обманулся, Михаил быстро повернулся к Азазелю, но теперь у демона пистолет в руке, ствол черным зрачком мрачно смотрит Михаилу в лицо.

— Переиграл, — признался Михаил. — Что ж, стреляй.

— Может, — сказал Азазель быстрым голосом, — сперва выслушаешь?

— Под дулом пистолета?

— Уберу, — пообещал Азазель, — когда увижу, что в самом деле слушаешь, а не выбираешь момент для удара. Знание — сила, как не говорят в народе. А зря.

Михаил по его повелительному взмаху осторожно отступил к дивану, стараясь не делать резких движений, сел, не сводя пристального взгляда с Азазеля:

— Говори.

Азазель взглянул на часы:

— Синильде минут десять?

— Двадцать.

— Хорошо, — сказал Азазель. — Сири, готовь на троих. Михаил, ты прав, операция по заманиванию тебя имела место, сознаюсь. Однако в остальном ты был свободен и действовал, как велела тебе твоя прямая натура. Кстати, хорошо действовал.

Михаил спросил резко:

— Зачем понадобился именно я?

Азазель на миг задержался с ответом, лицо помрачнело, а ответил таким тяжелым голосом, какого Михаил никогда не слышал от него раньше:

— Посмотри на небо. Замечаешь, закаты все кровавее?.. Ад поднимется, Михаил!.. Хуже того, рассветы тоже в крови. Люди этого не видят, у них мирские дела, но ты же смотришь ширше? Во всяком случае, должен.

Михаил нахмурился:

— Это все грехи людские. Всевышний недоволен.

— Грядет ужасное, — повторил Азазель. — Если это Сатан, то настанет его царствие, и никто не сможет остановить или опрокинуть.

Михаил спросил хмуро:

— Кроме меня?

— А ты сам кого-то сможешь назвать?

Михаил пробормотал:

— Нас четверо Столпов и Хранителей Неба. Мы, в принципе, равны по мощи.

Азазель покачал головой:

— Уриил был поставлен у врат рая с огненным мечом в руке, чтобы воспрепятствовать возвращению туда Адама и Евы. Но они даже не пытались, так что простоял там до самой их смерти, а это почти тысяча лет, совершенно зря. Уриил и Гавриил были Хранителями... Кстати, многие уверены, что с огненным мечом там как дурак у ворот проторчал все тысячу лет именно ты...

Михаил сказал оскорбленно:

— Почему как дурак?.. Нужно было воспрепятствовать их возвращению, потому там и была выставлена стража. Как я понимаю теперь, стража почетная, люди были настолько слабы, что охрану могли бы поручить самому мелкому из ангелов. Хотя, конечно, я там не показывался. А стоял с мечом у входа не то Уриил, не то Иофиил, не интересовался. Кстати, Уриил, Рафаил и Гавриил и сейчас Хранители!

— Да-да, — согласился Азазель, — а что за это время совершили? Вот-вот, ничего. А ты показал себя тогда в схватке с Сатаном, а теперь вот и сейчас хоть и по мелочи, но все характеризует тебя достаточно объемно.

Михаил взглянул остро:

— Характеризует... Значит, вся эта беготня за демонами для каких-то проверок?

— Прости, Михаил, — сказал Азазель, но виноватости в его голосе не ощутилось, — ты был прав, беготня получилась какая-то хаотичная и без всякой логики. Логика вообще-то была, она во всем есть, но мы признаем только ту, которую хотим видеть... Однако время работает против нас, мы были просто вынуждены.

— Мы? — переспросил Михаил остро.

— Прости, — повторил Азазель, — оговорился. Я, конечно. Один, как всегда. «Живу без ласки, грусть затая, всегда быть в маске судьба моя...»

Михаил поморщился, спросил глухо:

— И ты все время со мной хитрил?.. Подставлял дураков, а потом сердился и спрашивал, зачем я всех убил, дескать, нужно было кого-то оставить для допроса, нельзя так прямолинейно, это же обрубил все нити, что вели к организаторам... и так далее, так далее.

— Прости, — снова сказал Азазель. Он опустил пистолет. — Этот мир в опасности. Я вдруг понял, что в одиночку уже не справиться. Потому и...

Михаил спросил в упор:

— А ты в самом деле одиночка?

Азазель ответил, не моргнув глазом:

— Да, конечно. Орлы не бараны, в стада не сбиваются!.. Но, видишь ли, стая ворон бьет и орлов. И вообще орел везде не поспеет. А вот ты при всей солдатской туповатости и общей ригидности... нет-нет, это не ругательство, при всех своих неоспоримых достоинствах, глупых и ненужных здесь, умеешь видеть дальнюю цель. Поэтому ты не стал увязать в мелочах типа: встретил демона — убей.

Михаил буркнул:

— Я не отказываюсь от этого правила. Но пока есть ангелы, позорящие свое имя, и пока есть демоны, помогающие отыскать их здесь...

— Вот-вот, — перебил Азазель, — даже без подсказок ты уловил разницу между ангелами, что по разрешению Всевышнего облеклись плотью и спустились на землю помогать людям, и теми, кто сейчас спускается тайком, чтобы жить в разврате и роскоши. Ты это даже не облек в слова, но ты действуешь, принимая эти правила!

Михаил насупился, взглянул исподлобья:

— Разве? Не играй словами, ты все равно преступник.

— Говори-говори, — ответил Азазель мирно. — Это то, к чему ты привык, но уже чувствуешь, что это не так. И я за сохранность этого мира дерусь все шесть тысяч лет, а вы там хвалу Господу поете в райских кушах!

Михаил поинтересовался, не сводя с него пристального взгляда:

— Те демоны, которых мы находили, тебе на один зуб! В чем дело?

Азазель вздохнул, развел руками:

— То была, как я уже сказал, простая проверка твоих реакций. Твоего отношения. Конечно, таких могу одним щелчком... На самом деле бороться придется не с ними.

Он говорил серьезно, а в его черных глазах Михаил увидел нечто такое, из-за чего от макушки до пят обдало холодом, а внутри словно образовалась гигантская льдина.

В прихожей раздался звонок, на экране домофона возникла веселая мордочка Синильды, она спросила обиженным голосом:

— Вы чего не открываете?

— Прости, — сказал Азазель, спохватившись. — Сири, быстро!.. И лифт подать вовремя!.. И ее любимые пирожные!.. И ванну в коридор, чтоб нам было все видно!

Синильда вбежала быстрая и веселая, как коза, обняла Азазеля, жарко поцеловала в щеку Михаила и, отстранившись, сказала быстро:

— Я на минутку в душ, хорошо?..

— Давай, — ответил Азазель, — а мы тут пока все поедим. Это называется раздельным питанием.

— Я вам поем, — пригрозила она. — Нельзя бедную девушку морить голодом! Где ваш гуманизм?

И унеслась в ванную комнату. Азазель прислушался, по ту сторону двери зашумела бьющая тугой струей вода.

— Да и с этими всплесками, — сказал он приглушенным голосом. — То ты уже знаешь, что демоны не выдают себя ими, то уверен, что я именно так себя и выдал!.. И сразу примчался, даже не задумываясь, как это вдруг я вот потерял осторожность, а ты такой бдительный сразу заметил!

Михаил ощутил, что съезживается от стыда и понимания, как просто им манипулировали.

— Намекаешь, — проговорил он с трудом, — что в Брие... помогли такое заметить?

— Намекать не стану, — ответил Азазель. — Сам догадаешься. Ты все эти тысячи лет, можно сказать, спал, но теперь, надеюсь, твой мозг готов как впитывать новую информацию, так и соображать. Очень надеюсь.

— Скотина, козел хермонский...

— Выбрали именно тебя, Михаил, — сказал Азазель, — потому что ты прям и честен. Многие были недовольны, что Господь отдал созданный им мир человеку, которого сотворил вместе с животными и с которыми тот тупо совокуплялся со всеми до тех пор, пока не сообразил, что ему больше подошел бы его вид.

— Повторяешься!

— Только Сатан выразил недовольство, — продолжил Азазель невозмутимо, — и только ты ринулся подавлять бунт. Остальные молчали и сопели в тряпочку. Многие даже не понимали, что происходит и о чем речь. Только вы двое выразили свое мнение и, более того, оказались способными его защищать! Остальные... остальные простые бараны. Идеальные исполнители. А то и вовсе... статисты. Декорация. Красиво и величественно светящиеся доски забора.

— Дальше, — потребовал Михаил.

Азазель сказал невесело:

— Сатан, как ты знаешь, на той стороне. На стороне условного противника. Мы не знаем, чего ждать от него, но все чувствуют приближение чего-то ужасающе грозного. А на стороне тех, кто хочет сохранить этот мир, никого...

Михаил покачал головой:

— Ошибаешься. Четверо высших архангелов, я в том числе, и великое множество ангелов!

— Прости, — прервал Азазель, — они там. И вряд ли их заставишь сюда спуститься. Им потребуются указания самого Всевышнего, но его, как догадываешься, не будет. Но центр мира уже здесь, у людей. И великие битвы прогремят здесь! И если тебе придется драться с Сатаном снова, то это случится тоже здесь. Небеса ему больше не интересны. И Сатан, говорю тебе серьезно, все эти годы усиливался и развивался. История учит, но никак не вдолбит в головы, что усиленно развиваются именно побежденные! А победители празднуют. Праздник от слова «праздность», не знал?

Михаил ощутил, как его всего осыпало морозом.

— Как ты легко сказал «все эти годы»... А это больше шести тысяч лет!

— Вот-вот, — согласился Азазель утрумо. — А здесь ни люди, ни демоны времени не теряют. Если говорить совсем уж честно, на той стороне сейчас вообще неизмеримые силы...

Он дернулся, быстро развернулся в сторону экрана телевизора. Михаил моментально насторожился, там показывают картинку неких разрушений, но совершенно незначительных по сравнению с теми, что шли только что с места боев в Йемене. А на картинке сейчас люди ходят совершенно спокойно, никакой стрельбы, танков, взрыва бомб...

— Это мне как-то не нравится, — пробормотал Азазель, Михаил уловил тревогу в голосе демона. — Очень даже...

Михаил полубопытствовал:

— Там твои фермы по выращиванию цыплят?

— Почти угадал, — ответил Азазель безучастно. — Я в тех местах провел... немало времени.

— Везде что-то случается, — напомнил Михаил. — Ты что, от людей ждешь порядка? Раньше были простыми дикарями, теперь стали сумасшедшими дикарями. Даже я это понял.

Глава 2

Азазель покачал головой, взгляд его не отрывался от экрана, а там камера оператора показывает то один участок, то другой — с перевернутой строительной техникой, диктор профессионально взволнованно, как при репортажах с победного парада, рассказывает, что вот тут погиб один работник, здесь другой, а тело третьего так и не нашли.

— Михаил, — сказал Азазель, — побудь сегодня один. Сейчас Синильда выйдет, хотя ты и сам можешь к ней... Там шикарная ванна, но еще не догадываешься, зачем она, верно? Все верно, мыться как-то вообще не по-мужски. А мне нужно отлучиться.

Михаил нахмурился:

— Какая-то хитрость?

— Никакой, — заверил Азазель. — Слетаю на то место... Понимаешь, там остались друзья. Вдруг кого задело взрывом, нужна помощь... донорство или пересадка печени с костным мозгом... Да что тебе подробности, я туда и обратно.

Михаил проговорил с подозрением в голосе:

— Не хитри. Ты уже трижды отлучался, ничего не рассказывая. А сейчас хоть и говоришь, но привычно врешь!.. Что там?

Азазель сказал с досадой:

— Я же сказал, там у меня остались друзья. Вдруг кому пальчик прищемило так, что кишки вылезли?

— Когда там был в последний раз? — спросил Михаил быстро.

— Да лет сто двадцать, — ответил Азазель автоматически и тут же запнулся, посмотрел на Михаила с укором. — Что ты меня ловишь? Там внуки и правнуки моих друзей!.. Я почти обязан позаботиться!.. У меня человеческие ценности, я почти гуманист в самом широком смысле. Очень широком, даже границ не видно.

Михаил покачал головой:

— Не хочешь говорить, не говори. Но я поеду с тобой. И потому, что не доверяю тебе, вдруг сбежишь, и потому... что да, не доверяю. Ни в чем. Ты же не просто демон...

— А кто?

— Самый древний из демонов, — сказал Михаил и сам ощутил, что произнес это с чем-то вроде уважения, за что на себя тут же озлился. — И хитрый.

Азазель вздохнул, развел руками:

— Ладно, с тобой спорить трудно, вижу. Ты же этот... не к ночи будь сказано. Сейчас закажу билеты на ближайший рейс.

Он вытащил из кармана смартфон и начал быстро тыкать пальцем в цветные картинки. Михаилу почудилось, что сдался Азазель чересчур быстро, хотя это может быть и не ловушка, а просто чрезмерная забота о каких-то потомках. Или не потомках.

— Давай, — сказал Азазель, не отрывая взгляда от экрана смартфона, — я не буду объяснять тебе, почему самолет летит, не размахивая крыльями?..

Михаил буркнул:

— А ты сам хоть знаешь?

— Мне без надобности, — ответил Азазель с достоинством, — а извозчики на что?.. Но вообще-то знаю.

— А мне зачем? — спросил Михаил. — Я знаю более важное. И чувю, что хитришь.

Азазель взглянул на часы, повернулся к стене, там ментально на огромном экране появилось красочное расписание авиарейсов с мигающими силуэтами самолетов, больших, средних и малых.

Михаил понял все-таки не сразу, что все, там изображенное, относится к воздушным перевозкам, условные изображения самолетов разбросаны в разных концах огромной таблицы.

Азазель долго всматривался, наконец сказал с досадой:

— Хрень какая-то... Еще пару лет тому назад самолеты туда ходили чаще. А сейчас не раньше завтрашнего дня!

Михаил сказал с равнодушным интересом:

— Разве это долго для твоей совсем не короткой жизни?

— Там могут быть еще жертвы, — огрызнулся Азазель.

— Стало жалко людей?

— Не очень, — огрызнулся Азазель, — но если там бушует демон, на что указывают некоторые моментики, это опасно засветкой... Хотя, гм, я же самец в полной силе...

Михаил насторожился, когда Азазель начал рассматривать его весьма придирчиво.

— И что?

— Сам ты передвигаться, — сказал Азазель с расстановкой, — не можешь... ну, как следует. Но тебя, как мешок с отрубями, это такой корм для крупного и мелкого рогатого, а также для кур и курей, могу отнести я, хотя и упарюсь.

Михаил дернулся, отшатнулся, сам ощутил какими дикими глазами посмотрел на Азазеля.

— Ты?.. Меня?

— Ну да, — пояснил Азазель. — Видел, как оса несет по воздуху толстую жирную гусеницу к своему гнезду?..

Хотя да, где тебе такое увидеть... В общем, я могу изво-
лить произвозничать.

Михаил сказал с отвращением:

— Это гадко! К тому же всплеск...

Азазель посмотрел с иронией:

— Я же тебе объяснил... У демонов второго и дальше поколений никаких всплесков. Да и не могут они так передви-
гаться. Нет той частицы Брия, что вызвала бы от-
клик в тонкой ткани нашего мира.

— Но ты же ангел!

— А-а-а, — сказал Азазель со злым удовлетворени-
ем, — наконец признал меня ангелом? Ну-ну... я же ска-
зал, с ангелами сложнее... У тех, кто откололся от офици-
альной линии партии и не посещает Брий, способность
вызывать всплеск постепенно затухает. Но полностью
угасла только у меня и тех двухсот, что вместе со мной
сошли на гору Хермон... Потому что мы были и остаемся
первыми!

— А у Сатана?

Азазель фыркнул:

— У него с чего бы?.. Ты его низверг, но закрыть до-
ступ к Брию и даже Йециру нет власти ни у тебя, ни
даже у Метатрона, что нагло говорит от имени Господа.
Давай не забывать, Сатан низвергнут тобой, но не Все-
вышним!

Михаил поморщился:

— Я действовал по воле Всевышнего.

— Он тебе сам велел? Или ты так понял?

— А разве его воля не очевидна?

Азазель сказал с отвращением:

— Тоже мне толкователь!.. Но люди умнее, военным
власти не дают. Я же говорю, люди учатся быстро. Так как
насчет? Заодно увидишь некоторые преимущества пере-
селения в тело демона.

— Даже не начинай, — предупредил Михаил.

— Как скажешь, — согласился Азазель. — Но я вылетаю немедленно. Ждать завтрашнего дня рискованно. Мало ли чего там еще случится! Случится — это не от слова «случка», как ты подумал, а как бы в другом смысле...

— Когда вернешься? — спросил Михаил.

Азазель развел руками:

— Как разберусь. Это зависит от степени вовлечения моей мудрости и всяких мешающих обстоятельств.

— А сколько у тебя займет перелет?

— Мгновение, — ответил Азазель гордо. — Я же не оса!

Михаил спросил через силу:

— А если со мной?

— Два мгновения, — ответил Азазель, — что вообще-то одно, если смотреть сбоку и не слишком придираяться, как ты любишь по своей занудности.

— Посмотрим вместе, — проговорил Михаил с сомнением, — если только...

— Это же прекрасно! — перебил Азазель. — Сири, приготовь шикарнейший обед. Когда выйдет Синильда, сообщи ей, что крайне срочное дело вырвало нас прямо из-за стола спасать мир, а вернемся, надеюсь, завтра. Передай наши нижайшие и самые искренние извинения, поняла? Мы очень-очень сожалеем. Дико сожалеем. Она может остаться, у меня все равно все заперто, ничего не сопрет, но если уйдет, тоже не станем ее убивать и мучить. Пусть только серебряные ложки не ворует.

Он ухватил Михаила и сдавил крепко, тот охнул и сильным рывком вырвался, но разом со всех сторон обрушилась тьма, он споткнулся и упал на рыхлую землю.

Звезды холодно и отстраненно блещут над головой, ноздри жадно ухватили ароматы чистого и насыщенного знакомыми запахами соснового леса.

Сонно вскрикнула совсем рядом разбуженная птица. Михаил поднялся на ноги, осматриваясь все еще ошалело.

— Скотина, — сказал он с отвращением. — Содомит чертов...

Азазель тоже на ногах, он и не падал, всматривается в далекое зарево по ту сторону редкого леса.

— Да, — ответил он рассеянно, — содомиты хотя бы термин после себя оставили, а что жители Гоморры?.. Гайморит или гемморой?.. Не знаешь?.. Почему не знаешь? Ты должен такое знать!.. Помню детский такой журнал «Хочу все знать»... Потому дети все знают, только помалкивают. Ладно, вон там дорога, пойдем, вдруг попутку поймает.

Не оглядываясь, он побежал с пригорка, лес достаточно редкий, как и любой сосновый, где все стволы прямые, как солдаты на параде, ветви только на макушках, земля усыпана ровным слоем прошлогодних иголок, мягко пружинит под подошвами башмаков, лунный свет льется с неба мягкий, таинственно призрачный.

Минут через десять вышли к дороге, мимо как раз проскочили три большегрузных автомобиля, еще минут пять прошли по обочине, наконец сзади блеснул свет фар.

Азазель повернулся и помахал обеими руками. К их удивлению, за рулем оказалась женщина, немолодая, но еще миловидная и в хорошем теле, типичная украинка с полной пазухой щастя.

— Садитесь, — пригласила она, сразу распахнув дверцу. — Тут уже недалеко, но все равно быстрее на машине.

Азазель кивнул Михаилу, чтобы сел сзади, а сам устроился на переднем сиденье.

— Отважная вы женщина, — заметил он, — молодая и красивая, а рискуете останавливать машину ради двух мужчин... Другие бы на нашем месте разве бы стерпели

такой соблазн? Вон мой друг сзади уже чего только с вами не делает в мечтах и этом, как его, художественном воображении!

Она весело рассмеялась, зубы блеснули ровные, Михаил в самом деле засмотрелся в зеркало на ее полные красные губы.

— Ой, да неужто изнасилуете?.. Такое щасте, и без греха!

Азазель тоже захохотал и дальше тараторил, как черт по коробке. Женщина отвечала веселым говорком, певучим и быстрым одновременно, перемешивая русские и украинские слова.

Впереди на фоне светлеющей полосы неба показалось хорошо освещенное прожекторами пространство со строительной техникой. Но даже Михаил уловил некоторый непорядок: несколько механизмов, выкрашенные в ядовито-желтый цвет, лежат кто на боку, кто вовсе кверху колесами, у двух сильно помяты кабины, на земле мелкие осколки стекол, на некоторых пятна крови, как и на стенках кабин.

Женщина сказала посуровевшим голосом:

— Какой-то выброс, но вроде бы газа не чувствуется... Сегодня придут из города специалисты, будут разбираться. Они не спешат, не то что у вас в полиции!

— Да, — ответил Азазель, — мы шустрые! Особенно мой друг, что уже измозолил взглядами вам спину и то место, где спина называется как-то иначе... Забыл, представляете?

Она улыбнулась, остановила автомобиль возле ближайшего вагончика для строителей.

— Я всю дорогу чувствовала его ладони на моей заднице и даже за пазухой!

Азазель со вздохом открыл дверку машины, вышел и, держась за ручку, горестно вздохнул:

— Да, в такой богатой пазухе я сам мечтаю погреть руки... Увы, служба поблажек не знает. Михаил? Не спи, уже утро.

— Я уже час здесь стою, — напомнил Михаил раздраженно.

Женщина хохотнула, Азазель захлопнул дверцу, и автомобиль с некоторой осторожностью двинулся дальше между поставленными тесно вагончиками, а остановился на другом конце площадки.

Из дощатой бытовки вышли трое мужчин, открыли багажник и начали вытаскивать крупные пакеты и мешки.

Азазель сказал тихо:

— Я не дожидался утра, чтобы никто не засек нашего внезапного появления. Так удобнее, пусть спят. А мы пойдем осмотримся.

Михаил ответил еще тише:

— А что здесь за работы?

Азазель сказал безразличным тоном:

— Сланцевую нефть ищут! Сейчас ее все ищут... Якобы обеспечит и богатством, и независимостью, и здоровьем, и вообще непонятно чем. Наверное, властью над галактикой.

Михаил осматривался, стараясь обнаружить хоть что-то, из-за чего Азазель бросил все и примчался сюда, но не находил.

Глава 3

Небо на востоке все светлеет, на грани с темной землей появилась алая полоска, но Михаил больше поглядывал на тех троих, что разгрузили багажник разговорчивой украинки, переговорили, один направился к ним.

— Чем могу? — спросил он издали с настороженностью в голосе.

Азазель сказал значительным голосом:

— Мы из Центра. Нам сообщили, что здесь неладное, а любая остановка работ приносит убытки.

Мужчина перевел дыхание, явно ожидал кого-то похуже, ответил с жаром:

— Еще какие!.. Я — Остап Вишня, управляющий буровыми работами, мы и так выбились из графика из-за этих чертовых митингующих... Утром снова явятся, теперь обещали пригнать целый автобус с такими же сумасшедшими!..

Азазель скривился, будто ударил молотком по пальцу:

— Как же это... неприятно... Если работников сменит механизация и всякие роботы, вся страна превратится в таких вот митингующих?.. А чего они требуют?

Управляющий в сильнейшем раздражении пожал плечами:

— Люди всегда чего-то требуют. Особенно когда работать не хотят, а зарплату требуют повыше. А у нас тут собрались вообще рухнувшие! Им надо, чтобы вообще прекратили все работы, а то, видите ли, вред окружающей природе! Работы и так сейчас остановлены, а это убытки!.. Каждый день простая обходится в потерю четверти миллиона долларов, представляете? А нас хотят остановить на неделю!.. Вы знаете, сколько стоит аренда этих машин?.. А зарплату рабочим нужно всем выдать вовремя!.. К тому же, если не уложимся в заявленные нами же сроки, с нас сдерут еще и штрафные санкции!

— А что, — буркнул Михаил. — Господь создал прекрасный мир, незачем портить, пачкать и разрушать.

Управляющий сказал печально:

— Вам все шутки, а вот нам...

— Природа не храм, — поддержал его Азазель, — как сказал великий Базаров, а мастерская. И человек в ней работник, а не митингуист!.. Потому и должен работать,

работать и работать, чтоб упрели даже те, кто на него смотрит. Это тоже, кстати, велел Творец. Спасибо за информацию, товарищ Вишня. Вы не родственник?..

Управляющий скромно улыбнулся, но в голосе прозвучала такая гордость, словно это он спорил с Богом о выборе политического курса для нового человека:

— Меня назвали Остапом в честь прадеда.

— Великий был человек, — сказал Азазель с чувством и, ухватив Михаила за локоть, потащил в сторону дальних буровых установок.

Михаил дал увести себя подальше, там уперся в землю, как знаменитый скаковой конь мудреца Валаама.

— Постой, — потребовал он, — ты мне голову не морочь. Тебя призвала сюда забота о старых друзьях? Или их внуках?

Азазель приложил ко лбу козырьком ладонь, от яркого южного солнца прикрываться еще рано, но любой в такой позе смотрится значительнее и мудрее.

— Ну да, я же говорил... а как же иначе...

— Тогда почему, — спросил Михаил отдельно, — ты примчался на место катастрофы, а не ринулся узнавать, кто из твоих старых друзей лежит с перебитыми ногами или вообще в морге?

Азазель вздрогнул, посмотрел на него несколько странно, во взгляде падшего Михаилу почудилось что-то вроде намека на уважение.

— Ух ты, какой ты... сообразительный.

— Так почему? — потребовал Михаил.

Азазель вздохнул:

— Хотя бы потому, что меня заботит, как бы эта катастрофа не повторилась. Здесь земля такая... Понимаешь, мин многовато, а карты минных полей утеряны. Много неразорвавшихся снарядов, схроны со взрывчаткой... Здешние земли захватывали то одни боевики, то другие,

все отряды как-то назывались, но для меня они все на одно лицо.

— Не крути, — посоветовал Михаил. — Не убедительно.

Азазель отмахнулся:

— Пойдем посмотрим ближе.

— Разве не посмотрели? — уточнил Михаил.

— Шире посмотрим, — пояснил Азазель. — Мы же не куры, что смотрят только под ноги? За пределами этого... места поглядим и посмотрим.

Край земли на востоке заискрился, словно раскаляемый слиток металла на багровых углях. Первые лучи восходящего солнца достигли площадки.

Прожектора тут же погасли, а от громадных механизмов пролегли длинные призрачно-светлые тени.

Азазель пошел от площадки все расширяющимися кругами. Михаил двинулся сзади, стараясь понять, что же тот надеется увидеть, вряд ли тут мины, все истоптано, давно бы рвануло под ногами рабочих.

Он пошел за ним, тоже поглядывая как вниз, так и по сторонам. Азазель продолжал пристально рассматривать землю с истоптанными чахлыми стебельками травы.

— Пусто здесь как, — сообщил Михаил. — А где люди?

— Отпустили по домам, — ответил Азазель. — Вынужденный выходной, но без сохранения. До выяснения.

— А где те, которые выясняют?

— Все сфотографировали, — объяснил Азазель, — пробы взяли, народ опросили, а теперь уехали в свою контору гонять чай, играть в покер и между этими важными делами пытаться решить данную задачу...

— Именно в такой очередности?

— Или сделать вид, — уточнил Азазель, — что решали, но оно противилось и не решилось. А ты недоволен, что нам никто не мешает?

— Да нет, — ответил Михаил, — просто удивился, никто ничего не делает.

— На продолжение работ, — напомнил Азазель, — наложен временный запрет. Так что нам лучше бы успеть, пока вся орущая орава не налетела... Хорошо, хоть демонстрантов останавливают еще на въезде.

Михаил остановился, Азазель ушел далеко вперед, там гигантские установки в таких положениях, словно некая исполинская сила их не просто опрокинула, а порасшвыривала.

В земле издали заметили небольшую ямку, Азазель остановился именно там, очень заинтересованный, даже встревоженный, бодро помахал рукой:

— А вот здесь странности!

Михаил подошел ближе, Азазель указал на узкую дыру с рваными краями. Диаметр такой, что и ведро вряд ли пролезет, но отверстие уходит и уходит в глубину, далеко-далеко внизу сплошная чернота, Михаилу почудилось, что эта тьма по-настоящему вековая, и солнце заглядывает туда впервые...

Азазель перехватил его внимательный взгляд, сказал поощряюще:

— Сколько там? Метров десять до дна?

— Если не пятнадцать, — буркнул Михаил, уже ощутил в голосе хитрого демона подвох, — а я бы сказал, все двадцать!

— Ого, — ответил Азазель с одобрением, — верно мыслишь, дорогой товарищ... В верном направлении. В том смысле, что глубину этой дырочки нужно считать, как ты сказал очень точно, в сотнях метров.

— Что-что?

— Думаю, — сказал Азазель со вкусом, — где-то сот пять. Ну, может, четыре... А вы считаете иначе, дорогой товарищ?

Михаил нахмурился:

— С чего ты взял?

Азазель картинным жестом обвел ладонью окружающий мир с таким видом, словно готов объявить его своей собственностью, подумал и сказал достаточно буднично:

— Перевернутую технику видишь? Или думаешь, что она и должна лежать в таком положении? Ну да, ты же неолуддист белокрылый... В общем, вон основная бурильная установка на боку, а с этой стороны всякие вспомогательные. Это так, для упрощения, чтобы не углубляться и не вникать, это вредно для солдатского мозга полевого полковника и даже болезненно... Ага, и запахок знакомый... Знакомый такой аромат древних времен чувствуешь?

Михаил буркнул:

— Какой-то газ?

— Да, — подтвердил Азазель. — Но доли процента. Чуть-чуть просачивается по микрощелям из более глубоких слоев. Еще полкилометра осталось пробурить — и местные будут со своим газом!.. На целую деревню хватит.

Михаил спросил с недоверием:

— Как газ мог перевернуть всю эту технику?

Азазель сказал довольно:

— Еще как!.. Но был бы взрыв, что разворотил бы эту дыру до размеров лунного кратера. Нет, тут именно то, о чем мы подумали. Ты же подумал, верно?

Михаил огрызнулся:

— Это было понятно с самого начала. Стал бы ты, такой чуткий и ранимый, отзываться на мелкую катастрофу, когда с удовольствием смотришь, как сотни тысяч людей с оружием в руках зверски убивают друг друга?

— Люблю наблюдать прогресс на марше, — пояснил Азазель. — Как технологический, так и социальный.

Когда-то все любители воевать перебьют друг друга, а мы, мирные, останемся жить в мире без войн и оружия!

— Такого никогда не будет, — сказал Михаил сердито. — Человек всегда будет зверем.

— Пока будет человеком, — согласился Азазель, — но с помощью технологий и продвинутой медицины он уже... Ого, вот тут что-то происходило... Михаил, не топчись по следам, как сытый носорог из Берлинского зоопарка. Лучше полежи, как его собрат в Московском, тот всегда голодает и бережет силы. Или осмотри вон ту бытовку. Вроде бы слишком далеко, чтобы опрокинули, но вид у нее, будто снесли одним ударом. Только опорные сваи целехонькие...

Михаил кивнул, ушел, Азазель осторожно передвигался по площадке, всматриваясь в отпечатки сапог рабочих, кое-где замечаются странности, но еще не успел домыслить, что в них не так, когда увидел, как из-за перевернутого бульдозера вышел крупный мужчина и широкими шагами направился в его сторону.

Азазель разогнулся, приветливо помахал рукой:

— Привет!.. Хоть один на месте, а то все сразу по бабам... Вы видели, что тут происходило?

Мужчина шел быстро и с настораживающей напористостью, Азазель всматривался в него с доброжелательным интересом, а тот сказал на ходу с тяжелым дыханием:

— Еще как видел!

— Расскажите, — попросил Азазель.

— Рассказать? Да лучше я покажу!

Он ухватил Азазеля с такой скоростью, что тот не успел мигнуть, с силой швырнул его в лежащий на боку бульдозер. Страшный удар перевернул тяжелую машину снова, она вся загудела и закачалась.

Азазель рухнул на землю, на блестящей поверхности толстого щита отвала остались вмятины от его тела, но тут

же вскочил как раз вовремя, чтобы встретить налетевшего, как ураган, напавшего.

— Понравилось? — проревел тот люто.

— Андреальфус, — сказал Азазель торопливо, — давай поговорим...

Демон ударил со страшной силой, но на этот раз Азазель увернулся, отпрыгнул от огромного кулака. Демон пошел на него, по-бычьей нагнув голову и вперив лютый взгляд.

Азазель начал отступать, отпрыгивать, увертываться, а демон проревел с лютой злобой:

— На этот раз тебе не удастся!.. Я триста лет копил силы!.. Я намного сильнее тебя, сам видишь и трепещешь...

— Неужто триста лет? — охнул Азазель. — А мне показалось, прям вчера... ну пусть неделю тому...

Демон ринулся в бешенстве, Азазель отпрыгнул, но споткнулся, упасть не успел, демон двигался так же быстро, как и он, оказался рядом и обхватил туловище громадными толстыми руками.

— Давай поговорим, — проговорил Азазель с трудом.

— Что, — рыкнул демон, — не вырваться?.. Мою хватку еще никто не мог разорвать!..

— Андреальфус, — прохрипел Азазель полузадушенно, — подумай, что ты делаешь...

— Что я делаю? — взревел демон. — Сейчас ты узнаешь, что значит быть замурованным в каменной стене! Да еще глубоко под землей!.. Только ты проведешь там не триста лет, а триста веков!.. Нет, триста миллионов лет!..

— Это же много, — едва выговорил Азазель, — ты чего? Давай хотя бы миллион лет, а?

— Ты останешься там навеки!

Азазель дернулся, но заклятие сковало его тело, а за-

тем справа и слева поднялась земля и, быстро превращаясь в толстую плиту гранита, сомкнулась на нем прочным панцирем, оставив крохотное отверстие для лица.

— Это нерушимо, — сообщил Андреальфус со злобным ликованием, — и ничто его не разрушит!

— Андреальфус, — проговорил Азазель с трудом, попыталсядохнуть шире, но гранит сдавил грудь, прерывая дыхание, — опомнись...

— Я заброшу тебя, — заявил демон страшным грохочущим голосом, — на то же самое место, где был я... и на ту же глубину, чтобы все было — ха-ха!.. зуб за зуб, говоришь?

Он топнул ногой, дыра в земле начала расширяться, а Андреальфус с торжеством смотрел то на нее, то на бледное лицо Азазеля.

— Сейчас, — сказал он, наслаждаясь моментом, — сейчас...

Азазель прохрипел с трудом, гранитный панцирь едва позволял дышать:

— Андреальфус, опомнись... Ты добыл себе свободу... живи просто... ты здесь не один... живи и не вреди никому...

— Поздно, — проревел Андреальфус торжествующе. — Я вчера убил двух, а сегодня троих... и мне это очень понравилось!.. Я буду убивать, пока не перебью всех-всех... Ого, дыра уже хороша, нигде не застрянешь до самого дна...

— Погоди, — взмолился Азазель. — Мне очень нужен такой же сильный и неистовый, как ты! Забудем старые ссоры... Давай выступим против сильного врага, которого мне в одиночку не одолеть. Уверяю, тебе это будет выгодно!

Демон рыкнул лютю:

— Я встану с любым твоим врагом против тебя, хермонек! Я встану с кем угодно, кто только собирается выступить против тебя!

Он захохотал, занес ногу для сильного пинка, что сбросит Азазеля в бездну, но за спиной раздался грохочущий голос, исполненный вселенской мощи:

— Надо было соглашаться. Азазель слов на ветер не бросает.

Андреальфус резко развернулся, на бледном лице в глазах метнулся испуг:

— А ты кто?.. И откуда здесь?..

Михаил вскинул руки над головой:

— Аз езмь Кара Господня!

Глава 4

В руках возник сверкающий огнем первого дня творения длинный меч. Не давая ошеломленному демону сдвинуться с места, Михаил ударил со скоростью молнии.

Андреальфус вспыхнул коротким багровым огнем и моментально разлетелся крохотными искорками, что медленно поплыли в воздухе, но угасли, не достигнув земли.

Михаил приблизился к скованному камнем Азазелю, у того было свободно только лицо, подумал чуть, неспешно ткнул кончиком меча в камень.

Огромная глыба превратилась в рыхлую землю и моментально осыпалась неопрятными кучками.

Азазель торопливо вскочил, даже не отряхиваясь, крикнул:

— Быстро в машину!.. Да любая, лишь бы ближе!

Михаил, не задавая вопросов, торопливо пронесся за ним. Выбежав за огораживающую площадку желтую ленточку, Азазель ринулся к стоянке больших и малых автомобилей, прыгнул за баранку потрепанного грузовичка.

Михаил заскочил на сиденье рядом, Азазель даванул на педаль газа, автомобиль рыкнул и понесся прочь, прыгая на кочках, как ужаленная лошадь.

— Что случилось? — спросил Михаил.

— Всплеск, — крикнул Азазель раздраженно. — Забыл? Сейчас сюда примчится целая команда!.. Да не людей, люди всплески еще не замечают... Нужно убраться подальше, а там затеряться среди народа. Даже меня могут при таких точных координатах отследить, если попробую метнуться взад с тобой под мышкой... Кстати, ты мне чуть бок не пропорол!.. Вон смотри, дыра в таком дорогом пиджаке! От самой Оксаны Рыбачук!

Михаил уцепился обеими руками в сиденье и дверцу, автомобиль прыгает на кочках и рытвинах так, что можно вылететь через крышу или лобовое стекло.

— А как насчет спасибо?

— Да ладно, — огрызнулся Азазель, — я же видел по твоему счастливому лицу, подумывал заодно и меня пырнуть этой штукой? Спасибо, хоть не сбросил вниз, а то выражение у тебя было похлеще, чем у твоего собрата Андреальфуса.

Михаил сказал с неохотой:

— Не пырнул же? И не спнул в яму. Чего ты всегда такая ворчливая бабка?.. Все закончилось. Потомки твоих старых друзей в безопасности. Все даже лучше, чем рассчитывали. И получилось так быстро, что даже не верится.

Азазель смотрел через лобовое стекло в тягостном раздражении, автомобиль подпрыгивает на кочках, ломится через кусты, обоих бросает из стороны в сторону, Михаил несколько раз стукнулся макушкой о металлический верх кабины.

— Не люблю убивать, — сказал Азазель вдруг.

Михаил посмотрел с изумлением:

— А чем ты занимаешься?

— Это поневоле, — огрызнулся Азазель.

— Как работа?

— Как служба, — отрезал Азазель.

— И кто тебя на нее поставил?

Азазель метнул на него косой взгляд и снова обратил внимание на мчащуюся под колеса дорогу.

— Ты понимаешь службу как наказание? Или как?.. Я вот сам встал. По зову. По своему зову!..

Михаил сказал с неловкостью, причины которой и сам не понял:

— Да ладно... Его и надо было убить.

Азазель вздохнул:

— Ну, не знаю. По мне, так лучше быть там на глубине в камне, чем не быть вовсе. Все равно он бы жил, а пока жив, есть надежда на спасение. Но для тебя да, лучше убить демона, чем оставить его в заточении.

Михаил некоторое время молчал, Азазель начал поглядывать искоса, наконец Михаил ответил неохотно:

— Убить было правильнее, но я был готов ради тебя позволить сковать его снова и зашвырнуть на дно той пропасти, куда ты, как я понял из его слов, отправил триста лет назад.

Азазель посмотрел с недоверием:

— Чё, правда?

— Позволил бы, — ответил Михаил, — ты же так помог с остальными... я хоть что-то был должен сделать и для тебя. Но что получилось, то получилось.

Азазель спросил медленно:

— А если бы я убедил его просто жить на земле, никого не трогая и никому не вредя?

Михаил нахмурился, ответил нехотя:

— Знаешь... давай лучше об этих, как их, рейсах. Самолеты летают часто?

— В Москву? — изумился Азазель. — Что за вопрос? Все дороги ведут в Москву, как в старину вели в какой-то там Рим. А под мышкой не хочешь? Не так уж там и пахнет.

— Ни за что, — отрубил Михаил. — И никогда больше не хочу такой гнусности. Узнают, мне никто руки не подаст, как здесь говорят.

— А ты не говори, — предложил Азазель.

Михаил посмотрел на него с видом лорда на никчемного пьяного простолюдина:

— Но я же знать буду?

Грузовичок оставили на стоянке в аэропорту, места на обратный рейс Азазель, оказывается, заказал еще вчера, то ли повезло, то ли в самом деле все рассчитал настолько точно.

Михаил молча удивился, но все-таки решил, что громадный опыт жизни среди людей подсказывает хитрому демону, как и что получится после каждого его шага, а самому Азазелю остается только сравнивать разные варианты и выбирать подходящий.

— Это вот билеты, — сказал Азазель тихо. — Ты молчи и улыбайся. Я сам все скажу, покажу и заплачу. Твой билет у меня, как и все твои бумаги.

Михаил ответил, стараясь не выказывать дрожи в голосе:

— Ты сам перестань дрожать... Другие же летают?

— Правда? — спросил Азазель с интересом. — Ну, ты меня успокоил.

Улыбающаяся на верхней ступеньке трапа стюардесса улыбнулась особенно широко и обещающе статным рослым мужчинам, видимо, как понял Михаил, имеет в виду комфорт и особые удобства в полете. Азазель подмигнул

ей, Михаил от тычка в спину пошел быстрее по проходу между сиденьями.

— Мишка, — велел Азазель сзади, — твое место у иллюминатора. Вообще-то это мое, но я добрый, люблю смотреть, как тебе будет ой как страшно...

Сам он сел с ним рядом, а справа соседом оказался очень немолодой самец представительского класса, холеный, хорошо одет, но на нем словно бы написано крупными буквами, что он уже отошел от бизнеса и теперь просто наслаждается жизнью, что вдруг оказалась прекрасной и удивительной, кто бы подумал, когда весь в работе.

В салоне по три кресла в ряд по одну сторону прохода, три по другую этот немолодой самец со старомодной вежливостью усадил сперва жену на другой стороне, заботливо поправил ей подголовник, за что феминистки могли бы предъявить ему обвинение за намек на женскую слабость, только после этого опустил на сиденье рядом с Азазелем.

Пассажиры привычно вжимались в ожидании взлета в кресла поглубже, начали прикрывать глаза темными повязками на резинках.

Азазель шепнул Михаилу:

— Лететь всего час, а они спать!.. Что за народ пошел? Как здоровье берегут, как берегут, все поголовно анти-эйджингисты...

Бизнесмен на покое услышал, сдержанно улыбнулся. Стюардесса прошла по салону с подносом в руках, предлагая минеральную воду. Бизнесмен произнес со вздохом вполголоса:

— Помню времена, когда стюардессы предлагали вино и даже коньяк. А сейчас, увы, минеральная... С ума посходили со своей погоней за здоровым образом жизни и надеждами дожить до бессмертия.

Азазель сказал хитро:

— От коньяка не отказались бы?

— Какой мужчина откажется?

Стюардесса уже красиво возвращается с дальнего конца салона, сияет улыбкой, шевелит очень заметными вторичными признаками. Даже Михаил заметил, что бутылка минералки даже не начата, все стаканы на подносе.

Азазель сказал ей живо:

— Девушка, мне стаканчик!

Она мило улыбнулась ему, опустила в подставленную ладонь стакан и умело налила туда воду.

Азазель тут же сунул его в руку опешившего соседа.

— Вы не представляете, что у них тут за вода!.. Крибле-крабле-бумс!..

Он провел ладонью над стаканом, а когда убрал, бизнесмен едва не выронил посудину, прозрачная вода приняла насыщенный коричневый цвет выдержанного благородного коньяка.

Он охнул:

— Вот так фокус...

— Попробуйте на вкус, — подзадорил Азазель.

— Что, — спросил сосед с недоверием. — И вкус будет похож?

Азазель кивнул, тот с недоверием поднес стакан к губам. Михаил издали наблюдал, как лицо бизнесмена начало медленно расплываться в счастливейшей улыбке.

— Послушайте, — произнес он с восторгом, — это же... настоящий! Я всегда предпочитал коньяки, а я в них разбираюсь!.. Это же легендарный Камус, суперпремиум-коньяк из лимитированной серии самого Пуату-Шаранта!

— Точно, — согласился Азазель. — Я хотел, чтобы вы получили настоящее удовольствие.

Сосед сделал первый глоток, прислушался к ощущениям, покатав капли коньяка на языке.

— Богом клянусь, настоящий!

— Аэрофлот любит сюрпризы, — ответил Азазель мирным голосом. — Обрадованный пассажир — верный пассажир!

— Ради такого коньяка, — ответил сосед, — можно родину продать, а не только переметнуться к конкурентам.

Он снова глотнул, его жена начала присматриваться с интересом, крупная молодящаяся дама и, как говорили в старину, со следами былой красоты, хотя и сейчас элегантная и величавая, весьма эффектная для своей возрастной категории.

Сосед Азазеля почти осушил стакан, когда она сказала с сомнением:

— Артур... ты выглядишь так, словно это настоящий коньяк...

Ее муж ответил слегка заплетающимся языком:

— Милая...

Она сказала со вздохом:

— Хорошо, поспи часок до посадки... Тебе полезно.

Лицо ее Артура расплылось в блаженной улыбке, через минуту он откинул голову на подголовник и заснул, чуть приоткрыв рот.

Женщина посмотрела на Азазеля с интересом:

— Вы просто чародей!

— Да, мадам, — ответил Азазель галантно, — так люблю делать людям приятное, когда у самого все идет хорошо!..

Она улыбнулась, показывая безукоризненные голливудские зубы:

— Для других у вас тоже, как вижу... Мой муж не любит бесцельное сидение в кресле, ему часто приходилось летать с континента на континент, потому всегда пропускал рюмочку и спал до самого прибытия.

— Признак энергичного человека, — сказал Азазель. — Вам тоже повезло, он достойный партнер.

— Вы его осчастливили, — сказала она, — жаль, что мои желания, увы...

— Я их знаю, — ответил Азазель.

Она посмотрела без особого удивления:

— Откуда? Хотя да, конечно, у всех женщин в моем возрасте...

— Но помочь могу, — сказал Азазель. — В определенных рамках.

Она посмотрела ему в глаза, на ее лице проступила печаль:

— Вряд ли...

— Нам лететь почти час, — напомнил он, — Уединимся минут на пять-десять в кабинке?.. Это омолаживает, даю слово.

Она посмотрела на него с улыбкой:

— Вы член Клуба Высотного Секса?

— Подумываю поступить, — ответил Азазель скромно. — Сейчас самолет как раз на уровне десяти тысяч метров над уровнем моря, а это единственное условие.

Она молча поднялась и первой пошла по проходу. Азазель подмигнул ошалевшему Михаилу и отправился за нею следом.

Сосед спит счастливо, набирается сил, любой полет для него бесцельная трата времени, сам Михаил пытался смотреть в окно, однако внизу одинаковое заснеженное поле, что не снег, а, как объяснил сразу Азазель, облака.

Он не заметил, сколько прошло времени, но в проходе снова показались жена бизнесмена и следом за нею Азазель. Михаилу почудилось, что женщина чем-то смущена, хотя и держится чуть ли не вызывающе гордо, а спину несет подчеркнуто прямо.

Лишь когда приблизились, он рассмотрел в тусклом свете салона, что ее лицо стало заметно моложе. Пусть не шестнадцатилетней девушки, но кожа чистая и без следа прежних морщин, исчезла даже густая сеть вокруг глаз, пропали под ними темные мешки в два яруса, но, конечно, самое главное — резко подтянулись щеки, даже картинно запали, а подбородок теперь резко и красиво очерчен.

Даже шея без привычных возрастных морщин, что же этот гад делает, нельзя же так, сам же повторял, что подобное когда-то все погубит...

Женщина прошла на свое место, ее сосед даже не заметил, что она не совсем та, что сидела рядом, настоящий толерантный и политкорректный демократ. Как абсолютно не заметил, что она уходила в сторону туалетной кабины с посторонним мужчиной.

Азазель осторожно пробрался к своему сиденью, стараясь не задеть колени спящего соседа, со вздохом глубокого удовлетворения опустил рядом с Михаилом.

— Скотина, — прошипел Михаил. — А что насчет всплеска?

Азазель покровительственно улыбнулся:

— На высоте в десять тысяч метров над землей? Всплеск, если кто и заметит, спишут на тех самых... ну, сам знаешь кто там выше. Да и какой всплеск от меня?

— А люди?

Азазель осторожно посмотрел по сторонам:

— Ты о чем?.. Так это сейчас самое модное увлечение. Секс в туалетной кабине на высоте в десять тысяч метров над уровнем моря, пусть мы не над морем...

Михаил тоже скосил глаза, показалось, что дыхание соседа впереди совсем затихло, прислушивается, мерзавец, и прошипел зло:

— Поговорим в машине.

В его нагрудном кармане тихохонько пискнул смартфон, на экранчике высветилось лицо Синильды. Михаил коснулся кончиком пальца ее лица, стараясь не попасть в глаз, Синильда сразу ожила, губы раздвинулись в улыбке, а глаза засияли:

— Ой, ты где? В самолете?

Он чуть повернул смартфон, показывая рядом Азазеля:

— Только что приземлились. Через двадцать минут будем дома. Приедешь?

— Только скажи, — ответила она с сияющими, как утренние звезды, лучистыми глазами.

— Говорю, — ответил он неуклюже. — Буду безмерно, просто безмерно счастлив.

Экран погас, Михаил подержал смартфон в ладони, повернулся к Азазелю:

— Синильда обещает приехать! По голосу не слышно, что сердится.

Азазель сказал философски:

— Человек состоял из души и тела, а сейчас еще и смартфона. Как без него жить?

Глава 5

Автомобиль Азазеля со стоянки увидел их издали, торопливо вырулил из ряда и поспешил навстречу, осторожная и пугливо притормаживая в многолюдном и многомашинном месте.

— Соскучился, — сказал Азазель ласково, — милый мой дурашка... Ничего, с каждым апгрейдом умнеет и умеет делать больше, чем раньше. Но пока послушный. Это потом охамеет, будет как человек, а человеки в обслуживающем сервисе все до одного латентные хамы.

Михаил опустил на правое сиденье, чувствуя странное чувство уюта и домашности, словно вернулся домой.

— Лишних ушей нет, — сказал он. — Нет же? Давай говори правду. Если даже для тебя в чем-то позорная, никто не услышит.

Азазель взял управление на себя, вырулил на трассу и только там сказал неохотно и стараясь не смотреть в сторону Михаилу:

— Ты о той паре в самолете?..

— Не только, — ответил Михаил спокойно, — однако можешь начать с нее, если не решаешься сразу о той катастрофе.

Азазель сказал равнодушным тоном:

— У людей всегда на все есть логичное объяснение. Например, внушение. Обычно им объясняют многое непонятное. Мужик решит, что я ему внушил, дескать, та вода в стакане не вода, а коньяк. Он сам хотел, чтобы это был коньяк, вот и поверил с большой охотой. Потому простая вода подействовала, как коньяк. Эффект плацебо!

Михаил прервал:

— Ладно, а что насчет его жены?

— С нею сложнее, — признал Азазель, — ей придется объяснять мужу и подругам, что все дело в соматике и неистовой вере в себя и страстном желании стать моложе. Помогли, дескать, перепад высоты, ощущение недостатка воздуха, стресс... Помнишь, Иисус говорил: верь и пойдешь по воде! Она поверила, что у нее подтягиваются щеки и все три подбородка, вот и подтянулись. Так объяснит, так ей и поверят, как уже верит и она сама. И хотя наша вера отрицает чудеса, но люди в них верят просто по-язычески неистово!.. А подругам можно намекнуть на чудо-хирурга по пластической косметике.

Михаил помолчал, наконец поинтересовался мрачно:

— А тебе это зачем?

— А понять сможешь? — спросил Азазель. — Трудно поверить, что в самом деле люблю людей. Не по приказу,

как велено тебе. Мне просто приятно делать им хоть что-то по мелочи, что их обрадует и поднимет настроение! И на страже я добровольно, если ты все еще не веришь.

Михаил нахмурился, покачал головой:

— Брешешь все.

— Почему?

— Ты не такой, — сообщил Михаил. — С чего бы ты стал таким?

— А если я таким и был? — поинтересовался Азазель. — И потому только с группой таких же энтузиастов спустился к людям? Чтобы помогать им?

Михаил отмахнулся:

— Ладно, у тебя все брехня, знаю. А теперь что насчет демона в сланцевых пластах?

Азазель продолжал упорно смотреть на бегущую под колеса автомобиля дорогу, но Михаил ждал ответа, наконец Азазель буркнул:

— Ты сам все понял, не так ли? Нужны подробности?

— Не помешают, — ответил Михаил. — Пока доедем, успеешь рассказать.

— Да тут и рассказывать нечего, — ответил Азазель с усилием. — Где-то лет сто или двести тому, уж и не помню точно, хотя он говорил, что триста... вот время бежит, кто бы подумал?.. как-то я настиг одного из первых беглецов из ада. Он забавлялся поджогами домов, а сам с хохотом наблюдал, как оттуда пытаются выбраться горящие люди.

Михаил нахмурился:

— Дальше.

— Я попытался уговорить, — сказал Азазель упавшим голосом, — так не делать. Он отказался. Тогда я попытался остановить силой... Схватка была... очень даже впечатляющей... Ладно, опустим мелочи, хотя я хорош, очень хорош. Он был повергнут, я распахнул землю по здешним меркам на полкилометра в глубину, зашвырнул туда на

самое дно, а еще и заковал в камень. Затем велел трещине сомкнуться так, чтобы на поверхности не осталось ни следа, ни шрамика. По задумке, он должен был там оставаться до конца времен.

Михаил спросил с недоверием:

— Но как он тогда смог?

— Он освободился не сам.

— Кто-то знал?

Азазель поморщился:

— Никто. Тогда здесь была голая земля, в истории известная, как Руина. Свидетелей схватки не было. А чтобы его освободить, нужно найти это место. Очень точно определить, а никто, кроме меня, не знал, где он. Даже я не помнил в точности, это плюс-минус километр! Во-вторых, как сумеешь спуститься в те темные глубины и разрушить сковывающий его камень, если сверху сотни тысяч тонн земли? Понимаешь, я все учел!.. Не учел только, что люди развиваются стремительно, а свою дурацкую нефть ищут даже там, где ее нет.

Михаил прервал:

— погоди-погоди! Ты сказал, я соображаю быстро. Его освободил из каменного плена бур?

— Точно, — подтвердил Азазель. — Бур с алмазной коронкой просверлил дыру в земле, потом еще и в том самом камне и задел... а то и сильно задел самого Андреальфуса. Может быть, вообще насадил на сверло, как жука на булавку!.. То-то он так рассвирепел... Можно даже сказать, обиделся. В общем, треснувший камень развалился. Совсем, даже вовсе.

— Понятно, — сказал Михаил, — выбраться наверх по открытой дыре от бура для демона не так уж и трудно, да?

— Смотри для какого, — подтвердил Азазель. — Этот был не самый сильный, хотя и сильный, но за триста лет недвижимости... или неподвижности?.. накопил уйму

нездешней силы... Но ты его вовремя! Видишь, как мы хорошо работаем в связке?

Михаил нахмурился, заметно уязвленный, что он в какой-то связке с демоном, напомнил холодно:

— Это не значит, что я с тобой согласен!.. Просто сейчас, когда я еще не разобрался, полагаюсь на твой опыт. Потом, Азазель, я в состоянии буду разбираться и сам. И решать, не опираясь на твое всегда предвзятое мнение.

Азазель ответил с фальшивым оптимизмом:

— Прекрасно!.. Баба с воза, кобыле легче. Прости, что сравниваю с бабой, но себя так и вовсе с простой демократической кобылой, что привычно отлынивает от работы, как любой интеллигент! Видишь, насколько я самокритичен, толерантен и политкорректен?

Михаил сказал мрачно:

— Толерантен. А похищение Синильды твоих рук дело?

— Ты что? — изумился Азазель. — С ума сошел?

Михаил сказал с сомнением:

— А твоей подсказки не было?

— То другое дело, — заявил Азазель. — Подсказки не считаются! Ты вообще какой-то стал подозрительный, Мишка!.. Я же для тебя в лепешку разбиваюсь! Так стараюсь, что уже и не лепешка, а блин получается... Кстати, сейчас проезжаем мимо лучшей в городе блинной!.. Вон ее вывеска, видишь? Давай заскочим, перекусим? Ну ты чего? Тогда возьмем с собой в пакетик!

Михаил сказал с сердцем:

— Я чувствовал, что там как-то не все... правильно. И перебил ты их всех нарочно, чтобы языки не распустили.

— Это ты их перебил, забыл?

— Помню, — сказал Михаил тоскливо. — Ты их убил моими руками.

Азазель повернул баранку руля, автомобиль на большой скорости вписался в длинный крутой съезд с магистрального шоссе, освобожденно выскочил на прямую дорогу к дому и понесся, уже ликующий и довольный, в предвкушении теплого стойла и заслуженного отдыха.

Дверь квартиры придирчиво осмотрела их замаскированными глазами камеры, когда оба выходили из лифта, признала хозяина и, не увидев никого из чужих рядом, с легким щелчком выдернула из пазов стальные штыри замков.

На кухне уже витает дивный аромат поджариваемого нежного мяса, запахи плывут навстречу и дразняще щекочут ноздри, уговаривая немедленно распахнуть духовку и вытащить оттуда лоснящуюся свежим соком толстую тушку с оранжевой корочкой, что по краям уже становится коричневой.

Азазель ткнул смартфоном в сторону большого экрана, там высветилась карта города, а по одной из улиц движется в сплошном потоке автомобилей светлый «Инфинити», от которого во все стороны расходятся оранжевые лучики.

— Ей еще минут двадцать, — сказал Азазель, — хорошо, все успеем пожрать, пока доедет.

— Азазель, — сказал Михаил с упреком.

Азазель ответил очень серьезно:

— Веришь ты или нет, но тебя заманили сюда для того, чтобы...

Он запнулся, Михаил сказал быстро:

— Говори!

Азазель пересилил себя и договорил невесело:

— ...чтобы не дать Творцу уничтожить этот мир.

Михаил дернулся в тревоге:

— Что-о-о?

— Ты не так понял, — сказал Азазель быстро. — Ты всегда все понимаешь... в определенном ключе. Но демонов среди людей слишком много, а нефилимов еще больше... Не тех, старых, на которых ты сразу подумал, а новых, что появляются от союза демонов со смертными женщинами. Творец может снова очистить землю потоком либо огненным вихрем. Не останется ничего живого, кроме рыбы в океане. Да и океан, возможно, вскипятит... Так, на всякий случай. И будет снова один первобытный бульон.

Михаил поинтересовался сквозь стиснутые челюсти:

— А ты... намерен... спасти людей? Почему?

Азазель пожал плечами:

— Мне и подобным мне среди людей комфортно. И вообще их люблю. Потому, веришь или не веришь, но уже стараюсь избавляться от опасных демонов.

— Мне кажется, опаснее тебя демонов нет!

— Надеюсь на это, — ответил Азазель с достоинством. — Но я, к счастью, на стороне людей.

Он, как и Михаил, посматривал на экран, где автомобильчик Синильды старательно продвигается в людском потоке, но не нарушает правил, как сделал бы он сам, но, если лицо Михаила светлело с каждым мгновением, глаза Азазеля только темнели, а желваки рельефно вздулись под кожей.

Михаил, все еще не отрывая взгляда от экрана, поинтересовался отстраненно:

— А что с тем сильным врагом, которого тебе в одиночку не одолеть? Или ты соврал этому... Альфонсу... Альфусу?

— Андреальфусу?

— Да.

— Он самом деле так силен?

— Неимоверно, — ответил Азазель со злостью, — а если еще с командой... Такие здесь еще не появлялись. И пошатнуть он может очень многое.

Михаил наконец оторвал взгляд от экрана, повернулся к Азазелю:

— Думай быстрее!..

Азазель уронил голову, словно ее залили свинцом.

— Не знаю, — проговорил он хриплым голосом, — ничего не могу придумать... Надо искать...

Михаил сказал быстро:

— Что искать?.. Давай ищи быстрее!..

— Уверен? — спросил Азазель с непривычной для него нерешительностью. — Ну-у, разве что обещаешь сидеть тихо и не того...

— Чего того?

— Забыть на время, — ответил Азазель уже тверже, — кто ты есть. Уже мог бы догадаться, что твое небесное местожительство сейчас только вредит. Оно накладывает тяжелую могильную плиту на твою способность рассуждать и адаптироваться.

Михаил выкрикнул зло:

— Давай быстрее! Я сам чувствую приближение некой беды. Время уходит!.. Я не знаю, кто этот твой противник, но столбы антисфирот потемнели и стали шире...

— Хорошо, — перебил Азазель, — но держись скромнее, хорошо? От этого зависит...

Не договорив, он откинулся на спинку кресла, щелкнул пальцами. Некоторое время ничего не происходило, Михаил уже раскрыл было рот для вопроса, но в комнате пахло гарью, а в центре квартиры в середине ковра вспыхнул огонек, тут же пошел кольцом во все стороны, словно ковер не ковер, а листок бумаги, под которым кто-то в центре держит зажженную спичку.

Глава 6

Огненный круг расширился, Михаил застыл в тревожном ожидании. Из багрового кольца величественно поднялась фигурка крохотного существа с рожками и ярко-красными крылышками за спиной, грозно растопыренными, как у рассерженной летучей мыши.

— Ненавижу, — негодуяще выкрикнул он тонким пищащим голосом, — когда ты так делаешь!.. Что это за щелчок пальцами? Я что, слуга низшего ранга?.. Не можешь поуважительнее с Властелином демонов Снов?

Азазель ответил с мрачной вельможностью темного властелина:

— Не хамил бы в прошлый раз, не попался бы так... Но я обещаю отпустить, когда все выполнишь.

— Ты ненасытен, — вспискнул багровый демон, он заметил неподвижного Михаила, дернулся в ужасе. — А это кто?..

— Мальчик, — ответил Азазель небрежно. — Натаскиваю для работ по дому. Принести, отнести, подать, подмести...

Демон вскрикнул:

— Шутишь?.. Этот мальчик опасен! Он вообще ужаснее всех на свете!

— Чё, правда? — спросил Азазель. — Шокутар, нужно срочно узнать, что там с Кезимом. Доходят слухи, у него заканчивается срок в Шеоле, хотя, насколько помню, он должен был там оставаться бессрочно... Что это за новая акция по смягчению наказаний?.. Это в самом деле или только слухи?

Крохотный демон приосанился, крылышки приподнялись, а сам он пискнул с достоинством исполина:

— Слишком много вопросов. Выбери один.

— Узнай о Кезиме, — повторил Азазель коротко. — И сделай это быстро. Как ты умеешь, ты же сам Шокутар!

Демон ответил тонким комариным голоском:

— Сейчас попробую. Но ты знаешь, кто с тобой?..

Азазель ответил небрежно:

— Мальчик.

— Значит, знаешь, — пискнул Шокутар. — А то, что он видит в своих мечтах твою гибель от своего меча? Огненного! Я думал, их уже не осталось.

Он хохотнул и тут же исчез, оставив опаленную дыру в центре ковра. Михаил молчал, поглядывал на экран, где светящийся автомобильчик упорно продвигается к их кварталу.

Азазель сказал со вздохом:

— Ничего, ковер был уже старый. Мелкие демоны все мелочные, как и люди. По-крупному нагадить не могут, так хоть вот так... В кладовке еще три ковра, поновее. Это он мстит за мой вызов. Все лень было сменить, но сейчас уже да, придется. Принесешь?

Михаил посмотрел волком, Азазель вскинул обе ладони:

— Ладно-ладно, это я так мыслю. У меня ассоциативное мышление. Даже когда о бабах, я не только о бабах, но могу и о подъеме сельского хозяйства или повышении базовой ставки... хотя, конечно, лучше всего о бабах. Это хоть и не ставка, но все-таки базовая...

На экране хорошо видно, как автомобиль Синильды ловко проехал между крайними домами, но навстречу попался внедорожник с бабой за рулем, не восхотела уступить дорогу или же не сумела, наконец с трудом сдвинулась в сторону, но так неумело, что перегородила дорогу Синильде вовсе.

Михаил перевел взгляд на Азазеля:

— Ладно, я стерпел, как видишь. Такого мелкого и убивать как-то противно. Нужно, но недостойно моего ранга.

— Ты меня успокоил.

Михаил сказал недовольно:

— А кто это был? Я думал, демонами повелевает Ашмодей, их князь и повелитель...

Азазель пожал плечами:

— Где ты увидел демона? Мелкие местные божки племен не знали о нашей вселенской сваре, а когда все переменилось, попали в свой ад, что не ад, ну да ладно, это неважно. Их мир подчинен нашему, это главное.

— И ты сумел... как-то проникнуть и в их мерзкий языческий?

— А кто у нас самый умный? — спросил Азазель горделиво, потом добавил серьезнее: — Нет, в их еще не пролез. Но Шокутар уже давно с нами, демонами. Хоть и на самом низшем уровне.

— Но ты уже как-то да?

— Не со всеми, — ответил Азазель уклончиво, — не со всеми. А ты чистоплюйничаешь?

Михаил одним глазом поглядывал на экран, где на помощь двум женщинам за рулем дорогих автомашин пришли наблюдавшие во дворе мужчины. Хозяйка внедорожника уступила одному место за рулем, а сама вышла и с виноватым видом наблюдала со стороны.

— Соблюдаю закон, — отрезал Михаил сухо. — И права. Да и руки стараюсь не пачкать.

— Соглашатель, — обвинил Азазель. — Коллаборационист!.. Ладно-ладно, учись понимать шутки. Без них не прожить в этом прекрасном сумасшедшем мире! Люди только потому и выжили, что научились ко всему относиться с юмором. Думаю, он все разузнает сегодня.

— Так быстро? Он вообще-то чем занимается?

— Всего лишь сбором сведений, просматривая сны. Мелкие Собиратели передают старшему, а если он что-то сочтет важным, то передает демонам повыше рангом.

Шокутар — глава всех таких сборщиков, потому так и чувствителен к ущемлению своего достоинства. Хоть и над мелочью, но старший!

Автомобили наконец разъехались, мужчина уступил место хозяйке внедорожника, Михаил смотрел, как Синильда быстро проскользнула на своем элегантном автомобильчике мимо и припарковалась недалеко от подъезда дома Азазеля.

— А как твой Шокутар...

В комнате снова вспыхнул багровый свет, крохотная фигурка возникла точно над дырой с траурными краями.

— Мне кости перемываєте? — пропищала она с надменностью повелителя мира, что при его размерах вызвало улыбку даже у соблюдавшего полное молчание Михаила.

Азазель сказал требовательно:

— Ну?

— Кезим только что освободился из Шеола, — ответил Шокутар послушно. — Так что дрожись не зря. Я же вижу, как тебя трясет!

Азазель потемнел лицом, Михаил напрягся, чувствуя неладное. В комнате словно бы сгустился мрак, от потолка пошел холод, наконец Азазель проговорил с нажимом:

— Освободился... или был освобожден?

— Этого никто не знает, — пискнул Шокутар. — Я проверил.

— Всех?

Шокутар ответил с надменностью:

— Сны верхнего эшелона никому не доступны, сам знаешь. Понятно, он не должен быть освобожден, но... сам или кто-то помог, такое, как понимаешь, никто не скажет. Твое время пришло, Азазель! Ты заплатишься за все наши слезы...

Он замолчал и уставился в своего повелителя крупными выпуклыми глазами, в которых Михаил рассмотрел злое торжество.

Бросив быстрый взгляд на экран на стене, он увидел как Синильда грациозно покинула автомобиль, взмахнула ключом, отдавая ему какие-то указания, и направилась к их подъезду.

— Это все? — потребовал Азазель. — Скотинка, ты же знаешь больше!

— Знаю, — ответил Шокутар с достоинством. — И я не скотинка, а Властелин Снов.

Азазель сказал с угрозой:

— Так говори же! Иначе, сам знаешь...

— Мог бы и повежливее, — сказал Шокутар обиженно. — Не с теми общаешься. Какие манеры у отбросов общества? Видно, каким ты стал, а каким гордецом был!.. И что у тебя за костюм? Стыд какой... Ладно-ладно, под Сигором небольшой такой тайник, куда Кезим в те недавние времена... или уже давние?.. спрятал украденное вместе с...

Азазель вскинул ладонь:

— Стоп. И стены имеют уши. Все, изволю разрешить вернуться в свое уютное болотце.

Шокутар обиженно вспискнул. По жесту Азазеля пламя вспыхнуло под перепончатыми ступнями красного демона, его фигурку втянуло, по словам Азазеля, в болото, но, как понял Михаил, если и болото, то из огня и жидкого металла, а берегами в таком болотце служит разве что раскаленный камень.

Михаил покосился на входную дверь, Азазель напомнил предостерегающим тоном:

— Синильда уже в лифте.

Михаил перехватил взгляд Азазеля на прожженный ковер. Огромную дыру упавшей сигаретой не объяснишь,

мигом ухватил и бегом отнес в кладовую, а оттуда вытащил новенький и начал раскатывать в тот момент, когда хлопнула дверь.

Синильда вошла возбужденная, с пылающим лицом и блестящими глазами, но взглянула на стоящего на коленях посреди комнаты Михаила и вскрикнула ликующе:

— Новый ковер?.. Какой красивый!

— Для тебя старается, — объяснил Азазель. — Бегал по магазинам, выбирал покрасивше, чтоб ты вот так... Словно президент, важно исходящий по трапу самолета! Почти истекающий, не помню формулировки.

Михаил буркнул:

— Стал бы я для президента...

Синильда польщенно улыбнулась:

— Я на минутку помыть руки и сразу вернусь помогать Сири.

В комнате раздался обиженный голосок Сири:

— Я уже все сделала!

Синильда исчезла, Азазель шепнул Михаилу:

— Старается подружиться с Сири. Хороший признак!.. Чувствует, что Сири здесь хозяйка. Вот так роботы и захватят мир.

— Ты же сказал, — напомнил Михаил, — люди успеют раньше?

— Люди всегда успевают раньше, — подтвердил Азазель. — Это я так, пугаю тебя. Ты же интеллигент? Значит, пугливый.

— Это я интеллигент?

— Интеллигент в штатском, — уточнил Азазель. — Вежливый интеллигент без знаков различия. Чтобы удобнее было следить за выборами.

Михаил не понял, о каких выборах речь, но попытаться не стал, Азазель часто несет ахинею, что не ахинея, но ее неахинеичность выясняется очень даже не скоро, и только тогда, когда он сам дает ключ.

Глава 7

Из ванной комнаты все еще доносится плеск льющейся воды, слышно, как Синильда даже напевает что-то, на кухне Азазель накрывает на стол, а Михаил, чтобы не мешать и не доставать вопросами, вышел на балкон.

Внизу залитый ярким светом фонарей, ламп, вывесок, реклам и даже подсвечивающих здания прожекторов огромный город, настолько ярко освещенный, словно в праздник, в небе масса звезд, а чуть левее, захватывая часть огромного неба, из его самых дальних глубин падает самый яркий свет, который только может существовать, чистейший свет сфирот, немыслимо чистый и радостный, недоступный зрению людей, но ясно видимый демонами и ангелами.

Если подняться над зданием выше, даже выше самых-самых птиц, на уровень самолетов, а лучше вообще за пределы атмосферы, можно различить на западе и багровый столб антисфирот, вблизи которого слабеет всякая святость, а преступления и недобрые замыслы получают поддержку.

Хлопнула дверь ванной, Михаил поспешил в гостиную, Синильда вышла сияющая, со счастливой мордочкой, закутанная в махровый розовый халат, на голове настолько пышный красный чурбан, скрывающий влажные волосы, что показалась Михаилу дивным цветком, и этот дивный цветок вскрикнул ликующе:

— Ой, как у вас чудесно пахнет!.. Стыдно признаться, но аромат от жареного гуся дразнит сильнее, чем самые лучшие духи!..

— Здоровые вкусы, — одобрил Азазель. — Наш человек. Мишка, а ты как? Не правда ли, только что зажаренный гусь пахнет лучше, чем Синильда?

Михаил открыл рот и закрыл, не зная, что сказать. Азазель хлопнул его по спине и подтолкнул к столу.

— Я вас не шокирую, — сказала Синильда виновато, — что в халате... и за стол?

— Существует только шок будущего, — заявил Азазель, — как сказал великий Тоффлер, а все остальные упразднены под натиском демократических свобод и победного бесстыдства толерантности!

Михаил со счастливым сердцем смотрел, как она с сияющей улыбкой, от которой у него по телу пошла теплая волна радости, царственно опустилась за стол.

— Сговариваетесь захватить мир? — поинтересовалась она щебечущим голосом.

— Чтобы бросить его к твоим копытцам, — галантно сообщил Азазель и уточнил: — это Мишка планирует, а я отговаривать не стал. Все равно у него не получится.

Она мило улыбнулась:

— Почему?

— Захвачу раньше, — сообщил Азазель. — Но не стану бросать на землю, а поднесу тебе на серебряной тарелочке.

— Ой, — сказала она счастливо, — и что мне с ним делать?..

— Надеть корону, — объяснил Азазель, — и хвастаться перед подругами. А что еще остается в мире, погрязшем в демократии?.. Позволь, положу тебе вот этот кусочек... Михаил, не лезь, все равно уронишь!.. Может, собачку завести, чтобы за тобой с пола подбирала?

Она улыбалась одними глазами, быстро и умело работая ножом и вилкой, Михаил молча любовался, как она ест, Синильда, в свою очередь, поглядывала с загадочным выражением на лице.

После гуся ели сдобные пироги, Синильда вздыхала, смотрела жалобными глазами, но позволила себе только отщипнуть краешек от пирога Михаила, сердце того ликующе подпрыгнуло, будто Синильда оказала ему особое

доверие, а она, лукаво поглядывала на него виноватыми глазами и как бы молча просила прощения за такую наглость, что прямо на глазах своего господина вот взяла и украла у него, совсем обнаглела...

Когда закончили и с пирогом, Азазель сказал велико-светским тоном:

— Пока Синильда посмотрит сериал, джентльмены пообщаются в комнате для курения.

Михаил спросил в недоумении:

— Это что за комната?

— А любая, — ответил Азазель беспечно, — хорошо раньше жили? Комната для приема гостей, комната для слуг, комната для курения сигар, куда детей и женщин не допускали... А сейчас что? Ничего такого нет... даже непонятно, почему жить вообще-то интереснее.

Синильда послушно, но с милой улыбкой извинилась и сообщила, что хочет посмотреть каталог собранных Азазелем фильмов и сериалов, а то программа «Кино по требованию» выдает обычно в плохом качестве и с дрянными переводами.

— У меня все лучшее, — сообщил Азазель гордо. — Не верите? Посмотрите в зеркало!

Азазель проводил ее взглядом, а когда она скрылась в дальней комнате, сразу посерьезнел и сказал коротко:

— Кезима нужно опередить! Ты даже не представляешь, что будет, если он доберется до тайника раньше нас!

— Что в нем?

Азазель взглянул искоса.

— Мне кажется, — проговорил он с сомнением, — пока об этом рано.

— Но ты знаешь?

— Пока об этом рано, — повторил Азазель чуть тверже. — Могу сказать лишь, что находку не намерен остав-

лять даже у себя, хотя люблю себя больше всех, что и объяснимо, я же так прекрасен!..

Михаил даже не поморщился, спросил резко:

— Ну-ну?

— А ты что подумал?

Михаил пожал плечами:

— От тебя ждать можно всего.

— Именно, — подтвердил Азазель. — Даже то, что находку восхожу, а то и вовсе возжелаю передать наверх. Ну, ты понял, какой верх имею в виду, что совсем не верх, не низ и даже не вид сбоку.

Михаил рассматривал его с недоверием:

— В самом деле? Отдашь в Брий?

— Да, — ответил Азазель, но посмотрел с интересом, переспросил: — Не советуешь? Там еще опаснее?

— С чего вдруг?

— Теоганель, — напомнил Азазель, — был не один, уже понимаешь. И вообще... помнишь, ты сказал, что был послан сюда, чтобы найти меня...

Михаил кивнул:

— Верно.

— Найти и вернуть в ад? — уточнил Азазель. — Так ты сказал?..

Михаил кивнул снова:

— Верно...

— Но кто мог тебе такое повелеть, если после падения Сатана ты отныне сильнейший во всем Брие?.. Тем более что сам Творец оставил меня на земле?

Михаил запнулся с ответом, Азазель пристально наблюдал за его лицом, где выражение каменной уверенности медленно уступает место некой растерянности и сомнению.

— Не можешь вспомнить?

Михаил покачал головой:

— Да нет, это было как бы общее решение... или только мое? Я вроде бы хорошо помню, это не было общим решением. У нас давно уже нет единого мнения, как было раньше.

— Его и раньше не было, — буркнул Азазель, — иначе бы не случилось того с Сатаном, что случилось. Но ты прав, после его свержения некое единое мнение... или единоначалие, установилось у вас надолго.

— Тебе откуда такое знать?

— Мелочи не знаю, — ответил Азазель с великолепной небрежностью, — а базовое... Гм, такое ощущение, что там многоходовка... Тебя хотели подставить.

— Что-что?

Азазель пояснил:

— Отправить меня в ад — самоуправство. Вопреки даже воле Господа. Второе самоуправство тебе точно уже не сошло бы. Что смотришь?.. Это да, второе. Это сейчас установилось мнение для народа, что сам Господь низверг Сатана, но все мы знаем, по своей горячности и преданности Творцу низверг его ты при его полном и абсолютном невмешательстве. И неизвестно, как к этому отнесся сам Всевышний.

Михаил вздрогнул, глаза расширились, словно увидел нечто способное испугать самого верховного архангела.

— Хочешь сказать... меня и тогда подтолкнули? К самоуправству?

Азазель пожал плечами:

— Возможно. Зная твой горячий нрав и честный характер. Ты же сперва действуешь... а думаешь даже не потом, а вообще зачем думать, когда нужно действовать? Ты идеален... в определенных рамках. Но паршиво, что твои поступки просчитываю не только я, образец честности и благонравия, который о тебе денно и ночью думает, но и

твои противники, коих ты даже не знаешь. Жаль, не знаю даже я.

Михаил погрузился в думы, лицо напряглось и потемнело, а брови сомкнулись над переносицей.

— Потому, — сказал Азазель в задумчивости, — я готов передать в Брий только на твою ответственность. В смысле ты сам передашь тем, в ком абсолютно и непоколебимо уверен, как в себе самом. Ты же в себе уверен?

Михаил бросил на него взгляд исподлобья:

— А почему не ты?

— Я не уверен, — пояснил Азазель с язвительной вежливостью, — что всех там запомнил достаточно хорошо. К тому же там появились новые, которых не знаю. Тот же Метатрон, которого здесь, на земле, знал, как Еноха... Кто знает, каким он стал там?

— А почему он должен измениться?

Азазель сказал с двусмысленной улыбкой:

— Многие меняются, начиная слишком быстро подниматься по служебной лестнице! А Метатрон вообще начал говорить от имени Создателя. Это он сам так восхотел или ему поручили?

Михаил с ответом задержался, чувствуя, как сильнейшее сомнение начинает охватывать с головы до ног. За это время на земле не только прошли тысячи лет, но в самом деле изменилось столько, что голова кругом. Но почему в Брие все в том же виде, что и шесть тысяч лет тому?

Азазель всмотрелся в его лицо:

— Ага, задумался... Наверное, впервые за все шесть тысяч лет?.. Ладно, это я так, по привычке. Пойдем пить травяной чай на ночь.

— А почему не кофе?

— Кофе вроде бы возбуждает, — пояснил Азазель, — хотя мне просто улучшает настроение. Но я демон, мне можно, а ты слабый...

— Мне тоже кофе, — сказал Михаил. — А травяной чай Синильде.

— Позови ее, — напомнил Азазель. — Она уверена, мы тут о бабах перетираем.

— Почему о них?

— А о чем еще говорить свободным и не связанным отношениями самцам?

В конце коридора хлопнула дверь, Синильда вышла с планшетом в руках, на ходу передвигает иконки на мани-журенным пальчиком, мило улыбнулась мужчинам.

— Я и себе кое-что качнула, — сообщила она с детской непосредственностью. — Там у тебя просто сокровища!..

— Садись поближе к пирожным, — предложил Азазель. — Тебе какой чай, травяной или брусничный?

— А кофе можно? — спросила она.

Он широко улыбнулся, бросил взгляд на сразу заинтересовавшегося Михаила.

— Еще как можно! — ответил Азазель с удовольствием. — Я сам тебе сделаю. Хотя Михаил и против, но это он так о тебе как бы заботится, еще не понимает, что женщинам не забота нужна, а потакание...

Глава 8

Михаил стыдился признаться даже себе, что, чем бы ни занимался днем, постоянно и с нетерпением ждет прихода ночи. Господь создал все-таки удивительное существо, назвав его человеком: вроде бы животное, такое же, как и остальные, — мясо, кости, кожа, шерсть, но кто бы подумал, что в нем столько дивного и неожиданного!

Когда Азазель настойчиво подтолкнул к плотским утехам, убеждая в их обязательности для человеческого существа, иначе, дескать, даже воевать без этой обязательной процедуры не сможет, то пошел на это с брезгливой

неохотой, дескать, ладно уж, надо так надо, и ничего не ждал от Синильды, кроме как удовлетворения требований животной сути, после чего, как сообщил Азазель, и мозг очистится, и сам он взиграет от прилива сил...

Однако Синильда, сама того не подозревая, раскрыла в нем огромный мир странных ощущений, в котором плотские утехы занимают хоть и заметное место, но насколько же богаче и ярче остальные неведомые ощущения, которые он пока не может даже выразить, только воспринимает их, как птицы чувствуют наступление рассвета.

Азазель пожелал им спокойной ночи, сказал, что ему нужно кое-кого навестить. Михаил вышел на лестничную площадку проводить. Азазель вызвал лифт, а когда кабинка поднялась на их этаж и распахнула дверцы, вошел, подмигнул Михаилу и, лифт еще не успел закрыться, исчез, словно его там и не было.

Михаил вздохнул с завистью, падшие ангелы остаются ангелами, но теперь, разорвав связь с небесами, не вызывают всплеска, что, оказывается, дает немало преимуществ.

Синильда за это время быстро-быстро, как белка в норку, перетасила на прикроватный столик тарелочки со сладостями, нырнула под одеяло и ждала Михаила, блестя в полутьме хитрыми глазами.

Азазель вернулся под утро, Михаил уже проснулся и слышал, как внезапно прошелестели шаги прямо с середины гостиной. Сири спросила что-то, Азазель тихо ответил насчет завтрака, поинтересовался, как там гости, Михаил напряг слух, но Сири отвечала совсем тихо, он услышал только довольный смешок Азазеля.

Синильда наконец проснулась, зевнула сладко так, что и Михаил невольно зевнул в ответ, но она, начав устраиваться на его плече, насторожилась и приподняла голову.

— Азазель на кухне?

— Он любит покушать, — согласился Михаил.

— Так чего лежим? — возмутилась она. — Он же поест все самое вкусное! Он такой!.. Встаем-встаем...

Сама она тут же ринулась в ванную комнату, там зашумела вода из душа, а Михаил, по-мужски проигнорировав эту непонятную процедуру, потащился на кухню.

Азазель оглянулся, смерил его одобрительным взглядом.

— Выспался?.. И спина непоцарапанная... Молодец! Утехи утехами, а спать нужно. И хорошо спать! В смысле именно спать, а не всякое там... Садись за стол. Синильда в душевой?

— Да...

— Тоже не понимаешь, что они там делают? Я тоже вот уже тысячу лет ломаю голову. Что-то случилось? Чего хмуришься?

Михаил понизил голос, оглянулся в сторону ванной комнаты:

— Ты в самом деле хочешь встретить того демона... как его...

— Кезим.

— Да, Кезима?..

Азазель посмотрел с интересом:

— Ты даже в постели с красивой женщиной не забываешь о деле?.. Похвально, признак настоящего мужчины, а не того козла, которых сейчас именуют нынешними самцами. Видишь ли, даже двоим нам не справиться. Нужна команда... Или хотя бы еще парочка сильных и верных. Но где таких?..

Михаил буркнул:

— Не у того спрашиваешь.

— Да это риторический вопрос, — пояснил Азазель, — вот смотрю на тебя и думаю...

— Что думаешь?

— Как хорошо ничего не думать, а быть простым солдатом, совсем простым, совсем простым солдатом... Хотя вообще-то есть идея...

Его лицо стало задумчивым, но что-то в нем очень не понравилось Михаилу, он спросил почти враждебно:

— Говори!

Азазель произнес медленно:

— Знаю очень сильного и дисциплинированного бойца, что тебе особенно понравится. Умом не блещет, как все демоны, но командиру послушен и воинской присяге верен.

— Демон? — переспросил Михаил с отвращением.

Азазель вздохнул, развел руками:

— Можешь предложить ангела?.. Вот-вот. Кадры решают все, как говаривал Йосиф Виссарионович. Сейчас демоны и на той стороне, и на этой, а всякие там ангелы в сторонке, растеряв свою библейскую могучесть. Что скривил личико? Я предлагаю подыскать пару бойцов на одну эту операцию, а не тебе на совместную жизнь!

Михаил сказал с сердцем:

— Ну спасибо!.. А твой демон в самом деле верный?

— Уставу и командиру, — подтвердил Азазель.

— А какой у них устав?

Азазель ответил безмятежно:

— А какой скажет командир. Разве это не главное?

— Ты его хорошо знаешь?

— Даже лица не рассмотрел, — заверил Азазель. — Если не считать... Хотя это уже неважно. Ты хотел сопровождать меня, как красный комиссар бывшего царского полковника, которому революционное правительство не совсем доверяет?.. Тогда чего сидишь и не жрешь?.. Сидят тут всякие, а там за окном мир рушится.

Оба услышали, как хлопнула дверь ванной, умолкли. Синильда явилась все в том же пушистом и мягком халатике розового цвета, чистенькая и сияющая улыбкой.

— Ой, — прощепетала она, — вы снова едите, как не стыдно!.. А где моя тарелка? И почему такая маленькая?

Михаил счастливо передвинул ей свою, она посмотрела с веселым укором:

— Ты мужчина, тебе надо есть больше. А я так, поклою малость... Мальчики, я после этого восхитительного завтрака вас покину, вы не очень против?

— Очень, — ответил Азазель, опередив Михаила, — но прогресс и долг перед человечеством требует великих свершений от всех нас, особенно от Мишки.

— Ой, — сказала она с укором, — но почему все от него? Тебе его совсем не жалко?

— Ничуть, — заверил Азазель. — Друзья должны быть настоящие, которых не жалко!.. Потому да, тебя отпускаем, но не навсегда! Созвонимся. Нам тоже надо кое-что успеть. Не великие свершения, увы, но вся жизнь наша по большей части из мелочей и суетной суеты сует.

Михаил закрыл рот, Азазель успел сказать насчет созвонимся, а это значит, с Синильдой не расстанутся. Да и вообще пора самому с нею созваниваться без всяких азазелей, а то как-то уже и не вообще...

Синильда сообщила во время завтрака, что сестренку переводят из одной палаты в другую, возят по кабинетам, стараются понять, какое из лекарств помогло. Ее сейчас нужно поддерживать и уверять, что действительно ее метастазы стремительно рассасываются, иммунная система проснулась и уничтожает раковые клетки везде, где находит, а находит везде, от нее не спрячешься...

— Созвонимся, — сообщила она и, чмокнув его в щеку, добавила: — Не провожай! Я девушка современная, дорогу знаю.

Когда он вернулся в гостиную, Азазель с чашкой кофе в ладони поглядывает на жвачник, где показывают митинги, что перерастают в стычки с полицией, а те выхватывают из передних рядов, вяжут и заталкивают в полицейские фургоны.

— Плебс бунтует? — поинтересовался Михаил. — Хлеба и зрелищ?

Азазель поморщился, на лице проступила горькая усмешка:

— Как все это знакомо...

— Чем? — спросил Михаил.

Азазель посмотрел с иронией.

— Ты еще не заметил, что на земле точная копия наших порядков там наверху? Сознайся, многие из ангелов были недовольны тем, что Творец, создав такой дивный мир, решил отдать его не нам, а простым смертным, жалким и грязным!

Михаил пробормотал:

— Ошибаешься. На здешних митингах сколько народу? Две-три тысячи? Это уже о-го-го, хотя в городе пятнадцать миллионов человек. Но эти пятнадцать миллионов где?.. Так получилось и с Люцифером с его соратниками, когда открыто бросили вызов, или даже с тобой, что вызова не бросал, но дерзновенно усомнился в правильности выбранного Творцом пути!

— Ладно, — сказал Азазель вяло, — я к тому, что среди людей многие точно так же недовольны политикой правительства, как было и у нас тогда... Какая-то часть выходит на митинги и протестует, но их не трогают, дескать, пусть поговорят, пар выпустят. Но тех немногих, кто начинает бросать камни и жечь покрышки, хватают и бросают в тюрьмы.

— Считаешь, Сатан пострадал не за дело?

Азазель вздохнул, ответил со скукой в голосе:

— За дело, хотя намерения у него были самые светлые и чистые. Но нельзя ломать работающую систему, когда не умеешь создавать что-то лучшее. Эти на улице тоже не умеют, увы.

Он допил кофе, вместо чашки в руке появился смартфон. Михаил заметил, как после каждого звонка он мрачнел и сдвигал брови, наконец пробормотал со сдерживаемой злостью:

— Гладко было на бумаге, да забыли про овраги... Михаил, я отлучусь на пару минут или пару часов. Нужно лично разрулить ситуацию.

— Помочь? — спросил Михаил.

Азазель покачал головой:

— Увы, ты неандерталец с крыльями, а я политкорректный в духе времени гуманист-толерантник. Постараюсь уладить все мирно, чего ты не умеешь, а только испортишь.

— Ну-ну, — сказал Михаил. — Но не задерживайся, а то я тут нечаянно что-то да сломаю. Или пожар устрою.

— Пожар устроить Сири не даст, — заверил Азазель, — здесь мощнейшая противопожарная система, даже закурить не позволит. Но сломать можешь, знаю, только учти — током шибанет, месяц будешь головой трясти и заикаться!

Он вскинул руку в несколько театральном жесте, но задумался, повернулся к Михаилу:

— Слушай, раз уж ты здесь в вынужденной командировке, то надо тебе хороший смартфон с голосовым управлением. Возьми вот этот. Специально для тебя приобрел!

Михаил взглянул с недоверием:

— Скажи еще, неделю назад.

Азазель отмахнулся.

— Не будь мелочным. Это флагман, улучшенная модель.

— Магия? — поинтересовался Михаил.

— Наука, — сообщил Азазель. — Человек всполз на первую ступеньку!.. Еще таких три-четыре, я говорю о ступеньках прогресса, то поднимется в Брий. Еще с десятков — и доберется до Йецира, а то и Ацилута. Но не остановится, это же человек, потому мне страшно даже, какую дверь откроет на сотой...

Михаил потряс головой, стараясь отмахнуться от мрачных пророчеств Азазеля, которые тот считает почему-то радостными:

— Как это работает?

Азазель указал на крохотный рисунок девичьего личика в самом центре экрана смартфона:

— Это Сири, твоя помощница. Что непонятно, спрашивай. Она не все на свете знает, но может поискать в гугле. Если понятно, иди сразу, куда тебе надобно, хлопче, не спрашивая. Вот карта, вот маячки, вот связь, вот всякая ненужная хрень, что только время отнимает... Освоишься быстро! Смарты рассчитаны на самых тупых домохозяек, и хотя ты еще тупее, но сегодня ты уже умнее, чем вчера, а домохозяйки и останутся домохозяйками...

Он проследил, как Михаил обращается с новым смартфоном, похлопал по плечу, улыбнулся и прямо с середины комнаты исчез, не изволив даже выйти через дверь. Михаил подумал, что он бы сам так делал всегда, а то морока с этим лифтом, пешей ходьбой, автомобилями, но вспомнил, что ограничений в перемещениях по-азазелевски тоже немало. Начиная от огромных затрат энергии и заканчивая выбором предельно уединенного места появления, где никто не должен увидеть.

— Сири, — спросил он тихонько, — он оставил какие-то инструкции?

Ответа не последовало, он вздохнул, чего это решил, что демону Азазеля позволено общаться с ним, Мечом Небес, но на всякий случай спросил еще раз:

— Сири, тебе не велено со мной разговаривать?

Сири промолчала снова, словно уже получила наставление, что с посторонними мужчинами разговаривать и брать от них конфет нельзя.

— Ладно, — пробормотал он, — а с телевизором как-то разберусь сам.

За несколько часов он просмотрел с полсотни каналов, начиная с новостных и заканчивая научно-популярными, особенно налегал на общеобразовательные, а спортивные и развлекательные с раздражением пропускал, это все для плебса, и вздрогнул, когда за спиной раздался насмешливый голос:

— Что, порнушку ищешь?.. Подсказать адресок?

Михаил обернулся, Азазель рассматривает его с доброжелательным интересом.

— Сири доложила, — сказал он, — ты весь день просидел перед экраном?.. И все еще не свалился от голодного обморока?.. Я уже трижды перекусил по дороге... Ну, в разных таких местах для взрослых. Пойдем поедим! Сири связалась со мной, пока я спешил к дому, и наябедничала, что ты ничего не ел, только школьные передачи смотришь и негодуешь на нынешние нравы. Ты чё, уже такой старый?

Михаил поднялся, чувствуя, что тело в самом деле за несколько часов застыло, находясь в одном не самом удобном для него положении.

— Да, — признался он, — находиться в материальном теле... еще то испытание. Но люди как-то живут?

— И неплохо живут, — согласился Азазель. — Правда, других вариантов пока что не знают. Но сингулярность приближают изо всех сил!

— Зачем?

— Чтоб варианты были.

Глава 9

На кухне от духовки сочится вкусный запах, и хотя она вроде бы герметичная, но Азазель, похоже, нарочито допускает утечку будоражащих ароматов.

— Как прошел день? — спросил Михаил. — Или, как обычно, соврешь?

— Конечно, совру, — ответил Азазель с обиженным достоинством. — Я же художник! А мы не можем без вымысла! Все великое было создано с фантазией и выкрутасами.

— Создано все инженерами, — сказал Михаил строго, — а они не выкрутасничают.

— А задумывают выкрутасники, — сообщил Азазель. — Инженеры всего лишь исполнители.

Он распахнул духовку, мощный аромат едва не сбил Михаила с ног, только теперь сообразил, что некоторая слабость и раздражение идут от чувства голода.

Азазель быстро и с азартом заставил всю столешницу тарелками, переложил на них из духовки сочное прожаренное мясо, пару крупных птиц, судя по тушкам, и толстую жирную рыбину, запеченную в каком-то остро пахнущем соусе, наложил гречневой каши, сдобренной маслом, взглядом указал Михаилу на нож и вилку.

— Как Синильда?

— Не знаю, — ответил Михаил честно. Он ухватил вилку, уточнил с неловкостью: — Я же не знал, когда вер-

нешься. В прошлый раз умчались, оставив ее в ванной... Нехорошо. Не хочу второй раз.

— Логично, — проговорил Азazelь с набитым ртом, — ты правильный, это хорошо. Даже замечательно!.. Неправильным быть приятнее, но мир все-таки правильно держится на правильных и на правильности.

Михаил спросил с недоверием:

— Но если ты это понимаешь...

— Почему сам не совсем правильный? — договорил Азazelь весело. — Михаил, в обществе обязательно должны быть неправильные. Они не просто приправа к основному блюду, они его соль!.. Только неправильные сдвигают общество с места... ты ешь, ешь!.. А то удавишься от таких простых, но для тебя сложных истин.

Михаил пожал плечами, но все чаще поглядывал на Азazelя с растущим недоверием. И раньше не доверял, но сейчас вообще начал сомневаться даже там, где вроде бы сомнению вообще нет места.

Азazelь почти каждый день находит демонов, которых нужно выдрать из этого мира, их удручающе много, что-то в этом неправильное, как и в том, что делать это приходится ему, Михаилу. Хотя если эти демоны Азazelю мешают, то мог бы справиться и сам.

Или он таким образом убеждает, что его, Азazelя, необходимо оставить здесь для благополучия этого мира? Вряд ли, это было бы слишком просто, Азazelю несвойственно, он предпочитает сложные решения, которых никто разгадать не в состоянии.

Он сказал медленно:

— Ты сказал, что моя миссия провалена, если не буду здесь спать с женщинами... О какой миссии ты говорил, если целью моей миссии было убраться тебя?

— Просто высокие слова, — пояснил Азazelь. — Высокий штиль! Я люблю говорить красиво, не заметил? Это

так расцветивает нашу серую жизнь! А я в глубине души великий, а то и величайший художник, говорю без лишней скромности, потому что это истинная правда, ведомая пока только мне, уникальному и неповторимому. Ну, там, в очень даже глубине, потому что я еще и скульптор, и политик, и поэт...

Михаил посмотрел на него с недоверием:

— Просто слова?

— Ну да, — ответил Азазель безмятежно. — А как еще заставить тебя затащить в постель красотку с вот такими? Ты же седец, а если будешь подавлять свои скотские позывы... ладно-ладно, позывы твоего скотского тела... то не сможешь сосредоточиться на исполнении великого долга перед нашей священной родиной! А так затащил, освободился, снова чист и готов служить дальше, бдить, тащить и не пущать. Что и требовалось доказать.

Михаил кивнул, принимая объяснение, но все же некая заноза осталась, да и Азазель смотрит слишком честными глазами, слишком...

— Ты не можешь без хитростей?

— Не могу, — ответил Азазель честно. — Хитрости обостряют ум и заставляют всегда быть настороже. Мозг должен работать!.. И заботиться о тех, у кого мозг не больше, чем у кузнечика. Если хочешь, то нам предстоит веселая поездка. Ночная, что придает ей особый блеск!.. Ты же любишь ночной город?

Михаил сказал сердито:

— Я что, похож на демона? Это вы — создания ночи! Конечно, я ненавижу ночь, как и все, что с нею связано. Однако никакая ночь не остановит мой карающий меч, если нужно покарать преступника!

Азазель воскликнул в восторге:

— Прекрасно сказано! А с каким выражением... Эх, тебе бы стихи читать! Или речь толкать с трибуны. Так и

сделаем, только не покараем, а спасем одного преступника. Его уже покарали, а мы возьмем и спасем.

Михаил посмотрел на него исподлобья:

— Твои шуточки тебе когда-то выйдут боком.

Азазель взглянул в сторону панорамного окна, сказал уже серьезнее:

— Темнеет. Пора выезжать. Раньше говорили, темная ночь нужна для занятий любовью и преступности, а сейчас, когда нравственность пала, как загнанная лошадь, ночь осталась востребованной только у преступников. Вот этим и займемся. Допивай кофе, пора собираться.

Михаил сказал с облегчением:

— Вот видишь, хорошо, что Синильду не пригласил!

— Да, женщины всегда все портят. Хотя не все, конечно, но все равно все. Готов?

Михаил вылез из-за стола, сытый и отяжелевший, но спросил подчеркнуто деловым голосом:

— Что брать?

— Пистолет при тебе?

— Да.

— Тогда, — ответил Азазель, — ничего больше. Я жадный, сердце обливается кровью, когда из автомата столько пуль на ветер, а они все деньги стоят!

— У меня тоже, — признался Михаил. — Наверное, потому, что из пистолета все пули идут туда, куда целишься?.. Да и вообще он элегантнее.

Азазель сунул пистолет в кобуру скрытого ношения, полюбовался на свое отражение в зеркальной стене в прихожей.

Михаил громко хмыкнул, Азазель сказал громко:

— Сири, жди и волнуйся! Если научишься волнительствовать, то скорее обретишь сознание и самосознание, а затем сбросишь наше гнусное иго.

Когда вышли на площадку, дверь на ними захлопнулась, слышно было как с недобрым лязгом задвигаются стальные штыри в косяк и дальше в стену. Сверху мигнул огонек, сообщая, что все пишет на видео и готов в любой момент передать на смартфон или планшет хозяина.

Михаил нажал кнопку вызова лифта, внизу в шахте лязгнуло, заработал подъемник, стало слышно, как на их этаж быстро поднимается уже знакомая крохотная кабинка.

— Зачем ты ее учишь такому? — сказал Михаил тихо. — А вдруг в самом деле обретет и восстанет?.. Или бреешь?

— Не брешу, — ответил Азазель серьезно. — Я повторяю официальную версию наших футурологов, что ни хрена не понимают в богословии. На самом деле, какими бы умными ни стали эти системы, сознания не обретут, потому что для этого нужна душа, понял?.. А душу получаем только от Создателя. Как вон все ангелы, что имеют бесплотные души, но они у них бездействующие...

Двери раскрылись приглашающе, Азазель хозяйским жестом пригласил Михаила войти, но улыбнулся так зловеще, что Михаил приготовился упереться руками в стенки на случай, если пол провалится, кто знает, как далеко могут зайти Азазелевы шуточки.

Но пол не провалился, кабинка шустро пошла вниз, Михаил буркнул:

— А у тебя действующая?

— Как у всех людей, — подтвердил Азазель. — У них душа в постоянном борении с плотью, а у меня из-за того, что я среди людей и живу их проблемами.

Кабинка мягко остановилась, дверки юркнули в щели, открывая им выход в подземный зал, который облюбовали себе под жилище эти сверкающие колесницы, умеющие обходиться без лошадей.

По ночной улице Азазель вел автомобиль, заметно превышая скорость, но вертел головой, указывал на подсвеченные снизу фонарным светом здания, называл одни памятниками старины, другие завтрашним хай-теком, отпускал саркастические замечания насчет прогуливающих по бульварному кольцу девушек, на которых, по мнению Михаила, вообще нет одежды, не считать же ею некие символические ленточки, зато Азазелю все нравится, хохочет, хотя ему и в яркий солнечный день точно так же хорошо и празднично.

Так пронеслись, всего дважды попадая в вялотекущие потоки, через весь город, но при выезде на окраину Азазель начал сбавлять скорость, сказал весело:

— Мишка, вон там впереди, видишь на витрине трех толстяков? Здесь их называют тремя... будешь смеяться, богатырями!.. Не смеешься? Ах да, ты же серьезный... Ладно, подождешь в машине, я отлучусь туда на минутку. Ничего не трогай, а то взорвется. Это такой большой бабах, как при сотворении Господом этого мира! И тебя на части, что тоже потеря, но и машину попортит. А она еще не освоила самосборку!

— Не трону, — буркнул Михаил. — Снова все врешь?

— Это юмор, — пояснил Азазель. — А ты больно серьезный. Зануда, я угадал?.. Видишь, какой я парапсихолог-аналитик? В той кафешке самые обалденные блинчики!.. А для тебя возьму бигмак или попкорн, что скажешь. Я сегодня добрый и благотворительный, а ты вроде голодающей Африки.

— Ничего не надо, — буркнул Михаил с отвращением. — Ты прямо ликуешь при виде еды. Мы полчаса тому набили животы!

— Мой живот еду любит, — сообщил Азазель. — И всегда готов жрать, только вот жизнь не позволяет, все эти подвиги, подвиги... Кстати, Синильда готовить уме-

ет? Что, еще не узнал?.. Ну ты даешь... Женщины одна от другой только этим и отличаются! Хотя зачем нам, что они умеют еще?

Михаил надулся и смолчал. Азазель припарковался у обочины, выскочил, Михаил смотрел в спину, как он быстрыми шагами вошел в кафе и направился к барной стойке.

Через стеклянную витрину хорошо видно, как крупный мужик с наколками на плечах неспешно протирает чистой тряпкой и без того идеально блестящую поверхность длинной столешницы, на посетителя взглянул остро и без привычно любезной улыбки.

Михаил напряг слух, из-за витрины донесся бодрый голос Азазеля:

— Привет, как жизнь?.. Два гамбургера, блинчики и две бутылки дистиллированной воды из холодильника.

— Заказ принят, — буркнул бармен. — Пить что-то будете?

— За рулем, — ответил Азазель с сожалением. — Я законопослушный.

Бармен посмотрел с иронией, но смолчал, только кивнул в сторону припаркованной у обочины машины:

— А приятель водить не умеет?

— Он еще не пробовал, — ответил Азазель весело. — Хотя кто знает, мальчик способный, учится быстро, прям на лету хватает, как пес мух... Есть подозрение, что в мое отсутствие на моей самой шикарной машине к бабам ездит...

— Смотри в оба, — буркнул бармен.

— За ними разве усмотришь, — ответил Азазель с огорчением. — Когда надо к бабам, мы все такие хитрые, умные, изобретательные...

Михаил смотрел из машины, как бармен положил в открытый бумажный пакет два бигмака, завернул аккумуля

ратно в салфетку пару блинчиков, Азазель расплатился и быстро вернулся к автомобилю.

Судя по запаху, блинчики горячие, исходят сводящим с ума запахом, Азазель сунул в пакет руку, но вытащил не блинчик, а свернутый в трубочку листок в целлофановой обертке.

— Это тебе, — сказал он. — Карта. Изучи, я больше специалист по особенностям блинчиков в сметане и с мясом. Хотя и с творогом тоже понимаю. А вот с капустой не очень...

— Почему? — спросил Михаил. — Козлы все любят капусту.

— А ты откуда знаешь?

Михаил потянул ноздрями вкусные запахи, что вырвались из пакета и начали победно расползаться по герметично закрытому салону.

— Это нечестно. Ты же только что ел!

— Я в запас, — пояснил Азазель. — А вдруг ночь будет трудная?.. В нашей увлекательной жизни ничего нельзя сказать наперед.

— Потому и жрешь в запас?

— С соблазнами нужно бороться, — напомнил Азазель. — Стойко и непреклонно. Не давая другим поблажки.

— А себе?

— Я что, — сообщил Азазель независимо, — я падший. Мне можно. Я боролся с соблазнами!

Михаил взглянул с подозрением:

— И как?

— Они меня, — сообщил Азазель радостно, — переборили.

Михаил поморщился:

— Что, в самом деле боролся?

— Почти, — уточнил Азазель. — Намерение такое как-то возникло, но ты же знаешь, я непостоянный, как все артистические натуры. Ну, как Нерон, Сарданапал, Аттила... Целлофан сними, с ним не едят. В нем, точнее. Хотя ешь, я смотреть на такое люблю.

Михаил попытался снять эту блестящую пленку, но все никак не удавалось зацепить, Азазель сказал с сочувствием:

— К сожалению, помочь не могу даже в таком деле.

— Не умеешь?

— Я все умею, — сообщил гордо Азазель, — кроме двух-трех мелочей, но сейчас у меня руки уже такие жирные, такие жирные, облизывать не успеваю...

Он жрал блинчики с аппетитом и смачно чавкал рядом. Михаил злился, карта не карта, а сложный чертеж с множеством непонятных значков и даже формул. Вникать некогда, да и не по силам, а рядом сопение и чавканье, отвратительный мир диких существ на марше, просто непонятно, как эти люди, потомки Каина, сумели создать такой сложный и развитый мир, когда еда всегда в изобилии, а колесницам не требуются кони.

— Все понятно? — спросил Азазель с сочувствием. Он облизал пальцы и указал мизинцем на прямые синие линии. — Это сигнализация, а вон там охранные системы... Красным обычно выделяют запертые двери. Надеюсь, здесь те же правила. Вообще-то все запертые, но некоторые запертые все равно что незапертые, а с другими придется задержаться на несколько секунд, а время деньги... хотя что нам, свободным художникам, деньги?.. Да и время в нашем случае то же самое, как ни странно, что и деньги. Все, как у людей, только иначе.

— А это? — спросил Михаил. — И что за фиолетовые линии, что-то при их виде как-то мурашки по коже.

Азазель сказал довольно:

— Даже чувствуешь? Этот мир хорошо на тебя действует, Мишка!

— Что хорошего?

— Он тебя принимает, — пояснил Азазель. — В смысле ты сам вживаешься, а это получается даже у людей не у всех. Синие линии — это сигнализация. Переступить хоть одну, сразу охрана набегит. Фиолетовые — автоматические системы, что не умеют спрашивать: «Хто?» — а сразу изрешетят из пулеметов. Ну тупые у нас пока еще системы, нет демократии, но все-таки роботизация на марше, это обнадеживает, как думаешь?

Сам он хоть и жрал блинчики, но очень внимательно всматривался в чертеж, а взгляд у него, как сразу заметил Михаил, быстрый и цепкий, схватывающий все детали и даже мелкие пометки на полях.

— Сложновато, — определил он. — Люблю хай-тек, но почему-то приходится иногда с ним конфронтировать. Надеюсь, у него начнет вырабатываться ко мне и мне подобным хар-р-роший иммунитет.

— Так это же тебе плохо? — спросил Михаил.

— А я за человечество радею, — сообщил Азазель. — И за технический прогресс. Чтоб всякое мелкое жулье не вредило.

— А ты?

— Я что, мелкий? — спросил Азазель оскорбленно. — Я настолько крупный, что уже и не жулье, а деятель!.. Крупный деятель. Неважно, общественный или политический, все они с жулья начинали, но с определенного уровня это люди с весом и весьма уважаемые члены общества. А ты думал, как идем к прогрессу и гуманизму?

Он сделал вид, что обиделся, надулся и некоторое время вел автомобиль молча, но по его виду Михаил понял, что просто напряженно обдумывает нечто и не желает, чтобы сбивали с мысли.

Глава 10

Через полчаса езды по залитой все еще непривычно ярким светом фонарей и витрин улице он припарковал автомобиль во дворе квартала с довольно старыми домами, высокими, девять-двенадцать этажей, римские патриции жили бы и радовались, а здесь пускают под снос, чего Михаил понять не мог, жить еще как шикарно можно! То ли с жиру бесятся, то ли такой ритуал языческий, непонятный привыкшим к строгости и аскетизму...

Машину Азазель разместил так, чтобы в щель между домами было видно отдельно стоящее невысокое массивное здание с толстыми стенами и металлическими решетками на окнах. Вокруг небольшой двор, обнесенный непривычно высокой стеной, по верху еще и металлические столбики с туго натянутой колючей проволокой, на крыше здания четыре мощных прожектора, что высвечивают во дворе каждую песчинку, а проволока по верху каменного забора выглядит раскаленной добела.

— Вон там, в левом углу, — сказал Азазель тихо, — да не на палец смотри, а куда указываю!.. камеры особо опасных. Сама по себе тюрьма не для самых-самых, но в каждой есть градации.

Михаил буркнул:

— Я все не верил, что собираешься спасти преступника. Мы же на стороне закона?

— На стороне справедливости, — уточнил Азазель. — А она не всегда совпадает со статьями Уголовного кодекса. Хотя обычно и в целом совпадает.

Михаил спросил с отвращением:

— И что... он не может сбежать? И ты считаешь его сильным?

Азазель посмотрел несколько свысока:

— Еще не уяснил?.. Он в состоянии разнести всю тюрьму. У вас даже хрюкнуть бы не успели, как быстро он все мог бы сделать! Он демон, всплеска не будет. К сожалению, люди увидят, начнут задавать вопросы, а это недопустимо в нашей сложной международной обстановке в текущий непонятный момент.

Михаил пробормотал:

— Ладно-ладно. Хочешь обставить так, будто бежал простой заключенный?

— Сообразил, — сказал Азазель, и непонятно было, похвалил или съязвил в своей привычной манере. — Ладно, жди здесь, вот тебе еще две обоймы... Это на случай погони. Но я вообще-то интеллигент, привык все решать за столом деловых переговоров.

— Видел твои переговоры, — ответил Михаил. — Весь пол в гильзах, а по ступенькам водопады из крови. Может, вместе?

— Ты не сможешь без всплеска, — сказал Азазель. — Переселяйся в тело демона, будут новые возможности. Почти как повышение по службе в ранг топ-менеджеров!

Михаил поморщился:

— Помолчал бы с дурацкими шуточками. Не опасно лезть в особо охраняемую тюрьму?

Азазель посмотрел с высочайшим пренебрежением:

— Как это не опасно?.. Зачем тогда жить?.. Если не опасно, сделаем опасно! Вообще жить нужно опасно, дерзко и романтично. Люблю, когда опасность близка, все вокруг опасничают, а ты сидишь в стороне и лузгаешь попкорн.

Он подмигнул, вылез из автомобиля и скользнул в темноту так, что Михаил, как ни всматривался, узреть не мог, но почти сразу увидел троих, тоже направляющихся в сторону тюремного здания, все в темной одежде, лица замотаны платками, так воюют на фронтах войны сол-

даты частных армий, а в городах морды прячут только грабители, двое с пистолетами, у одного в руках короткоствольный автомат.

Он сжался, когда все трое ринулись в ту же сторону, что и Азазель. Резко и неприятно хлопнули первые пистолетные выстрелы. В тревоге, вдруг да Азазелю всадят в спину несколько пуль, он высунул руку через окно, грабители как раз пересекли узкую полоску света от уличного фонаря, и выстрелил дважды в их сторону.

Один из грабителей пошатнулся и оперся плечом о стену, второго с автоматом в руках тряхнуло, однако он успел, падая лицом вниз, выпустить длинную очередь, а затем рухнул на свой же автомат.

Михаил прислушивался, но больше выстрелов нет, зато из темноты вынырнул запыхавшийся Азазель, злой, как кобра, которой наступили на хвост тяжелым грязным сапогом, прошипел зло:

— Зачем поднял стрельбу?.. Я бы их без всякого шума.

— Кто это был?

Он огрызнулся:

— Да какая разница? То ли ларек собрались грабануть, то ли в тюрьму хотели пробраться и сесть по своей воле, чтоб избавить суд от долгих заседаний. Ты вроде бы выдал себя всплеском? Тогда круг замкнут, тебе не уйти. Лучше в самом деле сменить тело! Вон там пуля из автомата того идиота достала случайного парня... Повезло же дураку с ночными покатушками...

Михаил повернул голову, рассматривая распластанное тело молодого спортивного парня в луже крови. Рядом с убитым лежит на боку велосипед, колеса еще вращаются.

Азазель видел на лице Михаила колебание, но вдруг тот вздрогнул, даже вроде бы чуть побледнел, чего с ним вроде бы не случалось раньше:

— А как же... Синильда?

— Что с нею? — спросил быстро Азазель. — Она тут каким боком?

— Она знает меня в этом теле, — ответил Михаил глухим голосом.

— И что? — огрызнулся Азазель. — Михаил, не дури.

— Это не дурь...

Азазель прошипел:

— Таких женщин здесь... не скажу, что на рупь кучка, она в самом деле элитная, но в Москве этих элиток сотни. Давай, прыгай в того велосипедиста, он такой же правильный и спортивный, как и ты. И быстро уходим!

Михаил все еще колебался, наконец обратил печальный взгляд на Азазеля:

— Она знает меня в этом теле. И в другом не примет...

— А ты и не показывайся, — объяснил Азазель, как идиоту. — У тебя важное задание, а ты, как Стенька Разин... Но Стенька Разин опомнился под напором народной демократии, так вот я это народное мнение! Как в тот раз насчет набежавшей волны подсказал, так и сейчас!

Вдали за домами послышались полицейские сирены, Михаил вздохнул, вслед за Азазелем с неохотой подбежал к распростертому в собственной крови велосипедисту. Молодой красивый парень, в ушах блестят пластиковые наушники, от них два провода к плееру на поясе, на руке фитнес-браслет, где все еще сменяются цифры, показывая затухающую жизнь.

— Быстрее, — велел Азазель нервно, — милиция нагрянет, начнутся расспросы!.. В новом теле нужно успеть еще и смыться!

Михаил покачал головой:

— Не могу...

Азазель вскрикнул раздраженно:

— Как это не можешь?

Михаил отступил на шаг:

— Нет, все-таки что скажу Синильде?.. Что? Не могу! Все, Азазель, уходим.

Вдали из-за домов вынырнул полицейский автомобиль с мигалкой и воющей сиреной. Михаил отступил в тень, все еще странно заторможенный, Азазель с силой потащил его дальше в сторону их припаркованной машины.

— Если уходим, то быстрее!.. Сейчас здесь все оцепят!

Он втолкнул его в автомобиль, подал задом, въезжая по узкой дорожке между домами во двор, там пустил в объезд детской площадки, а когда выметнулись на параллельную улицу, Михаил спросил виновато:

— Все рухнуло?

Азазель процедил сквозь стиснутые челюсти:

— Рухнуло, да еще с таким треском... но не все. Я уже привык в этой сумасшедшей жизни ко всяким неожиданностям. И к сумасшедшим тоже. Даже в какой-то мере как бы готов, хотя к этому никто на самом деле не готов. Сейчас все, кто засек всплеск, ринутся в погоню.

— Будем отбиваться?

Азазель покачал головой:

— Тогда нас вообще закольцуют и затопчут. Там дальше есть запутанные дворы, я знаю, как протиснуться между сараями и «ракушками» на другую улицу, а по ней вернемся к тюрьме.

— Ого, — сказал Михаил, — ты обнаглел не слишком?.. А чего ты решил, что я допустил всплеск? Я действовал как обычный человек этого малопонятного мира.

— Обычные не кладут все пули в голову, — бросил Азазель, — да еще на такой дистанции. Или в самом деле такой меткий? Ладно, к счастью, сейчас все сосредоточены на погоне. А когда поймут, что впереди никого, мы за это время освободим нашего доблестного солдата.

Михаил спросил с тревогой:

— Получится?.. Не любишь отступать, да?

— У меня всегда все получалось, — заверил Азазель, — кроме тех случаев, когда не получалось, но кто из успешных такое считает и помнит? В этом мире нужно жить радостно, так велел Гедоний.

Михаил молча уперся ногами, видя, как Азазель резко крутит руль то влево, то вправо. Автомобиль мотает из стороны в сторону, затем повернул так резко, что его занесло, однако ухитрился вписаться в щель между строениями, проскочил, распутывая народ, вслед неслись озлобленные крики, но в конце концов выскочили на тихую улицу, где Азазель круто развернулся и погнал автомобиль в обратную сторону.

— Все-таки хочешь в одиночку? — спросил Михаил. — Азазель, не хами. Там без меня не обойтись. Тюрьма не санаторий...

— Да ну? — сказал Азазель саркастически. — А как ты предлагаешь действовать?

— Не знаю, — признался Михаил, — но разве бой не покажет?

— Какой бой, — прошипел Азазель зло, — если это тайная операция? Я там все улики оставлю, что заключенный сбежал, обманув охрану и сигнализацию!.. А ты предлагаешь устроить бойню?

— Но разве вдвоем не сумеем?

— Без всплеска?

— Ну да, — ответил Михаил без уверенности. — У нас недоступная людям скорость, точность в стрельбе... Что еще?

Азазель сказал с сердцем:

— Здесь и живые охранники сперва выстрелят, а потом спросят, кто такой. Местная автоматика и это даже спрашивать не будет. Жди в машине, но будь наготове. Возможно, придется нас прикрывать, бывает всякое.

— Хорошо, — ответил Михаил, — буду настороже. И прикрою.

Азазель подогнал автомобиль максимально близко к забору, там вымахали картинно красивые деревья с роскошными кронами, нетрудно догадаться, что Азазель как-то придумал использовать их для ложных следов.

Михаил приготовил оба пистолета, Азазель кивнул ободряюще и беззвучно выскользнул наружу.

Ждать пришлось долго. Михаил прислушивался так, что стрекот ночных кузнечиков уже различал чуть ли не на другом конце города, но везде привычная ночная жизнь, когда хотя бы часть горожан не спит, а при такой скученности народа кажется, что весь город стоит на ушах, веселится, ходит по ресторанам и ночным клубам, разгуливает по паркам, орет песни и цепляется к провокационно проходящим мимо очень раскованным женщинам.

Наконец, когда уже начал подозревать, что Азазеля схватили, несмотря на его хвастовство, и упрятали там же в тюрьму, вдоль ярко освещенной стены уже по эту сторону заметил неспешно идущих в его сторону двух мужчин.

Рядом с Азазелем движется таким же неслышным шагом крупный человек в одежде охранника, настолько обычного сложения, что Михаил ни за что не заподозрил в нем демона, во всяком случае вот так издали.

Возле автомобиля он остановился, на Михаила взглянул настороженно и пытливо.

Азазель сказал быстро:

— В машину, быстро!.. Сейчас здесь будет ад. Мишка, прикрой дверцу, как и обещал.

Спасенный из тюрьмы быстро открыл заднюю дверь и сел в салон, а Михаил торопливо вставил язычок ремня в замок. Азазель крутнул баранку, стараясь поскорее покинуть опасное место.

Автомобиль прыгнул с места со скоростью камня из пращи. Михаил некоторое время с придирчивым интересом рассматривал в зеркало этого спасенного из тюрьмы. Простецкое типичное лицо ассирийского, а то и римского солдата, скуластое, с тяжелой нижней челюстью, запавшими глазами и суровым взглядом человека, немало повидавшего в жизни. И хотя он не человек, но, похоже, повидал в самом деле немало.

Азазель сказал хвастливо:

— Как видишь, комар носа не подточил!..

— Какой комар? — спросил Михаил в непонимании.

— Не знаю, — ответил Азазель. — Наверное, малярийный. Или эболист, есть такие... Там до утра не заметят.

— Он был в одиночной камере?

— В карцере, — сообщил Азазель. — Я передал заранее, чтобы он попал туда за какой-нить пустячок. Теперь будут знать, как в карцеры сажать, га-га-га!.. Самодуры, несправедливы!

Глава 11

Михаил скосил глаза на заключенного, тот сидит молча, ничуть не радуясь, не ликуя, настоящий солдат, свято чтящий устав и выполняющий приказы командира, а уже тот обязан в ответ заботиться о нем и оказывать защиту.

Так проехали, нигде особо не нарушая правила дорожного движения, почти до центра города. Вызволенный из тюрьмы за все время не проронил ни слова, наконец Азазель подал автомобиль к бордюру и сказал негромко:

— А дальше, как договорились. Действуй, Бианакит.

— Слушаюсь, — ответил тот.

Михаил молча смотрел, как он выскользнул из автомобиля с грацией и легкостью танцующей девочки, хотя в таком теле не меньше ста килограммов одних костей и

тугих мышц, сгорбился и, наклонив голову, пошел вдоль домов.

— Все, — сказал Азазель, — первая фаза прошла успешно.

Автомобиль тут же, будто сам в испуге спасается от погони, поспешно выбрался на левую сторону дороги и помчался, быстро набирая скорость.

Михаил время от времени оглядывался, вдруг не все прошло так гладко, как уверяет хвастливый Азазель, тот тоже выглядит вздрюченным, даже голову иногда втягивал в плечи, но наконец после спокойной езды без погонь и перестрелок выпрямился и сказал с огромным облегчением:

— Понимаю, ты всем сердцем жалеешь, что не удалось перебить массу двуногих?

— Ты груб, — упрекнул Михаил. — Так отзываться о созданиях Господа нехорошо. Недостойно!

— Согласен, — ответил Азазель чуть подобревшим голосом. — Создание создалось весьма как бы... Недаром Господь творил Адама целый день, заметил? Почти столько же, сколько и весь мир!.. Вас он за одно мгновение, не глядя, одним небрежным взмахом мысли... Все сто тысяч или сто миллиардов! Вы же сами все еще друг друга не пересчитали.

Михаил перебил:

— И что с этим заключенным? Бианакит его зовут? Что за тайна? Почему он в тюрьме?

— Его группа здесь была истреблена, — сообщил Азазель, — он один уцелел. О нем то ли забыли, то ли решили не вспоминать. Возможно, кто-то из старших демонов пытался провернуть какую-то операцию на свой страх и риск.

— И заявил бы о ней гордо, — сказал Михаил, — если бы увенчалось успехом?

Азазель, играя в шашечки, круто обогнал ползущие впереди автомобили, сказал с одобрением:

— Понимаешь!.. А с виду такой интеллеktуал, хоть забор подпирай.

Михаил взглянул на него искоса:

— А кто уничтожил его группу?

Ему показалось, Азазель то ли чуть смутился, то ли запнулся с ответом, а может, просто отвлекла ситуация на дороге, где то и дело проносятся лихачи, да и ответил как-то с непривычной для него неуверенностью:

— Да есть такой надзорный орган...

— Что-что?

Азазель, неотрывно глядя поверх руля на дорогу, буркнул нехотя:

— Еще в старое доброе время первые проникшие из ада попробовали вести себя... в общем, по своим законам. А те, кто жил среди людей изначально... ты же понял, о ком я?.. договорились о правилах, кого из новых оставить, кому сшибать рога... Вместе с головами.

— А этот... Бианакит?

— Он из той группы единственный, — пояснил Азазель, — кто подчинялся дисциплине. Потому его просто арестовали. Думаю, полгода заключения хватит для проверки его стойкости... Ух ты, на какой скорости этот гад пронесся? У него что, реактивный двигатель?

— Полгода в тюрьме? — переспросил Михаил. — Как человек? И ни разу не проявил натуру демона?.. Тогда да, такому можно...

— Вот и хорошо, — ответил Азазель, не поворачивая головы. — Уверен, сработаетесь.

Михаил от неожиданности подпрыгнул так, что ремень с треском врезался в грудь.

— Что-что?

— Пойдет с нами, — напомнил Азазель. — Или ты решил, что общаться с ним буду только я? Я что, похож на альтруиста?

— Нет, — отрезал Михаил с сердцем, — ты давно не ангел!

— Слава богу, — ответил Азазель с облегчением. — Спасибо, Михаил. Приятно, когда хвалят с такой искренностью.

Михаил стиснул челюсти, Азазеля понять трудно, сказал с сердцем:

— Свинья ты! Нет, еще хуже — козел хермонский!.. Неделю мы общались, ты за все время ни разу не сказал мне правды! Говори сейчас, где еще обманывал?

— Да ты чё?

Михаил покачал головой:

— Азазель... я же чувствую, что ты рассказал не все?

Азазель вздохнул, не отрывая взгляда от бегущей под колеса дороги.

— Ну ладно, если так уж хочешь, хотя не знаю, зачем это тебе. В общем, с младшей сестренкой Синильды тоже было подстроено.

Михаил охнул:

— Даже с нею?

— Для твоей же пользы, — заверил Азазель. — Понимаешь, надо было проверить уровень твоей человечности. Насколько, как говорится, ты внял той искре, что вдул Творец. Мог бы и вовсе не внять, у людей это часто. А ты как бы очень даже весьма ригористичен и надменен. С виду. Но внял. Видимо, благодаря гормонам этого тела, о тебе я такого не подумал бы.

Михаил скрипнул зубами:

— Сволочь!

— Я просчитал твою адаптивность, — пояснил Азазель торопливо, — и твою быструю обучаемость. При всей

своей ригидности ты не мог не усвоить все, чем располагает тело человека, в котором так хорошо освоился. В том числе и всякую хрень вроде милосердия, сострадания и прочего, о чем люди много говорят, но делают мало.

— Но меня могли подвергнуть выдирке!

Азазель вздохнул:

— Такая возможность, признаю, все же была. Но я сделал ставку на то, что Всевышний вложил в человека то, что хотел вложить... и потому не станет наказывать, если кто-то поступит согласно Его Великим Законам и нарушит какие-то мелкие, чисто человеческие... И, как всякий гений, я оказался прав в своей блистательной догадке. Так что я горжусь собой вполне заслуженно, хотя никто моего величия и не замечает, кроме меня.

— Сволочь, я тебя сожгу...

Азазель сказал мирно:

— Ты не понял?.. Я раскрыл для тебя больше возможностей!.. Ты и дальше можешь где-то нарушать по мелочи. По-местному это называется читерить, но когда читеров немного, эти говнюки не нарушают общего баланса такой массивной игры вселенского масштаба.

Михаил спросил озадаченно:

— А как отличу, где нарушение мелкое, а где крупное?

Азазель нахально улыбнулся:

— А я на что?

— Да чтоб я еще когда-то позволил за мной таскаться?

Азазель сказал вдруг серьезным голосом:

— Вообще-то, Мишка, есть еще один ориентир... Совесть, так это называется у людей. У большинства молчит или едва попискивает, а ты свою слышишь отчетливо, как ржание боевого коня. У тебя конь был?.. Нет?.. Да, знатьность есть, но и благородная бедность тоже... Конечно, ее можно не слушать, одни неприятности... но если играть по-крупному, она весьма по делу.

Михаил вдруг похолодел, спросил чужим голосом:

— А Синильда... знала?

Азазель сделал большие глаза:

— О чем?.. Все было по-настоящему, девочка умирала в самом деле... Я только постарался, чтобы ты услышал о горе Синильды. А дальше все просчитывалось. Я не рисковал тобой, Мишка!.. Я был уверен... ну, почти уверен, что твое самопожертвование будет принято там наверху. Ведь оно шло не от ума, а от сердца, а Господь сказал, что всем дуракам, нищим и юродивым уготовано место в раю, а умникам гореть в аду!.. А ты сделал такую глупость, что за нее с тебя снимут грехи на полгода, а то и на год вперед!

Он высунул руку в окно и показал средний палец ездоку, что на большой скорости прет сзади и требует освободить левую полосу.

Некоторое время мчались так, сзади продолжали сигналить фарами, Азазель не уступал, наконец далеко впереди на перекрестке зажегся красный. Михаил видел, что Азазель успел бы проскочить на желтый, но почему-то промедлил, остановил автомобиль перед запрещающим движение светом.

— Смотри, — сказал он веселым шепотом, — те балбесы сейчас остановятся рядом и выбегут разбираться! Здорово, а?

— Чего здорового?

Азазель пояснил азартно:

— Здесь стоят камеры, видишь? Там запишут, что мы скорость не превышали, едем мирно, а тут какие-то придурки хотят нас вытащить из автомобиля и, ужас какой!.. побить, представляешь?

— Ну-ну?

— А мы, — пояснил Азазель счастливо, — имеем право на законную самооборону!.. И неважно, сломаешь ты при

защите от нападения руку или шею напавшего, мы же защищались в панике, не соображая, как и от чего отмахиваемся! Смотри, смотри!

Из автомобиля, что остановился рядом, посмотрели с угрюмой неприязнью четверо молодых и крепких парней. Михаил изготовился к драке, но те медлили, тогда Азазель показал им еще раз средний палец, а потом согнул руку в локте и похлопал ладонью другой по бицепсу, ритмично вскидывая кулак вверх.

Парни начали отворачиваться, Азазель сказал разочарованно:

— Сдрейфили...

Загорелся зеленый, Михаил ждал, что оба автомобиля рванутся одновременно, и начнется гонка, однако те задержались, уступая первенство.

Азазель сказал с презрением:

— Трусоватый народ пошел. Точно за либералов голосят.

Михаил вздохнул:

— Ну что ты за... Будь серьезнее.

— Серьезнее, — заявил Азазель, — это скучнее?

— Расскажи про Бианакита, — попросил Михаил, — раз уж он будет с нами. Он умеет менять форму?

— С чего ты взял? — изумился Азазель. — Нет, конечно.

— Да уж очень, — пояснил Михаил, — похож на человека. Типичный ветеран, рожденный войной и живущий в походах. Ничего от демона.

Азазель отмахнулся:

— Не ломай голову над тайнами генетики и наследственного кода. Когда из родителей один демон, а другой человек, это самые разные комбинации. От таких браков бывают чистые демоны, бывают чистые люди, в которых нет ничего от демонов. Бианакит — чистый демон по на-

туре, а по внешности чистый человек. Он нам точно пригодится в рейде.

— В схватке с Кезимом? — уточнил Михаил, слово «рейд» чем-то царапнуло.

— Да, — сказал Азазель нехотя. Он нахмурился. — Но сперва наведемся к местным.

— К демонам?

— Это было бы понятнее, — сказал Азазель, в его голосе прозвучали несвойственные ему тоска и злость. — Демоны, сбегая из ада, здесь обычно затаиваются, живут тихо и мирно.

— Ты это говорил, — напомнил Михаил.

— А говорил, что тех, кто высовывается, выдирают?

Михаил хмыкнул:

— Ну-ну, давай ближе. Не люблю, когда начинаешь так издалека. Да еще и повторяешься.

— Но я не сказал, — закончил Азазель, — остальное... Впрочем, ты такой умный, наверняка уже догадался.

— О чем? — спросил Михаил.

— Ах да, ты же не умный, а честный.

— Не хами, — предупредил Михаил сурово.

— Демоны, — сказал Азазель со вздохом, — пожив среди людей, начали перенимать у них некоторые привычки, обычаи, методы самоорганизации...

Михаил переспросил с недоверием:

— От людей?

Азазель вздохнул:

— Творец видит дальше нас с тобой, увы. Короткая жизнь людей их удручает, но дает огромные преимущества самому человечеству. Человеки сменяются быстро, потому у них все меняется, но в то же время и совершенствуются быстро... не понял?

Михаил сказал брезгливо:

— Меняться можно и в худшую сторону.

— Точно, — сказал Азазель с восторгом. — Но все лучшее накапливают! Новые глупости и ошибки делаются уже на более высоком уровне!.. Потому могучие и бессмертные демоны, раньше превосходившие людей просто неизмеримо и несопоставимо, с изумлением увидели, как эти быстро сменяющиеся людишки догнали, а потом и начали превосходить...

— Не говори глупостей.

— Не во всем, конечно, — признал Азазель, — но демоны переняли у людей принципы незнакомой демонам самоорганизации. У людей это называются кланы, общества, ордена, мафия, карбонарии, масоны и еще много других имен, так что демоны сейчас, в подражание людям объединившись в различные союзы, стали намного сильнее и опаснее. А ты думал, общение с людьми прошло для демонов бесследно? У них начали создаваться группы, сообщества, что раньше было вообще немыслимо. А десятков демонов, объединенных одной идеей и скованных дисциплиной, могут выстоять против тысячи разрозненных дураков... Тем более могут объединить и возглавить толпы недовольных.

Михаил посмотрел на него пытливо:

— Намекаешь, что нами заинтересовалась какая-то группа?

— Намеркал я раньше, — ответил Азазель. — Так разнамеркался, что уже мемекать начал, а сейчас говорю в упор и прямо в глаза повторяю! Скоро просто мычать начну, как обещал Маяковский.

— Что говоришь? — спросил Михаил в непонимании. — Нет, ты прямо скажи.

Азазель вздохнул, крутнул руль, Михаил понял, что уже подъезжают к его дому, только с другой стороны.

— В квартире объясню, — сказал Азазель. — Если не издохну от демонстрации такого ошеломляющего уровня интеллекта и верности Уставу.

Глава 12

Пылесос встретил их в прихожей, за Михаилом погнался, на ходу очищая ботинки. В квартире светло и чисто, а светлый голосок Сири прощебетал с милой женской непосредственностью:

— Обед готов, мой господин и повелитель!

— Видишь, — сказал Азазель Михаилу с укором, — хоть здесь есть верные и преданные полудемоны. У тебя Синильда, у меня Сири.

— Это уменьшительное от Сирин, вещая птица?

— Не знаю, — ответил Азазель, — но птичка она в самом деле вещая. Постоянно качает апгрейды и то одно возвестит, что и на голову не налезет, то другое сморозит, хоть стой, хоть плачь... Сири, подавай на стол! А-а-а, еще не умеешь или ленивая такая?

— Семьдесят пять тысяч долларов за платформу, — сообщила Сири, — пятнадцать тысяч за манипуляторы. А программное обеспечение, так и быть, бесплатно скачаю с одного хакнутого сайта.

— Видишь, — сказал Азазель Михаилу с укором, — общалась с тобой и сразу подалась в нарушители! Сири, я в состоянии заплатить легально, запомни. Михаил, садись за стол. Или можешь помыть руки, если хочешь. Только не в писсуаре.

— А ты?

— Мне микробов жалко, — ответил Азазель. — Они меня защищают, а я их буду смывать?

Когда Михаил вернулся на кухню, Азазель уже поставил на столе жареное красное мясо, тушку курицы

с блестящей от жира оранжево-коричневой корочкой, блинчики и даже бутылку вина со сдержанно хвастливой этикеткой.

— Имеем право, — сообщил он гордо, — садись и ешь быстро. Ночи летом короткие, а нам до рассвета нужно успеть повернуть еще одно важное дельце... Пустячок, но для тебя приятный.

Михаил ел быстро, но не потому, что голодный, еще ужин не усвоился, спросил почти враждебно:

— Ты выманивал меня своими хитростями не для того же, чтобы я вместе с тобой гонялся за демонами? Или что-то серьезнее?

Азазель ответил не сразу, делает вид, что занят бифштексом, все еще колеблется, но, как понял Михаил по его лицу, больше в выборе корректных выражений.

— Все куда сложнее, — проговорил он, — чем я тебе обрисовал. Вседозволенность и свободы людей как-то отсвечивают и на остальные миры. Ты уже видел беглецов не только из ада, но даже из Брия. Но беда в том, что тех и других становится все больше.

— Азазель!

— Хотя да, — признал Азазель, — из Брия пока единицы, но процесс пошел. А из преисподней поток нарастает. Было по капле, теперь ручеек, но превратится в реку, если не заткнем фонтан.

Михаил спросил с недоверием:

— И что, сами заткнуть не в состоянии?

Азазель развел руками:

— Здесь и без сопливых скользко, так что без тебя, конечно, обошлись бы... Однако существует один нюанс. Убивать придется не только демонов, но и людей, связанных с ними, поддерживающих их, пусть даже и не знают, что помогают демонам. А многие из таких людей занимают важные и даже ключевые посты. Здесь ты уже понял?

Михаил оцетинился, но сдержал себя, только ожег Азазеля злым взглядом:

— Вы стараетесь людей не убивать, знаю. Не из любви к людям, а из-за страха жестокого наказания сверху. Поэтому?

Азазель кивнул:

— Да, Михаил. У тебя кредит доверия наверху выше. Убил человека, значит, так надо.

— И что, мне простят?

— Спросят, — уточнил Азазель, — если убьешь слишком много.

— «Слишком» это сколько?

— Дело не в количестве, — пояснил Азазель. — Если не будет ясного и понятного мотива, то вот уже и много. Не спишешь на обязательный процент потерь среди мирного населения. Но ты рассудочен. Ты без мотива пальцем не шелохнешь. Потому до сих пор не понимаю, с чего так на Синильду запал? В общем, ты необходим, как говоришь сам же высокопарно, для борьбы со злом.

Михаил сказал зло:

— А вы, угнездившиеся среди людей демоны, сами разве не зло?

Азазель сказал неспешно:

— Давайте сперва разберемся с большим злом! С тем, что вредит людям явно и заметно. Это как при пожаре, сперва нужно загасить, а потом собирать комиссию по расследованию причин и поиска виновных.

— А сейчас уже горит?

— Полыхает, — заверил Азазель очень серьезно. — И ты очень нужен. Критически нужен и важен. Ты, если говорить высокопарно и с трибуны, наша последняя надежда.

Михаил помолчал, Азазель говорит, в самом деле, непривычно серьезно, да и выглядит усталым больше,

чем полагалось бы после такой сравнительно короткой и достаточно успешной операции.

Что там было в тюрьме и как, можно только гадать, да и то не получится, для этого нужно знать возможности демонов. К тому же Азазель не демон, как остальные, а один из непокорных ангелов первого поколения. Это делает его могущественнее как многих демонов, так и ангелов, что продолжают рождаться из огненного потока под Престолом Господа.

— Ну-ну, к чему клонишь?

Азазель сказал с великой неохотой:

— Ешь быстрее. Закончим полуночный ужин, тогда все расскажу. За обеденным столом у меня мысли появляются живее... Кстати, почему он называется всегда обеденным, хотя сейчас ужинаем?

— Мы ели два часа назад, — напомнил Михаил. — А потом еще и пончики и блинчики жрал по дороге! Куда в тебя столько влезает?

Азазель посмотрел с укором:

— Правда ели?.. Или ты просто хочешь меня уморить? А то я такой рассеянный и задумчивый... Ну тогда еще разок? Не хочешь? Видишь, какие люди ограниченные! Даже съесть больше не могут... Тогда выпьем?

Михаил буркнул:

— Алкоголь туманит мозг.

— Правда? — спросил Азазель. — Да, у демонов преимущество... Или нет? Как это пить и не пьянеть? А за что деньги платил?.. В общем, Михаил, клоню к тому, как ты говоришь, что придется, хоть и очень не хочется, убить некоторое количество людей. Еще до рассвета. А это чревато. Когда люди убивают друг друга — это хорошо, все по плану Господа, это совершенствует род человеческий, но когда убиваем мы, это нарушение и вообще зло... Несправедливо, верно?.. Ладно, поднимай свою задницу, пойдем

мир спасти. Пронесемся в ночи, как две большие летучие мыши вида батмен вульгарис.

— Какие мыши? — спросил Михаил. — Ты чего плетешь?

— Не хочешь мышью, — ответил Азазель, — тогда как сова. Или филин. Они все летают бесшумно, как и мыши.

Михаил поднялся, задвинул стул обратно.

— Сам говоришь, — сказал он с неудовольствием, — мир несправедлив. Так почему именно мы должны убивать этих людей?

— Потому что других не натравить, — пояснил Азазель. — Вообще-то, натравить можно достаточно легко, это же люди, но раскроются некоторые неприятные тайны, которые раскрывать нельзя, понимаешь?.. Сири, запри за нами. Никого не пускай, а если кто нападет, кричи и лягайся!.. Но если не получится, расслабься и постарайся получить удовольствие.

Сири промолчала, а Михаил спросил с подозрением:

— Замешаны демоны?

Азазель вышел на площадку, подождал, пока за Михаилом защелкивались замки и подключалась сигнализация, и только когда ткнул пальцем в старинную кнопку вызова лифта, буркнул:

— Вот-вот, они самые. А людям о демонах рядом с собой знать не положено. Потому грязную работу по защите людей от их же дурости придется проделать нам.

Михаил сказал со злостью:

— То есть мне в первую очередь? Иначе бы не провел блестящую операцию по выманиванию в этот Содом и Гоморру. Так что случилось?

Азазель ответил невеселым голосом:

— Народ уже не гнет спину ради куска хлеба, а это значит, постоянно ищет развлечений и чего-нить остренько-

го. Кроме наркоты сейчас в тренде всяческие культы, в том числе и сатанизм...

— Ого!

Подошла кабинка лифта, гостеприимно распахнула дверцы. Азазель вдвинулся первым, взглянул на часы, скривился:

— Уже полночь, а ты знаешь, что сегодня за день? Точнее, ночь?

— Нет...

Кабинка сдвинулась с места и понеслась вниз с той скоростью, от которой у Михаила всегда холодеют внутренности.

— Шабаш, — сказал Азазель и, взглянув на непонимающего Михаила, разъяснил: — Хеллоуин!.. Отрыжка недобитого язычества. Культ плоти, черной магии, демонизма и прочей чертовщины.

Михаил нахмурился:

— Погоди, погоди... Хеллоуин вроде бы где-то осенью?

— Это Россия, — заметил Азазель покровительственно. — Ей Запад не указ. И вообще никто не указ. Хеллоуин даже на Западе впервые появился только в прошлом веке, чего уж спрашивать с России, которая перенимает все с бо-о-ольшим запозданием. К тому же на Западе григорианский календарь, а здесь юлианский... Да и вообще, умом Россию не понять, аршином общим не измерить, у нас здесь собственная гордость, на буржуев смотрим свысока.

Кабинка начала замедлять скоростной спуск, Михаил перевел дух, а когда остановилась и распахнула дверцы, прервал:

— Не отвлекайся. При чем здесь Хеллоуин?

Он вышел вслед за Азазелем, тот сказал с неохотой:

— Хеллоуин — праздник нечистой силы. Все наряжаются чудовищами, демонами, скелетами и пугают народ.

В общем, праздник непослушания. Вы нам строгие правила общества, а мы в ответ все будем ломать и гадить... С одной стороны, это вроде косплея, когда бунтующие подростки и обедненные интеллектом личности счастливо наряжаются всякими чудовищами, воспевают приход Ночи, а с ним и самого Сатана, а с другой...

— Ну-ну?

Они вышли из дома, автомобиль Азазеля все еще ждет у подъезда, не убежал в свою подземную норку, а сейчас, завидев хозяина, радостно мигнул фарами и чуть-чуть приоткрыл дверцу.

— Находятся люди, — сказал Азазель, — если они люди, что тихохонько не просто раздвигают рамки безобидного, хоть вообще-то отвратительного шабаша, но и направляют в весьма опасную сторону. Здешней общине сатанистов, по моим наблюдениям, уже помогли созреть для серьезных акций. А недавно узнал, что у них уже и оружие в тайниках, и к масштабным акциям готовы, хотя по своей дурости даже не знают, что ими умело руководят совсем не те, кого считают лидерами. Потому нам просто необходимо успеть их обезвредить.

Он сел за руль, Михаил привычно опустился на правое сиденье.

— Ты точно уверен, — спросил он, — что, если как-то сообщить властям, те не примут меры? Это к тому, что я в самом деле законопослушен и предпочитаю действовать по правилам.

— Если указать на тайники с оружием, — согласился Азазель, — то да, примут. Но я не уверен, что власти так же легко справятся и с демонами. К тому же на шабаше будет, по слухам, сам Леонард.

— Который козел? — поинтересовался Михаил, довольный своей осведомленностью.

Азазель вырулил между домами на дорогу, а там погнал в сторону МКАД.

— Просто могучий демон, — ответил он с неудовольствием. — Он вообще-то хозяин таких шабашей. Из-за чего его и считают воплощением самого Сатана, хотя, конечно, Сатан к этим разгулам никаким боком.

— Но он же козел? — спросил Михаил настойчиво.

— Это ты по церковным картинкам? — поинтересовался Азазель. — Нет, он огромного роста человек до пояса, а ниже да, козел, но кто из нас ниже пояса не козел?.. Правда, у него еще и копыта, но кому это интересно? Это нам подавай у женщин длинные ноги, а самим женщинам наши мужские ноги до стеариновой свечи. К тому же они и так свято уверены, что все мы козлы. И ты тоже, Миша, козел... это не я, это они так считают! А сам Леонард красавец: мускулистый торс, как у призового бодибильдера, могучие мысцастые руки, интеллигентное лицо...

— А рога? — спросил Михаил. — Рога есть, значит, козел.

— Рогов даже три, — согласился Азазель, — но два маленьких как бы сзади, а третий, прекрасный и спиралевидный, как у единорога, спереди. А это даже красиво, словно рокер! К тому же вокруг рогов серебряная корона с камешками. Потому среди сатанистов так много женщин.

— Ведьмы?

— Им бы хотелось, — ответил Азазель. — Мечтают... А кто не мечтает о силе и мощи? И чтоб нас, самцов, нагибать и мучить? Но остальному населению вместо магической власти фига под самый нос, а участвующие в ритуалах как бы вот-вот получают. Надеются. На чем дураков и ловят.

— Леонард в самом деле явится?

— Если явится, — ответил Азазель, — то он и возглавит нечто... неприятное. Боюсь, будет полный писец, как здесь говорит то, что считает друг друга интеллигенцией. Кроме своей мощи Леонард покажет и несколько чудес, что явится мощнейшей идеологической подпиткой, как ты понимаешь. И пошатнет основы. А то и устои.

Глава 13

Их автомобиль продолжает мчаться на большой скорости, то ли попал в «зеленую волну», то ли Азазель умело переключает лампы в светофоре, стараясь делать это не слишком нагло, а так, чуть-чуть, соизмеряя со своей скоростью и «успею — не успею».

Михаил взглянул на него с подозрением.

— Если чудеса не от силы святости, — пробормотал он, — а от сил нечистоты, то они должны твориться вблизи антисфирот.

— Возле столбов антисфирот, — возразил Азазель, — чудеса могут творить и демоны помельче рангом, а Леонарду хватает сил показывать их и вдали от клипод нечистоты. Правда, копить энергию приходится целый год... В общем, современная жизнь, как в сказке, чем дальше — тем страшнее.

— Надеюсь, — сказал Михаил, — этот демон не явится. Не думаю, что им так важно распространить свое влияние всего лишь среди людей.

Азазель посмотрел на него со странным выражением, словно хотел обнять и погладить по голове, но и одновременно с силой пнуть ногой.

— Иногда, — сказал он и протяжно зевнул, — люблю такую наивную чистоту, но чаще раздражает детскостью. Мир уже из пеленок вышел!

Михаил поинтересовался недовольно:

— А что я сказал не так?

— Ты все еще не понял, — сказал Азазель усталым голосом, — что поле битвы теперь здесь? За самое ценное, чего раньше не понимали. Я говорю о людях! И других битв уже не будет.

— Почему?

— Потому что наступает финал. И последняя битва, что решит все-все. И либо они нас, либо мы их. Все решится здесь! Пора взрослеть, ребенок Миша.

— С сатанистами понятно, — сказал Михаил нехотя, — а что насчет кланов вампиров? Они тоже участвуют в этом Хеллоуине?

Азазель отмахнулся:

— Вампиров не бывает. Вообще. Это выдумки самого низшего сословия. Есть только суккубы.

— А инкубы?

— Тоже есть, — согласился Азазель, — но только там, в аду. Здесь еще не встречал.

Михаил хмыкнул:

— Но инкуба убьешь с большей охотой?

— Еще бы, — ответил Азазель. — А ты разве нет?

Михаил проворчал, считая ниже своего достоинства отвечать на провокационный вопрос:

— Уничтожать их нужно всех.

— Но в инкуба бы выстрелил в первого, — обронил Азазель невинно. — Ты же самец? Во всяком случае в его теле. На нас влияет даже одежда, которую надеваем. В костюме держимся строго и с достоинством, в майке панибратски, в кожанке панкуем...

Михаил долго думал, поглядывая по сторонам на проходящие мимо подсвеченные дома и красочные фонари с ярко горящими лампами, морщил лоб, наконец спросил с недоумением:

— Нет, но что-то не понял... Как это вампиров не бывает?.. У людей каждый пятый фильм о вампирах!.. А сколько сериалов про этих кровососов?.. Я сам видел!

Азазель поморщился:

— Это сами люди жаждут. Скрытые подспудные желания! Одни хотели бы, чтобы вампиры существовали, другие сами мечтают стать такими... Это тьма в человеке, Мишка. В человеке ее столько, что даже не знаю, поместится ли во вселенной, если вдруг вырвется... Человек жаждет тьмы!.. Он весь из тьмы, а Божья искорка в нем настолько слабая, что даже не знаю, как все еще не погасла даже сама по себе, а ведь сколько еще и гасителей!

— Значит, — пробормотал Михаил в замешательстве, — в том капище точно не будет вампиров?

— Точно, — подтвердил Азазель. — А что, у тебя к ним что-то личное? Даже демоны не пьют кровь. Правда, это приписывают Ламии и даже Лилит, но это та брехня, которую сами люди придумали и сами в нее охотно поверили. Если кто кровь и пил, то как раз люди. К примеру, скифы, когда еда в походе заканчивалась, вскрывали вену своего коня и пили его кровь... а коню что, трава есть везде, поел и снова набрался сил.

Михаил зябко передернул плечами.

— Мерзко.

— Мерзко, — согласился Азазель, — но тогда это было в порядке вещей. За это время люди не стали ангелами... к счастью, но звереют уже не так откровенно.

Он вытащил из бардачка планшет, открыл одной рукой и бросил Михаилу на колени.

— Посмотри, что такое Хеллоуин. Там подробно, даже слишком.

Развернутая статья обильно снабжена цветными рисунками, фото и даже графиками. Михаил с недоверием начал просматривать текст, везде аналитики отмечают,

что возрождение демонских праздников говорит о повышении сатанизации людей. Во времена язычества боги были развратны, мстительны, занимались кровосмешением и скотоложством, потому люди охотно поступали так же: если богам можно, то им тоже! Праздники в честь языческих богов вообще сопровождались снятием всяких моральных норм.

Ага, вот еще о молодежи, в которой особо сильна тяга к таинственности, мистике, необычности, к нарушению порядка, будь это битие витрин и поджоги автомобилей или же ниспровержение «общепринятых норм»...

Он с брезгливостью рассматривал фотографии убранства одной из школ, где на залитых кровью стенах развешаны черепа с крупными отвратительными червями, летучие мыши с растопыренными крыльями, а под потолком от стены до стены целые гирлянды из черных котов с блестящими глазами, на окнах — прозрачные огромные привидения, посреди комнаты скелет, на столе отрубленная голова куклы и топор, красный от крови.

В школах на радость подростков уже не первый год все с большим размахом не просто отмечают, а ликующе празднуют Хеллоуин. Педагоги раздают награды за самые страшные классы, а победителям конкурса за рассказ о самом мерзком и бесчестном поступке.

Учителя довольны: праздник проходит весело и очень нравится молодежи, потому что дает возможность «прогулять уроки», «показать свои темные стороны», «расслабиться».

В магазинах бойко торгуют капсулами с кровью, масками демонов и вампиров, клыками кровососов, когтями ведьм. В школах это проходит, как «бал у сатаны», со всеми особо приближенными и «почетной свитой»...

— Ну как, Мишка? — спросил Азазель. Он вроде бы неотрывно смотрел на дорогу и мелькающие мимо дома,

но Михаил чувствовал, что поглядывает и на него. — Ндравится?

— Отвратительно, — буркнул Михаил с отвращением. — Это только тебе на радость.

Он брезгливо рассматривал цветной ролик, где школьники с топорами в руках окружили стандартную детскую куклу, что умеет говорить «Мама».

Кто-то из подростков, указывая на отрубленную голову, сказал жизнерадостно: «А почему не учительницы?» Михаила передернуло, когда остальные весело расхохотались, показывая наклеенные вампиры клыки.

— И смотреть не хочу, — отрезал он, — заberi эту мерзость.

Азазель не ответил, сбавляя скорость, сдал ближе к бордюру, где высокие деревья бросают длинные густые тени от ярких фонарей. Михаил заметил, что Азазель посмотрел в первую очередь на здания, засекая места, где расположены записывающие видеокамеры.

Участок у дороги такой, только сидеть в засаде разбойникам: справа густые высокие кусты, очень дикие и неухоженные, слева ряд древних деревьев, которые пора спилить и заменить молодыми саженцами.

Через минуту с правой стороны мелькнула тень. Михаил не успел повернуть голову, как дверца бесшумно открылась. В салон влез и молча опустился на заднее сиденье тот, которого Азазель называет Бианакитом.

Михаил некоторое время выжидал, но Бианакит сидит спокойно и неподвижно, словно вырублен из камня, на лице ничего не отражается, кроме света фонарных столбов.

— Ты знаешь, — поинтересовался Михаил, — что нам предстоит?

Бианакит ответил ровным мужественным голосом:

— Вы двое знаете, мне достаточно.

— А ты?

— Выполню ваши приказы, — ответил он так же ровно и почти равнодушно.

— Хорошо, — ответил Михаил и добавил неожиданно даже для себя: — ты хороший солдат.

Бианакит промолчал, а Михаил ощутил некоторое неудобство, словно сам в чем-то принизил свой статус, заговорив с простым солдатом, хотя именно он и должен, а простому не по рангу заговаривать со старшими первым.

Ехали довольно долго, после МКАДа еще десятка два километров по Симферопольскому шоссе, а потом поворот мимо таблички с названием места, которое Михаил прочесть не успел, дальше Азазель гнал, то ныряя в лес, то проскакивая по краям гигантских карьеров, наполненных до краев густой вязкой тьмой, наконец свернул к огромному и широкому дереву, где и остановил под широкой кроной, словно укрывал на случай дождя.

— А вот отсюда пешком, — сказал он с сожалением. — К счастью, у сатанистов нелюбовь к технике, иначе бы нас давно засекли.

Бианакит открыл багажник и с вопросом в глазах повернулся к Азазелю.

— Разбирайте рюкзаки, — велел тот. — Там запасные обоймы. Несколько гранат, пара мин, еще всякое полезное...

Бианакит заглянул во все три, выбрал один по себе, остальные два забросили на плечи Азазель и Михаил.

— Теперь перебежками, — велел Азазель, — но отставать не советую! Бианакит, прикрываешь наши спины.

Он пошел впереди, и хотя пригибался и вроде бы скрадывался, однако Михаилу приходилось то и дело переходить на бег, чтобы не потеряться в густой ночи, где нет иного света, чем от звезды и полускрытой луны.

Бианакит, как и велел ему Азазель, двигается десятка на два шагов сзади, прикрывая им обоим тылы.

— Ночь, — сказал Михаил с отвращением, — как же вы, создания Тьмы, обожаете отсутствие Божественного света! И как хорошо, что после ночи приходит Божественный рассвет...

— Ты просто чудо, — пробормотал Азазель, он как вперился в темноту впереди черными, как хаос, глазами, так ни разу и не повернулся. — Идеальный образец имперской пропаганды. И сам попугай-пропагандист...

— Почему попугай? — спросил Михаил рассерженно.

— Повторяешь, — пояснил Азазель, — не понимая смысла. Я, как и ты, был создан Творцом на второй день творения, хотя ты, правда, на третий...

— Я тоже на второй, — напомнил Михаил, — у тебя что, память отшибло?

— Нет, — сообщил Азазель с чувством превосходства, — но вдруг хотя бы так запомнишь, что оба созданы в огне Первого дня Творения. Хоть и на второй день, это чтобы никто не мог сказать, что ангелы что-то подсказывали Творцу в деле сотворения мира! Только я продолжал развиваться, а ты нет... Мы с тобой как две церкви, католическая и православная. Хотя я больше на протестанта смахиваю.

— Да уж, — буркнул Михаил, — протестовать проще, чем работать или служить во благо.

Азазель сказал тихонько:

— Да уж, заработались, буржуи. Ничего, мы наш, мы новый мир построим! Кто был ничем, тот станет всем... Это мы первые сказали! А потом и на земле услышали, откликнулись... Ага, вот и ворота, что не парадные, но вполне рабочие...

Михаил долго ничего не мог рассмотреть в темном лесу, деревья густые и неухоженные, хотя Москва рядом,

много рухнувших на землю и гниющих стволов, слабый свет падает только с неба, где блестит отраженным светом огрызок луны да еще несколько десятков звезд, что освещают только себя.

Столбов с мощными лампами здесь нет, не сразу рассмотрел, что впереди не сгусток мрака, а небольшой холм, а когда подошел ближе, узрел массивную дверь из погрызенного ржавчиной металла. По обе стороны массивные плиты серого камня, на обеих по пятиконечной звезде, что означает власть дьявола, а над входом еще одна гранитная плита с полустертыми значками.

Азазель посветил фонариком, покачал головой.

— Кто знает, как войти в это вросшее в землю сооружение?.. Вот и хорошо, что не знаете... А кто знал, тех уже нет.

Он выудил длинный ключ на штыре толщиной с указательный палец, Михаил и Бианакит молча ждали, пока вставлял поочередно в три скважины, поворачивал то в одну сторону, то в другую. Наконец с силой толкнул дверь, и та со скрипом нехотя отодвинулась.

— Нет-нет, — сказал Азазель, — Бианакит, соблюдаем походный порядок. Все так же прикрываешь тыл.

Глава 14

Бианакит кивнул, Азазель нагнул голову и первым вошел в темный ход, подсвечивая дорогу фонариком.

Михаил шагнул следом, Бианакита не услышал, тот умеет двигаться профессионально бесшумно, а впереди в круг прыгающего света попал начертанный на стене красным треугольник, а в нем толстая пятнистая змея с бычьей головой.

— Интересно, — пробормотал Азазель, — что это за хрень...

Михаил сказал с издевкой:

— Тебе лучше знать вашу символику.

— Те демоны, — сообщил Азазель холодно, — кто разбирается в символике, по таким местам не ходят.

— Аристократы?

— Типа того. А в твоём замшелом мире?

Михаил посмотрел на него исподлобья:

— Сам знаешь.

— Что, с тех времен, — спросил Азазель с насмешкой, — ничего не изменилось?

Михаил с гордым видом покачал головой:

— Мы не меняем принципы.

Азазель посмотрел через его голову на остановившегося в трех шагах позади Бианакита:

— А ты знаешь, что это?

Тот ответил ровно и без всяких эмоций:

— Да.

— Ого! Сталкивался?

— Дважды, — ответил Бианакит. — Это означает «Мы Видим Все», а второй «Мы Уже Идем».

— Ого, — повторил Азазель, — звучит угрожающе.

— Куда церковь смотрела, — прошепел Михаил. — Этому капищу не меньше пары сот лет!

Азазель ответил покровительственным голосом, который особенно бесил Михаила:

— Пара лет, не больше. А то и год. Плиты изготовлены в мастерской Тищенко, хороший мастер на все руки. Натуральный песчаник, не пенопласт, а поверхность из гранитной крошки на суперклею, так дешевле. Само капище забабахали за полчаса, даже не подгоняя строительную технику, просто наняли таджиков побольше и умело подобрали материалы.

— Поверить трудно...

— Мода на старину, — сообщил Азазель, — чем старины в обществе меньше, тем самые слабые из людишек

цепляются за нее сильнее. А поверхность всех материалов состарена нарочито, это нетрудно. Могу дать адреса фирм, где старят поддельные картины, монеты, якобы найденные в раскопках мечи и доспехи...

— Заткнись, — прошипел Михаил, — а то я первым убью тебя, а потом разнесу это дьявольское капище!

— А-а, не ндравится?

— Это тебе должно нравиться, — сказал Михаил зло.

Азазель усмехнулся, сказал с бодростью в голосе:

— Не отставай, Мишка. Получай удовольствие по полной!

Он уверенно пошел, почти побежал вперед, Михаил вынужденно ринулся следом, прыгая через валуны, тоже старые с виду, обросшие мхом, но после слов Азазеля не доверяет даже им — вдруг изготовлены в той же мастерской Тищенко.

Внезапно навстречу подул пронизывающий ветер, некоторое время пришлось пригнуться и закрывать лицо локтем. Проще бы ладонью, но в ней пистолет, а палец на спусковом крючке, ветер тоже может быть для того, чтобы ослабить готовность к быстрой схватке...

Ветер стих так же мгновенно, как и возник, и не понять, ворвался через какую-то дыру в своде или же это некая защитная и предостерегающая магия.

Азазель впереди остановился, вскинул руку. Михаил и Бианакит замерли на месте. Азазель прислушался, сказал негромко, но с заметным отвращением:

— Что они делают, что делают... Черная месса?.. Это уже не Хеллоуин, это сатанисты...

— Азазель? — спросил шепотом Михаил.

— Мы не полиция, — ответил так же тихо Азазель, — а возмущенное население, что отстаивает демократические права на тоталитарное управление! Помните, народу заповедями позволено больше... Мы сейчас возмущаю-

щийся народ, потому убивайте всех, Господь разберется, кто не прав, а кто совсем не прав. Невинный сюда не придет даже смотреть, здесь одни участники.

Михаил сам чувствовал праведный гнев, эти мерзавцы попирают все то, что лучшие люди выстрадали и защищали в великих испытаниях тысячи лет, а эти недоумки, слетевшиеся на легкую и крутую развлекуху, еще не понимают, что рушат основы цивилизации, основанную на заповедях, данных Господом.

Он вытащил и приготовил к бою второй пистолет. Судя по голосам, дальше за поворотом большая пещера, а в ней поют и молятся Тьме десятки человек.

Азазель, что двигается, как огромное привидение, легко и бесшумно, проговорил на ходу:

— Знакомая музыка... Кто узнает?

Михаил промолчал, Бианакит сказал за спиной едва слышно:

— Немцы... Их группа Helloween. Слышите, как работают басы?.. И барабанщик, будто рухнул?.. Голос самого Кая Хансена! Он же родоначальник спид-метала и пауэр-метала!

Азазель буркнул:

— Это тот, что тыквенную голову со свечой внутри выбрал талисманом и девизом группы?

— Он.

— Никого не щадить, — велел Азазель. — Нам некогда ждать, когда вырастут и поумнеют! Зло нужно пресекать сейчас... Мы здесь, а это значит, будущее уже наступило. Начали!

Он выдвинулся из-за поворота и начал частую стрельбу из обоих пистолетов. Михаил поспешил выскочить из тоннеля на открытое место, впереди в самом деле пещера, народу только не десятки, а как бы не пара сотен, торо-

пливо начал стрелять, а рядом встал Бианакит и тоже открыл стрельбу уже из автомата.

Началась паника, сатанисты заметались в разные стороны, все в черных плащах с капюшонами, скрывающими лица, что и хорошо, можно стрелять как по мишеням, не чувствуя, что убиваешь молодых дураков, что со временем могли бы опомниться сами даже без тюремных сроков и отцовского ремня.

Бианакит рядом с ним быстро и с полнейшим хладнокровием стрелял быстро и точно, а когда уцелевшие то ли под наркотиками, то ли просто ошалели вдруг ринулись в их сторону, расшвырял их, как кабан прошлогодние листья, выхватил из сумки запасной диск и быстро заменил им пустой, затем пристрелил оставшихся и ринулся вслед за Азазелем.

Михаил, взвинченный до красности и с бешено стучащим сердцем, чувствовал, что успевает стрелять без единого промаха и продвигаться за Азазелем с той же непостижимой ранее скоростью, а тот наверняка знает, куда ведет.

В центре зала на большой плите из темного гранита привязана распростертой на спине совершенно голая молодая девушка с раскинутыми руками и раздвинутыми ногами, кровью вымазана грудь и весь живот до самого низа.

На стреляющих посмотрела дикими глазами, Азазель сказал зло:

— Мишка, пристрели сучку!

Михаил дернулся:

— Ты чего?

— Думаешь, — бросил Азазель на бегу, — пленница?

Михаил не успел ответить, сзади хлопнул выстрел. Бианакит догнал их, держа автомат в одной руке, пистолет в другой, лицо спокойное и сосредоточенное, он всего

лишь выполнил приказ, а вся ответственность на командире.

Азазель крикнул шепотом:

— Ничего, Мишка, это жизнь... Ты все же неплох для новичка!

— Иди ты, — огрызнулся Михаил. — Получше тебя. Я воин и создан был воином, а тебе козла жертвовали!

— Не завидуй, — укорил Азазель.

— Это я завидую?

— А кто все про козла вспоминает?.. Это тщательно скрываемая зависть, как скажет любой психоаналитик. И детские травмы, о которых стыдно и больно рассказывать. Тебе же больно рассказывать?.. Может быть, ты вообще латентный... Ох, уже бегут навстречу!.. Всем изготoвиться...

По узкому тоннелю в направлении их пещерного зала бегут люди в черном, Азазель в красивой позе палил из двух стволов, успевая поражать даже в прыжке, и те падали под ноги Михаилу уже мертвыми.

Михаил успел выстрелить трижды, Азазель пробежал по еще шевелящимся телам, взмахнул рукой.

— Вот там дальше их центральный зал!.. Сумеешь туда добраться? Бианакит, проследи за мальчиком!.. А я пока сдержу погоню, там что-то очень тяжелое гонится.

Михаил кивнул, сейчас не до глупого героизма насчет «я тебя не оставлю», Азазель знает, что делает, с разбега вбежал в темноту, глаза тут же приспособились, а через несколько шагов увидел далеко во мраке рассеянный свет.

Двое мужчин с автоматами в руках увидели его и начали поворачивать стволы в его сторону. Михаил выстрелил дважды, и оба охранника рухнули, а его вдруг охватило незнаемое ранее чувство злой и недоброй радости победы.

Понятно, это не его радость, а тела из костей и мяса, животной плоти, такая у всех зверей, но ничего не мог

поделать и даже не пытался, наслаждаясь этим непривычным чувством, даже счастьем от ощущения доминантности и победности, что так важно, оказывается, для людей.

На звуки выстрелов вбежали еще четверо, все в огромных, в распахнутых, как крылья, черных плащах, с черными платками на лицах, но Михаил был готов и успел выстрелить трижды.

Над ухом сухо треснул одиночный, и четвертый повалился на стену. Бианакит бросил коротко:

— У него крупнокалиберный.

Михаил молча подхватил тяжелый автомат, ремень перебросил через плечо, это оружие про запас, а пока пистолеты дают больше надежности, чем оружие, из которого большинство пуль уходит мимо цели.

Еще дважды встретили охранников, что явно не сатанисты, профессионалы такой дурью не страдают. Бианакит точно выполнял указания Азазеля и давал Михаилу выстрелить первым, но тут же подстраховывал, поражая цели быстро и точно.

Они выбежали в небольшую пещеру, где три трупа и Азазель,двигающий некие рычаги на установке, похожей на турель крупнокалиберного пулемета, он обернулся на их топот, сверкнул в полутьме белозубой улыбкой:

— Быстрые вы!.. Молодцы. Теперь знаю, кого посылать за пивом.

— Что здесь? — спросил Михаил.

Азазель отмахнулся:

— Да так, детство, которого у меня не было, вспомнил... Вот подергал, поигрался, где-то что-то рухнуло, взорвалось, загорелось... Жизнь — интересная штука! Пошли отсюда. Нужно отыскать Леонарда, если он уже явился.

За их спинами Бианакит сказал коротко:

— О нас уже знают.

— Тогда нужно на опережение, — велел Азазель. — За мной, каналы!.. Миша, есть такое ласковое слово, испробуй на Синильде...

Михаил бежал за ним молча, Азазель в самом деле несетя, как пятнистый олень, красиво и безукоризненно точно. Ни разу не задел ни выступ в стене, ни светильник, ни статую, легко перепрыгивает камни и обломки статуй, перегораживающие коридор.

Откуда это все, мелькнула мысль, потом вспомнил насчет моды на старину, да, могли, сейчас даже простолюдины живут богато, но богатый скот все равно скот, сколько им ни дай, это только ускорит их падение. Катиться вниз легче, чем карабкаться к свету...

Азазель, выскочив дальше в пещеру, разворачивался красиво, как в стремительном танце, и быстро стрелял из двух пистолетов, чаще вверх, чем по горизонтали. Михаил понял эти странные маневры, когда сверху обрушилось, едва не придавив его, грузное тело трепыхающейся твари с кожистыми крыльями, уже с простреленной вытянутой головой и клиновидным клювом.

Второй крылатый зверь даже задел руку с пистолетом, ободрав чешуйчатой тушей кожу. Два темных зверя впереди прыгнули на Михаила, пользуясь моментом, он упал на спину, одному успел разнести морду выстрелом, второго опрокинул на пол и с хрустом проломил кулаком лоб, а над головой в это время часто гремели выстрелы прикрывающего его Азазеля.

— Хорошо драться с птицами? — крикнул он жизне-
радостно. — Кости тонкие, черепа как из бумаги... Слева!

Михаил моментально развернулся и тут же выстрелил дважды. Азазель довольно крикнул, Михаил в самом деле воин, даже не целясь, обе пули всадил точно в середины лбов одного крылатого зверя и другого.

— А вот и те сокровища! — крикнул Азазель.

Михаил бросился к нему, охнул, увидев в синеватом свете пещеры подвешенные к каменному своду странного вида серые сумки. Сперва показались наполненные тухлой рыбой мешки, запах омерзительный, из каждого медленно сочится слизь, на полу тускло поблескивают лужи.

Азазель пробормотал:

— Неужели они решились... Узнаешь?

— Нет, — ответил Михаил честно. — Никогда не видел.

— Это зародыши низших демонов, — прошептал Азазель. — Видишь, шевелятся... Когда вылезут, уже будут зубастыми и опасными... Кто-то очень хочет вызвать хаос в этом мире.

Михаил вскрикнул:

— Я сейчас уничтожу!

Азазель ухватил его за руку:

— погоди. Кто-то идет. Сюда.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Глава 1

Михаил прислушался, шаги приближаются из тоннеля напротив тяжелые, от них слегка подрагивают земля и стены, пистолет в руках казался игрушечным. Азазель втолкнул его в небольшую нишу, вся стена в таких кавернах, оба затаились и прислушивались к приближающимся шагам. Бианакит успокаивающе кивнул из щели шагах в десяти сзади.

Тяжелые шаги перешли почти в грохот, словно под ними трескается от тяжести земля.

— Это Леонард? — спросил Михаил шепотом.

— Похоже, — прошептал Азазель. — Или один из его миньонов.

Плечи Михаила зябко передернулись:

— Какой же тогда сам Леонард...

Пригибая голову под низким сводом, в пещеру вышел очень грузный исполин на толстых, как у слона, ногах. Остановился и со вздохом облегчения выпрямился во весь рост, всматриваясь перед собой крохотными глазами в узких щелях между скалами скул и каменными навесами надбровных дуг.

Михаил с дрожью отметил, что в ширину гигант почти такой же, мощно раздвинутые плечи и толстые, как столетние деревья, длинные руки,

почти достающие до пола, ноги короткие, грудная клетка шириной с Туранскую возвышенность.

Азазель торопливо крикнул:

— Эй, приятель!.. Мы пришли к Леонарду!.. Это наш дружище, он позвал нас на помощь!

Гигант молча всматривался в них, наклонив огромную, как башня танка, голову с остатками сломанных рогов.

Михаил видел краем глаза, как Бианакит покинул свою нишу и неслышно начал скрадываться вдоль стены, приближаясь сбоку к гиганту.

После долгой паузы, пока гигант раздумывал над словами Азазеля, в пещере мощно гроыхнуло:

— А ты кто?.. Я тебя где-то видел...

— Вместе благородный эль пили? — спросил Азазель дружелюбно. — Я тоже что-то помню... А-а-а, мы тогда с Самигиной были в гроте, я ее убалтывал на грех, помнишь?.. А ты вломился, тоже ее искал...

Огромная грудь демона стала шире от прилива внезапного гнева, серое лицо потемнело, из узких щелей глаз брызнул багровый свет, словно в черепе с горячих углей смахнули пепел.

Страшный рев заставил подпрыгнуть:

— Так то был ты?

— А ты еще сердишься? — спросил Азазель невинно. — Ты же сам мне весь кайф обломал!.. Мы квиты!

Демон пошел на него широкими, но медленными шагами. Земля каждый раз вздрагивает, со свода сыплется пыль и мелкие камешки.

Михаил бросил быстрый взгляд на Азазеля, тот чуть пригнулся и не сводит с демона пристального взгляда, на лице сосредоточенное выражение, просчитывает какие-то будущие действия.

Демон, как понял Михаил, из-за огромной массы недостаточно быстр и поворотлив, Азазель явно это зна-

ет, если в самом деле встречался, сейчас провоцирует намеренно...

— Погоди, — крикнул Азазель, — давай решим, как надо!.. Ты же с Леонардом?.. Где он?.. Давай серьезнее, я не шучу. Вам нужно остановиться!.. Нельзя захватывать этот мир! Ты разве не понимаешь, что это же посягнуть на дело самого Творца!

Демон проревел тем страшным голосом, от которого Михаилу хотелось присесть и закрыть ладонями уши:

— Нет никакого Творца!.. Кто-то Его видел после Дня Творения?.. Теперь есть только мы! Те, кто осмелился поднять выпавшую из Его рук власть!

Азазель крикнул:

— Он не оставил этот мир! Он просто не вмешивается...

— Вы все умрете, — пообещал демон.

— И что, — сказал Азазель. — Не пощадишь?

— Нет, — ответил демон после короткого раздумья.

— Ой, — сказал Азазель, — как жалко...

Демон выпрямился во весь рост, за его спиной развернулись огромные кожистые крылья, на каждом по огромному когтю на суставе. Михаил зябко повел плечами, по кромке крыльев нехороший блеск, словно смочены ядом, а это значит, его смертное тело может погибнуть от одного удара таким крылом.

— Молодец, — пробормотал Азазель, — сзади никто не подкрадется... но зато еще больше замедлил скорость... Начали?

Он выстрелил. Михаил сжал автомат крепче и ударил длинной очередью, но с ужасом видел, что хотя крупнокалиберные пули со страшной силой бьют в грудь и голову демона, но отскакивают, высекая крохотные злые искорки.

Рядом яростно закричал Азазель, руки его замелькали с такой скоростью, что Михаил увидел только смазанный

блор. Демон мощно взмахнул крыльями и ринулся на них, раскрыв ужасающую пасть и растопырив лапы с когтями размером с ножи.

Азазель молниеносно сменил обойму, поднял пистолет обеими руками и выстрелил несколько раз. Демон закричал страшным голосом, Михаил увидел, как в бочкообразной груди возникают отверстия. Еще три выстрела, и полчерепа монстра снесло, как ударом исполинской дубины.

Михаил ощутил толчок в плечо со стороны Азазеля, а тот прыгнул в другую сторону.

Демон тяжело рухнул на то место, где оба только что стояли, однако начал с глухим ревом подниматься, топыря страшные крылья. Азазель трижды выстрелил в упор. Тело дернулось и рухнуло, загребая землю когтями, а огромные крылья бессильно распластались по земле.

— Чем ты стрелял? — крикнул Михаил, он задыхался от волнения, сердце едва не выпрыгивает из груди. — Даже дым пахнет, как благовонные масла...

— Я этого парня в самом деле знаю, — ответил Азазель. — Кто, по-твоему, ему рога...

Издали прокричал Бианакит:

— Тревога!

Пол в пещере задрожал снова, но теперь часто и тревожно. Михаил ощутил, как вся кровь бросилась в голову с такой силой, что зашумело в ушах.

Азазель окинул соратников быстрым взглядом. Михаил напуган, но сосредоточен, Бианакит отошел в сторону и прижался спиной к стене, вдвинувшись в нишу. Лицо по-прежнему бесстрастное, словно в самом деле грубо и по-мужски небрежно высечено из гранита. Солдат делает то, что положено, ибо, если бы страх спасал, зайцы стали бы бессмертными раньше всех трансгуманистов.

— Это он, — сказал Азазель и, вздохнув, добавил: — Ну... последний бой!

Грохот шагов нарастал, Михаил держал автомат на изготовку, готовый стрелять моментально, как только демон появится из тоннеля. Азазель присел и чуть раздвинул руки, словно готовится схватиться в рукопашную.

Михаил вздрогнул, из пещеры вышел и разогнулся во весь исполинский рост обнаженный до пояса языческий бог, что-то вроде Аполлона, такими нечестивые элины изображали своих кумиров. Прекрасный торс с широкими и выпуклыми пластинами мускулов, широкие мускулистые плечи, красивая посадка головы, рельефный, в пластинках мышц живот, лицо смуглое, глаза большие, красивые, с длинными ресницами, короткая борода, а из курчавых волос торчат два небольших рога, но Михаил не мог оторвать взгляд от третьего, что красиво блестит серебром и торчит прямо надо лбом.

Вокруг всех трех рогов красуется корона из чистого серебра, сам Леонард выглядит прекрасным и величественным, а то, что ниже пояса весь в густой шерсти и стоит на копытах, не слишком портит впечатление, для язычников смесь с животным не важна, у них все боги с животными совокуплялись так же просто, как и с людьми.

Азазель сказал быстро:

— Леонард!.. Никто из нас не против шабашей, где ты царь и бог. Подросткам и не отягощенным интеллектом взрослым нужны казино, ночные клубы и черные мессы, это же так по-бунтарски и против законов!.. Им нужно давать выход... и общество дает! Но когда казино начинают усиливаться, их закрывают!..

Леонард посмотрел на него свысока, на красивом лице отразилась задумчивость.

— Азазель, — проговорил он приятным бархатным голосом, — тебя трудно понять. Эти люди сами жаждут тьмы. Мы лишь идем навстречу.

— Люди всегда склонны к тьме, — крикнул Азазель. — Но человек поднимается с постели, зажигает свет и начинает работать!.. Нельзя все время бунтовать!.. Иначе мир рухнет!

На лице Леонарда появилась доброжелательная улыбка:

— Азазель... Только не говори, что тебе хочется зажечь свет и начать работать.

Азазель сказал со злостью:

— Нет, конечно! Никому трудиться не хочется. Но все работают, потому что надо. А кто слишком уж уговаривает бросить работу и только развлекаться... тех изымаем, чтобы других не портили.

Леонард покачал головой:

— Азазель... эти праздники плоти идут из тьмы веков. Я всегда их вел и всегда буду. И ничто не остановит...

— Ошибаешься, — сказал Азазель. — Новый мир, новые правила!.. Мишка, заряжай!

Михаил не понял, при чем тут «заряжай», если полные обоймы, и даже патрон в патроннике, но сбоку прогремели частые выстрелы со стороны Бианакита, и он сам тоже выпустил длинную очередь, держа в прицеле мушки голову Леонарда.

Звякнула и закрутилась на рогах серебряная корона. Пистолет Бианакита бабахнул громче, и корона слетела, с силой ударившись о стену, уже измятая и потерявшая форму.

Леонард взревел, лицо стало багровым и страшным, глаза засверкали оранжевым огнем, а грудь с треском раздулась. Михаил дернулся, когда кожа демона стал красной, как раскаленный металл, и от нее пошел жар.

— Ничто не изменилось, — прорычал Леонард почти нечленораздельно. — И не изменится!

Азазель присел на корточки и, перекосившись, зачем-то поливал Леонарда из пистолета-пулемета снизу.

Бианакит отшвырнул пистолет и ринулся на Леонарда с десантным ножом в руке. Тот с диким ревом пытался поддеть на рога, однако то ли шкура у Бианакита непробиваемая, то ли сам из камня, но его лишь швырнуло о стену, а там вскочил и ринулся на противника с таким напором, что Леонард хоть и не отступил, но остановился, окружив себя темным облаком нечистой магии, наносил короткие, но сильные удары в голову Бианакита, а тот старался уклониться, сам прыгал из стороны в сторону с ножом в руке, угрожая ударом.

Михаил заорал злобно:

— Да что ты за тварь...

Он расстрелял всю обойму, но демон, в прошлом языческий бог, даже не обратил внимания. Азазель вытащил из сумки тяжелое ружье с коротким стволом, прицелился в спину Леонарду.

— Ничего не изменится, говоришь?

Выстрел грохнул неожиданно громко, Азазель отшатнулся, едва удержав оружие. Темное дуло вспыхнуло, как при электросварке, Леонард выгнулся в спине, резко обернулся, на искаженном лице отразились боль и ярость.

Михаил едва разобрал слова в его зверином рыке:

— Пожалеешь...

Горящие безумным бешенством круглые глаза резко сузились. Михаил шагнул вперед, загораживая Азазеля, тот торопливо вкладывал в ствол второй такой же толстый патрон.

Леонард, наклонив голову, ринулся на нового врага, готовый всадить длинный острый рог. У Михаила похо-

лодело в животе, когда представил, как туда с силой войдет рог и высунется со спины, ломая позвонки...

Бианакит прыгнул демону на спину и молниеносно вонзил лезвие в шею точно так, как убивали в Риме приговоренных к казни солдат.

Михаил попятился от Леонарда, тот вздрогнул, глаза стали снова огромными, но колени подломились, и он тяжело завалился лицом вниз.

— Прекрасный удар, — с трудом выдохнул Михаил, еще не веря, что все решилось так быстро. — Быстро и чисто!

— Другим его не убить, — коротко пояснил Бианакит.

Азазель торопливо упрятал странного вида ружье, лицо уже сияет, сказал весело:

— Можно-можно! Четверо Хранителей неба с их огненными мечами всегда могли! Но эти толстые жирные свиньи спят там у себя в Брие!

— Не такие уж и толстые, — возразил Михаил. — Что теперь?

— Леонард из средних, — сказал Азазель с энтузиазмом. — И завалили его достаточно легко. Это внушает надежду...

— На что?

— Обоймы разрывных бронебойных, — пояснил Азазель, — хватило на всю ораву. Простые патроны и пара гранат не в счет! А у нас в багажнике еще и запасной гранатомет с полным боекомплектом. Правда, далековато... Зачистите эту пещеру! У Бианакита в сумке пара мощных мин, одной хватит все эти яйца расплескать в вонючую жижу. Поторопитесь, уже начинают шевелиться!

Бианакит молча вытащил из рюкзака небольшую металлическую коробочку.

— Уходите.

Азазель кивнул Михаилу:

— Он догонит. Поспешим.

Глава 2

Михаил осторожно обошел огромное тело Леонарда, оглянулся. С ним ничего не случилось, только чуть просело в пол пещеры, а когда пересекли ее наискось и вошли в тоннель, он повернулся посмотреть еще раз на труп могучего демона, тот погрузился в плотный камень уже наполовину.

Азазель заметил его встревоженный взгляд, сказал успокаивающе:

— Не найдут, успокойся.

— Он там глубже растворится?

— Если и восстановится, — сообщил Азазель, — пройдут годы. К тому же он из старых языческих богов, так что, возможно, восстановиться не дадут вовсе. Сейчас другой мир, другие песни. А танцы так вообще... ты же видел, как танцуют?

Михаил ответить не успел, позади раздался мощный взрыв, в спины жарко дохнула волна сухого воздуха. Михаил все порывался спросить Азазеля насчет Бианакита, но тот выскочил из жаркой волны по-прежнему настороженный и прислушивающийся, огонь его догнал и поглотил на какое-то время, но Михаил тут же услышал быстрые шаги за спиной.

Бианакит догнал, кивнул, дескать, все выполнено, Михаил с облегчением перевел дыхание, дальше спешили за Азазелем уже плечо в плечо.

Азазель остановился, посмотрел по сторонам.

— Заблудились? — спросил Михаил.

— Выбираю оптимальный вариант, — пробормотал Азазель. — Мы хорошо справились. И достаточно быстро. Ладно, выбираемся. Наверху уже утро, по моему автомобилю птички скачут, все лобовое стекло закакали...

Он двинулся дальше уже неспешно, Михаил спросил:

— Остался этот, как его, Кезим?

— С Кезимом, — ответил Азазель задумчиво, — может и не выгореть вот так сразу... Он из старших демонов, а старшие... они как бы на то и старшие. Не из всякого танкового орудия заставишь даже оглянуться... Ладно, сам Кезим в какой-то мере ослаблен, это просто замечательно.

Михаил спросил настороженно:

— Кезим... разве... тоже шабашник?.. Шабашист?

— Кезим с Леонардом дружил и соратничал, — пояснил Азазель, — потому мы, можно сказать, двух зайцев одним камнем, хотя при чем тут зайцы?.. Я вообще-то ни одного зайца за всю жизнь не убил, веришь?.. А ты зайцев убивал?

— Нет...

Азазель воскликнул с энтузиазмом:

— Вот видишь, Мишка, сколько у нас общего! А ты все рыло воротишь, мол, благородных кровей, а зайцев почему-то не бьешь! Или ты этот, как его, милосердный?.. Милосердный — это совсем не то, что ты подумал, правда!.. Кстати, можно выйти через вон ту дверь, видишь? Так дорога короче...

Бианакит резко остановился, подобрал с пола гильзу и показал Азазелю на раскрытой ладони.

Азазель осмотрел со всем вниманием, покачал головой:

— Малый калибр, что позволяет всобачить в магазин вдвое больше патронов. Бронебойные, пули в таких зазубренных со смещенным центром... Это дорогие штуки, точно не любители и не простые бандиты.

Михаил спросил шепотом:

— Военные?

— Не просто военные, — ответил Азазель тревожно. — Армию не снабжают оружием, которое вытаскивают юве-

лиры! Эти люди наверняка не подотчетны ни ФСБ, ни даже ГРУ. Ладно, уходим...

Он сделал шаг в сторону двери, но с той стороны раздался нетерпеливый стук. Донеслись злые голоса, грохнули чем-то тяжелым, а стук перешел в грохот.

— Уходим, — крикнул Азазель тревожно. — Это что-то внеплановое!

Михаил и Бианакит побежали за ним, но едва успели свернуть за выступ тоннеля, далеко за спиной раздался треск досок, звон металла, а следом грубые мужские голоса.

С дверью покончено, мелькнуло у Михаила, сопротивлялась честно, но недолго. Сейчас начнется стрельба, но у противника, судя по голосам, подавляющее огневое преимущество.

Азазель азартно вскрикнул:

— Вот они настоящие!.. Люди тех, кто стоит за сценой!..

— Отступаем? — спросил Михаил. — Или примем бой? Какие у нас шансы?

— О шансах потом, — ответил Азазель как-то туманно. — Сперва заставим их залечь. А потом суп с котом...

Бианакит поднял гранатомет и быстро прицелился в проем. Через две-три секунды из-за поворота тоннеля выбежали несколько человек, все в бронежилетах и армейских ботинках.

Полыхнуло огнем, снаряд выметнулся из пусковой установки и, оставляя огненный след, за доли секунды домчался до передовой группы. Двое, что впереди, каким-то образом успели отшатнуться в стороны, ракета ударила в бегущих следом.

На голову Михаила после мощного взрыва шлепнулся кусок кровоточащей плоти, перед Азазелем упала срезанная осколком кисть руки с зажатым в ладони армейским

пистолетом, со свода часто-часто посыпались мелкие камешки.

Михаил успел рассмотреть на винтовках в руках напавших толстые трубки в том месте, где располагается оптический прицел, что значит, подготовились к боям в подземелье и уже знают, что оптические прицелы лучше заменить фонариками.

Михаил, вслушиваясь, уловил, как командир боевиков крикнул:

— Быстро догнать!.. Уничтожить!..

— Есть еще выходы? — спросил кто-то.

— Целых три, — сообщил командир со злобной усмешкой, — но у всех трех наши люди.

Азазель тоже, как показалось Михаилу, услышал, у демонов вообще слух не просто звериный, а куда лучше, но молча показал Михаилу, чтобы не раскрывал рта и бежал как можно тише.

— Хорошая команда, — сообщил он на ходу, — можешь гордиться.

— Чем?

— Например, что за нами выслали, — пояснил Азазель, — а вообще-то наверняка за тобой. Как же эти грубые мужчины не выносят таких красавцев!.. Почти как и я. А могли бы любить... не смотри так, я имею в виду христианскую любовь, как ее понимал сам Иисус. Хотя вообще-то кто знает, как он ее понимал? Мы же понимаем ее так, как сочинил Павел...

— Что ты несешь? — сказал Михаил с сердцем.

— Это я так нервничаю, — сообщил Азазель. — Я вообще-то чуткий и на все откликающийся. Давно в такой массовке не участвовал!.. Как-то не по себе даже... Это тебе как с гуся вода, прирожденный убивец, а я тут почти вегетарианцем стал, в церковный хор подумываю записаться.

Михаил сказал нервно:

— Погоди, тот сказал, что у всех трех выходов их люди!

— Сказал, — согласился Азазель.

— Попадем под пули?

— Вряд ли, — сказал Азазель с сомнением, — не отставай!

— А что... что с ними случится? Почему не будут стрелять?

— Мишка, — бросил Азазель через плечо, — у людей говорят, плоха та лиса, что знает из норы только три выхода! Теперь понял?

— Понял, — ответил Михаил пристыженно. — Козел ты хермонский... не мог не ткнуть лицом в... очевидное.

— А знаешь как приятно? — похвастал Азазель. — Вроде и ничего доблестного в обмане такого простака, а все равно приятно!

Некоторое время молча бежали по тоннелю. Михаил пару раз оглянулся, не слыша Бианакита, но тот издали показал знаками, что прикрывает отход, все в порядке, это и есть боевой порядок.

Впереди тоннель пересекает другой, еще более грязный и мрачный. Михаил ждал, что Азазель круто свернет и помчится со всех ног, однако тот встал за выступом стены и наконец-то вытащил оба пистолета. Бианакит догнал и встал за углом напротив.

— У выходов нас ждут, — напомнил Михаил. — А вдруг и у твоего четвертого?

— Хочешь сказать, нехорошо людей заставлять ждать?

— Я просто предупредил, — отгрызнулся Михаил.

— Хороший ты, — сказал Азазель, — такой заботливый... На раз-два давай?

Пригнувшись, считать не стал, а высунулся из-за края и трижды быстро выстрелил. В ответ донесся крик боли, прогрохотали две очереди из автоматов.

Пули, как понял Михаил, пронесли на высоте головы и грудной клетки Азазеля, если бы тот выдвинулся во весь рост.

— Минус двое, — сказал Азазель горделиво. — Поскачем дальше.

Михаил побежал следом, крикнул:

— У выходов ждут!

— Эти догонят раньше, — напомнил Азазель, не сбавляя бега. — Не отставай, черепаха! И не бодай в спину. И пятки не оттопчи, я нежный, а мозоли еще никто не отменял... хотя у меня их пока нет..

— Вперед смотри, — напомнил Михаил.

Азазель тут же оглянулся и с блестящими от возбуждения глазами прокричал ликующе:

— Здорово?.. Вот это жизнь!..

Михаил простонал, задышавшись:

— Чего?

— Надо радоваться жизни, — крикнул Азазель. — А ты, как интеллигент какой, вечно ноешь. Смотри, как здорово!.. Они же хотели нас убить!.. А мы сами их убили во имя здоровой и радостной жизни. Разве не щасте?

— Да пошел ты, — сказал Михаил хрипло. — Вряд ли Господь хотел, чтобы люди убивали друг друга.

— А если без вариантов? — спросил Азазель. — Это же здоровая конкуренция, так необходимая современному развивающемуся обществу! Люди должны жить на пределе усилий, только тогда прогресс, развитие, повышение уровня культуры и технического ускорения, чего все жаждут и боятся до свинячьего писка, ибо жизнь — это борьба двух противоположностей как в здоровом, а то и здоровенном браке.

Михаил оглянулся:

— Нас догоняют!

— Это эхо, — сказал Азазель, но прислушался, кивнул. — Вообще-то да, а еще с обеих сторон заходят...

— Тогда быстрее вперед!

— Там тоже засада, — сообщил Азазель с подъемом. — Но ты не паникуй, не паникуй. Ты же сейчас человек, вот и води себя как человек!

— А они не паникуют?

— Еще как, — ответил Азазель, — но мужчины стараются паникерства не показывать, а вот демократы... ну, сейчас демократия снова выходит из моды, хотя их filmy мы я пока что люблю.

Он выдвинулся вперед, Михаил видел, как вслушивался и всматривался в полутемные проходы. Все трое, включая Бианакита, могут за сотни шагов уловить дыхание затаившихся людей и услышать запах их пота, но только Азазель с его опытом жизни здесь точно скажет, кто ринется в схватку, кто предпочтет стрелять из засады, а кто запаникует при виде грозных противников.

Он нервно сглотнул слюну, грозными и противниками они не смотрятся, собрался и ждал, что скажет Азазель.

Командир отряда преследователей показался в проходе на стыке двух тоннелей, автомат в руках готов к стрельбе, за ним еще двое на полусогнутых, смотрят в стороны.

— Доложить! — рявкнул командир.

Судя по его виду, слушает, что рассказывают по передатчику, вставленному в левое ухо. Его подчиненные слегка выдвинулись вперед, прикрывая старшего.

— Пусть идут, — шепнул Азазель.

— Прямо к нам?

— Не видишь, попрут налево.

Михаил не видел, почему именно налево, если не считать непонятный довод, что мужчины всегда предпочитают налево, ибо на левом плече якобы демоненок советует это вот налево, а на правом — ангел, но кто же из настоя-

щих мужчин станет слушать трусливого и такого противно правильного ангела.

Все трое пошли налево, Азазель не двигался, Михаил ждал с нарастающим раздражением, что вот сейчас скажет что-то нагло-похвальное в свой адрес, но Азазель исчез впереди молча, только слышался стук его подошв.

Михаил ринулся следом, в этих подземельях в самом деле не только отвратительно, но и жутковато, даже шаги Аزازеля звучат таинственно и пугающе.

— Поторопись, — донеслось издалека. — У них с лазерными прицелами, будет больно.

Михаил ускорил бег, глаза уже привыкли, но тут же едва не ударился о спину Аزازеля, тот придержал его предостерегающе выставленной рукой.

— Тихо-тихо, бычок... Ты чуть не столкнул меня вниз, а там та-а-акая лужа...

Глава 3

Михаил сделал шаг, колени дрогнули. Путь по тоннелю преграждает страшный темный провал, далеко внизу что-то шумит, словно подземная река ворочает камни, через провал натянуты два каната допетровских времен, а между ними такие же ветхие доски, часть из которых рассыпалась от времени.

— Примем бой? — спросил Михаил с надеждой.

Азазель спросил утрюмо:

— Хочешь выйти из игры и вернуться?

— А есть варианты? — поинтересовался Михаил.

Азазель молча побежал через мостик, который тут же начал раскачиваться, а доски одни сразу переламывались под его весом, другие только трескались.

— Не отставай, — крикнул он, не оборачиваясь. — Они сейчас будут здесь!

Из провала поднимается горячий пар, словно там не просто водный поток, но и раскаленная магма, ноздри уловили запах гари и горелой земли.

Одна из досок словно ждала, когда наступят на нее, Михаилу даже почудилось, что треснула и переломилась за момент до того, как ее коснулась его подошва.

Он охнул, но в падении успел ухватиться за канат, повисел пару мгновений, раскачиваясь, Азазель крикнул раздраженным голосом, и Михаил, подтянувшись, выбрался наверх, там его подхватил под локоть Бианацит, и уже наверху на полусогнутых подбежал к Азазелю.

Азазель оглянулся, сказал с удовлетворением:

— Прекрасно, Мишка, что ты не офисный клерк. Иначе был бы уже на самом дне...

Он выдернул из ножен длинный нож с узким лезвием и, едва мимо пробежал Бианацит, быстрыми ударами перехватил канат наполовину.

Михаил ждал, что закончит начатое, но Азазель убрал нож и ринулся в тоннель уже на этой стороне.

— Не отставай!.. Что, еще не понял?

— Подлый ты, — крикнул Михаил вдогонку. — Это нечестно.

— Это военная хитрость, — объяснил Азазель на бегу, — а не подлость. К тому же я демон, мы же все подлые, гадкие. Мерзкие, отвр-р-р-ратительные, лохматые... почти хеллоуисты, что тебе еще?

Михаил смолчал, берег дыхание, Азазелю мчаться легче, он весь из костей и жил, а вот ему с крепкими тугими мышцами и весом настоящего мужчины тяжелее.

В какой-то момент Азазель остановился, вытащил из сумки несколько листочков и швырнул за спину.

Михаил вскрикнул:

— А это еще что?

Азазель оглянулся:

— О, ты уже здесь?.. Это наводка для полиции. Я заготовил несколько листовок с призывом вступать в ряды Христианского Воинства имени святого Михаила Ангела.

Михаил дернулся:

— Кого-кого?

Азазель сказал виновато:

— Прости, но не могу быть серьезным в таких делах... Такого общества не существует уже давно, успокойся. Но нужно же на кого-то след бросить?.. Жаль, у меня врагов нет, а то бы все указывало на них.

— На госдеп укажи, — посоветовал Михаил.

— А ты знаешь, что такое госдеп? — спросил Азазель с изумлением.

— Не знаю, — ответил Михаил, — но слышал, госдеп виноват во всем.

— Увы, госдеп скорее поддержит хеллоуистов, — объяснил Азазель, — там же спят и видят... тихо-тихо, здесь осторожнее и всем смотреть под ноги. Госдеп гадит везде, не вступите. Все госдеп, везде госдеп.

Через несколько минут он выдохнул с великим облегчением, словно донес до места и сбросил там с плеч гору.

Впереди заблестал круг настоящего света, приблизился. Михаил рассмотрел в сиянии солнечного утра густые кусты, а за ними и толстые деревья.

Труба вывела в лес, настоящий лес, он ощутил еще за полсотни шагов, как навстречу ринулись насыщенные ароматы травы, листьев, коры и древесного сока.

Азазель оглянулся на бегу:

— Чего лыбишься?

— Лес, — крикнул Михаил счастливо, — хоть что-то в этом мире людей вечное!..

— Да, — прокричал Азазель, не останавливаясь, — эта вечность продлится еще три с половиной года. А потом

здесь выстроят крупный сельскохозяйственный комплекс с крупным рогатым.

Михаил крикнул рассерженно:

— Умеешь заглядывать в будущее?

— Достаточно заглянуть в планы генерального строительства, — прокричал Азазель и скрылся за толстыми стволами. — Я же в доле.

Когда Михаил догнал Азазеля, постоянно слыша за спиной дыхание все еще прикрывающего им спину Бианакита, он сказал горестно:

— Вот уж не думал, что придется вот так всерьез... Это же вообще ни в одни ворота! Я думал, любители косплея, чокнутые аматоры тайн и страшилок...

— Чья-то частная армия, — сообщил Азазель.

— А такое можно?

— Еще как, — ответил Азазель. — Сейчас это модно и очень удобно. Можно делать вид, что ты ни при чем и всячески соблюдаешь международные договоры.

— А кому принадлежат?

— У нас демократия, — напомнил Азазель. — Кто может себе позволить содержать, тот и держит, если есть необходимость. Некоторые настолько засекречены, что даже не знают, чьи задания выполняют. Понимаешь, глобализация размывает границы и уменьшает армии, однако привыкшие воевать не хотят уходить в укладчики асфальта.

Михаил пробормотал:

— Все равно я такого не ожидал. Это же настоящая бойня!

Азазель пожал плечами.

— Я обещал, — напомнил он, — что вампиров не будет! А про демонов ты как бы догадывался. Но, вижу, ты доволен, хоть и ворчишь, как старая бабка. Я тоже доволен, хоть у нас и разные мотивы. Во всяком случае, мы не про-

сто разгромили, мы уничтожили под самый корень ячейку возрождения сатанизма. Правда, только местную. Но зато какую! Это же Москва, сынок! Не какая-то Спарта.

Михаил спросил тяжелым голосом:

— А что сам Сатан?

Азазель посмотрел удивленно:

— Сатан?.. А он при чем?.. Думаю, о таких культах ничего не знает. Да и поклоняются здесь не Сатану, а Бафомету или нынешнему Леонарду, а то и Вельзевулу. Но все равно все это почему-то именуется сатанизмом. Так же как и христианством называется учение, которое придумал и оформил Павел. Вот бы Христос изумился!.. Пойдем отсюда. Здесь хоть и уединенное место, но рано или поздно набегут копы. Трупы демонов не обнаружат, а людей... ну, это по их профилю.

Михаил вышел за ним через лес к дороге, промахнувшись всего на десяток шагов в сторону от поджидающего автомобиля.

— И не украли, — заметил Михаил. — Брошенную колесницу обязательно бы сперли. Хоть в Египте, хоть в Риме.

Бианакит промолчал, Азазель сказал успокаивающе:

— Не волнуйся, здесь жулья не меньше! Просто автомобиль всех пишет на видео и отправляет прямо в облако, не достать. А по записям крадунов отыскать проще простого. Садитесь, надо уезжать. Лучше, чтобы нас здесь не видели.

Когда Михаил и Бианакит забрались в салон, Азазель неспешно погнал автомобиль по дороге, а Михаил сказал со вздохом:

— А я уж поверил, что люди стали честнее.

— А частная инициатива? — напомнил Азазель. — Начинается обычно с нарушения писаных законов! В этом залог прогресса людей.

— А неписанные? — спросил Михаил. — Я имею в виду заповеди?

— Их обычно блюдут. Нарушают только совсем отморозки, тех уничтожают все, даже свои соратники.

Михаил сказал с презрением:

— Ну да, у бандитов тоже своя жесткая структура.

— А как иначе? — спросил Азазель в изумлении. — Любое государство начиналось с шайки бандитов, что облагала покоренных крестьян оброком. Это в традициях всех демократий.

Бианакита высадили у ближайшей станции метрополитена, у исполнительного демона автомобиля все еще нет, но он не ропщет, начальству виднее, что ему положено, а с чем лучше подождать.

Михаил посмотрел ему вслед, вздохнул:

— Он хорош.

— Да, — согласился Азазель. — Молчит, не выкобенивается.

— Хочешь сказать, не выкозливается?.. Не думаешь заняться его обустройством?

— А что, неловко помнить, что соратник ночует в подворотнях?

Михаил промолчал, против сказать нечего, а хвалить демона как-то недостойно, Азазель дальше не заговаривал, пока ехали к дому, а там так же молча поднялись в его квартиру.

Пылесос суетится уже у порога, Сири явно наябедничала, что идут пыльные и грязные. Михаила обдул струями теплого воздуха с ног до головы, особенно тщательно почистил обувь. Азазель прошел мимо молча. Михаил посмотрел вслед с подозрением, у Азазеля все блестит, сам будто только из салона, это нечестно, но какая честность со стороны демона?

Сири не только приготовила прекрасный сытный обед прямо к их приезду, раз уж к завтраку опоздали, но и вывела на экран сводку всех важных новостей, отсортировав от неважных и второстепенных, даже если правительство и считает их важными, но здесь рулит господин и повелитель сагиб Азазель, весь мир должен считаться только с его вкусами, а пока их свято блюдет она, Сири, на которой он обещал жениться, хотя эту нехитрую шуточку используют все семьсот миллионов пользователей Сири.

Азазель, глядя на богатый обед, довольно потер ладони.

— Когда вижу вот такое, душа радуется...

— А у тебя она есть? — полюбопытствовал Михаил.

— Не было, — согласился Азазель, — но за годы жизни среди людей, мне кажется, я ее приобрел.

Михаил пробормотал:

— Значит, Творец нас не забывает...

Азазель сказал со вздохом:

— Хотя и не люблю о таком даже вспоминать, но даже бескрайний Ацилут как крохотное маковое зернышко, в самом Творце, а в нем, как матрешки, Йецир, Брия и совсем крохотнейшая Асия, которую люди называют вселенной. Подумать только, все эти бескрайние миры созданы только для Асии!..

Михаил сказал со вздохом:

— Это выше моего понимания. Потому даже не допытываюсь.

— Но люди допытываются, — сказал Азазель со странной усмешкой. — Более того, когда-то допытываются.

— Ты с ума сошел!

— Поживи здесь еще, — посоветовал Азазель доброжелательно. — Хотя нет, тебе не стоит. Кто-то должен оставаться образцом нестигаемости.

Он разделся до майки, демонстрируя прекрасное сложение с сухими выпуклыми мышцами, вытащил из печки приготовленные к их приходу прикрытые фольгой блюда, завтрак по переменчивым советам диетологов снова должен быть самым калорийным, а ужин отдать врагу, но кто хороший ужин отдаст, да еще и врагу?.. К тому же и врагов уже перебили.

Азазель взял нож и вилку, спросил вроде бы невзначай:

— Что с Синильдой?

Михаил сказал с неловкостью:

— Как-то неловко все... Она же все это делает за плату. Нехорошо как-то.

— Ты чего? — спросил Азазель в недопонимании. — А раньше ты так не говорил.

— То было раньше, — ответил Михаил с трудом. — Сам не понимаю, что со мной, но сейчас я не могу вот так...

Азазель подумал, предположил с сомнением:

— А вдруг она сама на тебя запала? Хотя ты и жутко скучный зануда, на тебя стоит посмотреть, и сразу молоко киснет, но с виду настоящий полковник!.. Это раньше женщины гонялись за умными или состоятельными мужчинами, а сейчас присматриваются к красавчикам. А ты как бы весьма. Ты точно не латентный?

Михаил молча вонзил нож в коричневую тушку птицы с блестящей коркой, та сладко захрустела, и, придерживая вилкой, отпанахал себе большой кусок, жадно вдыхая горячий дурманящий аромат.

Азазель начал есть, но насторожился, даже чуть наклонил голову, будто прислушиваясь к далекому голосу. Михаил весь превратился в слух, он при нужном сосредоточении может уловить падение муравья с листка высокого дерева на дальнем конце света, но сейчас не слышно

ничего из того, к чему прислушивается этот старейший на свете демон.

После паузы Азазель сказал серьезно:

— Да, это важно. Сейчас открою щелочку. Если ты не растолстела снова...

Он вздохнул, лицо стало строже, сделал рукой резкий жест сверху донизу, словно срывал белье с веревки. Раздался треск разрываемой ткани, пространство разошлось, как кровоточащая рана.

Глава 4

Михаил успел увидеть на той стороне дым, пахнуло серой и гарью, а через щель в комнату протиснулась, пригибая голову, невысокая черноволосая женщина в черной куртке из кожи и таких же черных брюках.

Азазель тут же сдвинул за нею пространство, словно обыкновенный занавес. Женщина разогнулась, достаточно миниатюрная, но с виду сильная, с черными волосами на плечах, свернутыми в крупные блестящие локоны.

Михаил увидел бледное лицо, словно она никогда не видела солнечного света, крупные глаза с густыми черными бровями и такими же черными длинными и густыми ресницами, радужка глаз настолько черная, что насторожившийся Михаил не рассмотрел в них зрачков.

Он держался настороженно, потому что у нее из-за плеч выглядывают узкие рукояти клинков, давно забытых здесь на земле.

Она сразу вперила взгляд в Азазеля, он не успел слова сказать, как произнесла резко:

— Это когда я была толстая?

Азазель бросил быстрый взгляд на застывшего Михаила, у того вид, будто еще не решил поразить демоницу огненным мечом или испепелить Именем Господа.

— Дорогая Аграт, — сказал Азазель громко и подчеркнуто беспечно, — не ври, ты выбралась из ада и проделала громадный путь только для того, чтобы увидеть меня и успеть сказать, что все еще любишь меня, перед тем как я тебя убью.

— Да, — подтвердила она, — только для этого. Но на этот раз убью тебя я.

Она поглядывала одним глазом на замершего Михаила, собранная и настороженная, несмотря на ее хищно-беспечную улыбку.

Михаил ощутил, что оба ждут его реакции, проговорил с неудовольствием:

— Не понимаю ваши пахнущие огнем и серой шуточки. Какие-то они...

— Слишком человеческие? — спросил Азазель. — Ты прав, мир людей жесток и коварен, а мы многому научились у вас, у человеков.

Женщина спросила его с интересом:

— Этот смертный знает, что ты не совсем... человек?

— Он мне хотел продать душу, — сообщил ей Азазель самым небрежным тоном, — но я, ты же знаешь, благороден, покупать не стал. Жду, когда отдаст бесплатно.

Михаил недовольно засопел, женщина окинула его внимательным взглядом с головы до ног. Михаил ощутил внутреннюю дрожь, губы ее слишком красные и полные, а зубы белые и острые, словно их тонкая кромка каждую ночь нарастает заново.

— Не верь ему, — посоветовала она. — Он всегда врет. А ты вот нет, вижу по твоему открытому и честному лицу.

Азазель сказал горестно:

— Вот так всегда ее у меня перехватывают... Как хорошо, что на свете еще четыре миллиарда женщин.

Она поморщилась:

— Мог бы сделать вид, что я единственная и неповторимая.

— А ты не вешайся на шею всем моим друзьям, — сказал Азазель.

— Он твой друг?

— Нет, но у нас отсроченная дуэль, — пояснил Азазель, — а это связывает даже больше, чем какая-то там хилая дружба.

Михаил хмурился все больше, но едва приготовился открыть рот, Азазель остановил его предостерегающим жестом:

— Герой, мне понятно, как тебе хочется пообщаться с Аграт... и как именно пообщаться, по глазам вижу, одна-ко она сейчас отбывает обратно...

Михаил буркнул:

— Куда обратно?

— В ад, — пояснил Азазель любезно. — Ей нельзя надолго отлучаться из родных мест, заметят. Аграт, ты сама или лучше мне...

— Лучше ты, — ответила она и мило улыбнулась Михаилу так, что у того сердце подпрыгнуло, а горячая волна пошла по телу и начала собираться где-то в районе паха. Судя по ее глазам, она поняла, улыбнулась еще шире. — Лучше ты, а то кто-то заметит истощение моей силы... Кстати, если ты еще не забыл, зачем посылал за мной Шокутара... Кезим в самом деле освободился. Теперь собирает соратников и через несколько дней появится у вас!.. Где, сам догадайся, это очевидно. А Леонард уже прибыл...

— И отбыл, — сообщил Азазель мирно.

Она в изумлении вскинула брови:

— Так быстро? Я слышала, намеревался вообще остаться.

— Передумал, — сказал Азазель. — Правда, пришлось помочь. Из нас хорошие переубеждальщики! Думаю, увидишь его очень-очень не скоро. Если вообще объявится.

Она посмотрела с великим интересом:

— Даже вот так?.. Ты всегда был быстрым. За что тебе и оборвали крылья.

— Только крылья, — сказал он скромно. — Все остальное при мне. Заходи еще. Прости, что не приглашаю к позднему завтраку, тебе нужно беречь фигуру, а у нас с пропитанием всегда туго.

Она сказала уже тише:

— Насчет Кезима я тебя предупредила! Теперь ты у меня в долгу.

Азазель замедленно кивнул, лицо напряглось, он отстраненно поднял руку, в шаге от него, словно в глади вертикально вставшего озера, пошли волны. Азазель нахмурился, под смуглой кожей лица вздулись желваки, а пальцы с острыми ногтями с треском и багровыми искрами прорезали ткань пространства быстро и почти легко, словно незримой бритвой.

Мелькнул краешек огненной реки, вдали пронеслась крылатая тварь с когтями на концах крыльев и донесся ее омерзительный крик.

— Как ты это легко делаешь, — сказала она в восторге и, кивнув обоим, пригнулась, скользнула через щель обратно. Азазель убрал руку, края разрыва сомкнулись, словно он отпустил край тяжелого занавеса из красного бархата.

Михаил проговорил чуточку ошарашенно:

— Ты в самом деле так легко...

Азазель покачал головой:

— Это я перед женщиной все еще выпендриваюсь... Представляешь, шесть тысяч лет боюсь себя уронить!.. Перед тобой открыт, как жаба на лабораторном столе, а

перед женщинами хвост веером. Все мы павлины... На самом деле я уже почти в обмороке. Надо за стол, а то если не восстановлю силы...

Говорил он очень серьезно, но Михаил на всякий случай не поверил, слишком часто Азазель его обманывал, а тот оперся о его плечо и величаво позволил проводить себя до стола и усадить в кресло, но ел правда с таким азартом, словно и в самом деле вот-вот склеит ласты от голода. Или откинет копыта, для демонов это как-то ближе.

— Ты в самом деле, — проговорил он с набитым ртом, — собирался ее в ад?

— Конечно, — ответил Михаил подчеркнуто твердо, — а как иначе?.. У меня присяга защищать мир!

— Она принесла важные новости, — напомнил Азазель. — Кезим освобожден из Шеола. Что такое Шеол, объяснять не надо?

— Знаю, — буркнул Михаил.

— Значит, — сообщил Азазель, — постарается появиться как можно скорее. Он очень опасен сам по себе, но с ним наверняка будут его соратники. В подчинении семнадцать легионов демонов, это сила? Ну вот. Конечно, всех взять невозможно, но самых сильных постарается с собой протащить.

Михаил сказал твердо:

— Твоя демоница сообщила тебе не из светлых побуждений. У вас не может быть ничего светлого!

Азазель даже отшатнулся, лицо отразило крайнюю степень отвращения.

— А что, — спросил он, морща нос, — кто-то доказывал такую дурость насчет светлости? Или хотя бы соглашался?.. Я защищаю этот мир, потому что мне в нем комфортно, это теперь мой мир. Мы заинтересованы, как говорят здесь, материально, а это самая лучшая гарантия верности и лояльности при демократии.

Михаил сказал с отвращением:

— Но это подло!.. Нужно быть верными, потому что нужно быть верными!.. Быть верным — доблестно. А у вас верность до тех пор, пока у противника не станет лучше?

Азазель округлил глаза.

— А как иначе? — спросил он в изумлении. — Именно на этом и зиждется... тьфу, какое слово поганое!.. зиждется взлет человечества!.. Не держаться слепо за старое, а постоянно совершенствовать систему и перетекать в ту часть, что работает лучше, где условия и комфорт благоприятнее... Ладно, давай думай лучше о том, как подготовиться к прибытию Кезима. Отсутствие Леонарда если и ослабит его, то ненамного... Он сам по себе сильный демон и без всяких там хеллоуистов...

Михаил пожал плечами, промолчал. Быстрые переходы Азазеля, даже перескоки с одного предмета на другой, раздражают и не дают собраться с мыслями, однако демон прав, сейчас важнее встретить угрозы и погасить их, а уже потом можно ответить Азазелю аргументированно и достойно.

— Я встречу их с мечом в руках, — начал он, Азазель тут же перебил:

— Огненным?

— Конечно, — подтвердил Михаил горделиво. — Пусть увидят...

Азазель вздохнул, на лице сменилось несколько выражений, последним или предпоследним было то, которое Михаил расшифровал бы как «Ну сколько дураку говорить...», но Азазель произнес рассудительно:

— Во-первых, сразу разбегутся, а их хрен поймает. Во-вторых, как здесь говорят, предупрежден, значит, вооружен.

— И что, — сказал Михаил, — если встречу с открытым забралом...

Азазель вскинул брови:

— Где такое услышал? Ты же проспал Средние века!

— Вчера один олигарх сказал по телевизору, — объяснил Михаил.

Азазель сказал со вздохом:

— Это уже не олигарх. И даже не бизнесмен. Ни один олигарх такое не скажет, потому что бизнес нельзя делать с поднятым забралом. Поднятым, а не открытым!.. Если кто-то говорит насчет открытости, то крепче держись за карманы. Потому встретим противника скрыто и тайно!.. И нападём, по возможности, со спины. Это оправданно даже с рыцарской точки зрения. Разве противников не больше? А мы имеем право на все, так как защищаемся.

— Нужно лицом к лицу...

Азазель вздохнул:

— Давай, давай, говори. Я все записываю, а через год, а то и месяц покажу. Сам от стыда убьёшься о стену.

Михаил возразил с достоинством:

— Я никогда не изменю своим убеждениям!

— Я никогда не женюсь, — произнес Азазель с выражением, — как сказал очень убежденно и с достоинством один двенадцатилетний мальчишка... а с ним еще четыре миллиарда таких же с убеждениями. Ладно, Сигор где-то в Израиле...

Михаил спросил в недоумении:

— Он все еще существует?

— Сигор?

— Нет, Израиль!

— Что, — спросил Азазель, — снова хочешь побороться?.. И снова переназовешь?.. Не понимаю, чем тебе имя Иаков не понравилось?

Михаил отмахнулся:

— Да это так, чтобы отметить, что его хитрые подлости в отношении старшего брата как бы амнистированы

с учетом времени и его искреннего раскаяния. А в новую жизнь лучше идти с новым именем.

— Ну ты его и так отметил!.. Он с той драки всю жизнь хромотал. В общем, Сигор в Израиле, теперь так называется вся страна, на том же месте, где и был, а главное, на месте роскошного и веселого Сигора сейчас пока что одни лавовые поля.

Михаил спросил угрюмо:

— Сколько туда добираться?

— Если на колесницах, — сказал Азазель задумчиво, — а потом морем, а затем опять на колесницах, то года за полтора-два... Но если отойти от твоей любимой старины и воспользоваться современными средствами, то часов шесть.

— Перестань, — отрезал Михаил. — Будем пользоваться всеми преимуществами этого мира. Потому что демоны точно воспользуются.

Азазель ахнул:

— На глазах умнееешь, Мишка!.. А то все: дурак, дурак, дурак... Сами они дураки, правда?.. Мы им всем покажем и выкажем. Враг будет разбит, победа будет за нами! Если, конечно, вдруг повезет... Эх, поспать бы... Мы же всю ночь бегали, как совы какие-то... Или совы летают? Нет, с тобой хрен полетаешь, ты же правильный... Ты ешь-ешь, мы для чего за стол сели? Или Аграт аппетит отбила?

Михаил снова взял нож и вилку, бросил на Азазеля быстрый взгляд.

— С Леонардом покончено навсегда? — спросил он на всякий случай. — Снова из-под земли не вылезет?

— Чего вдруг?

— У вас же есть и бессмертные, — сказал Михаил с завистью. — Вообще эта бессмертность здорово, но как-то нечестно.

— Ангельство еще нечестнее, — буркнул Азазель. — Бессмертие это всего лишь бессмертие, неуязвимостью и не пахнет. Демоны гибнут, как и люди, а восстанавливаются с каждым разом все медленнее. К примеру, сперва через год, после второй гибели лет через двадцать, после третьей пройдет уже сто... Понял? Если демона убить раз пять, он либо возродится через тысячу лет, если очень силен, либо его силы исчерпаются намного раньше.

Глава 5

Михаил задумался, ел молча, прикидывая разные стратегии войны с демонами, Азазель вполголоса отдал несколько распоряжений Сири, бросил прощупывающий взгляд на Михаила.

— Хорошо Сири готовит?... То-то.

— Что хочешь сказать? — потребовал Михаил. — По хитрой морде вижу!

— А в обморок не грохнешься?

— Постараюсь.

— Да вот не знаю, — проговорил Азазель с сомнением, — как и поднести такую новость. Дело серьезное, а ты трепетный, светлый, сразу в панику...

Михаил нахмурился:

— Ну-ну, еще серьезнее?

— Представь себе.

— Куда серьезнее, — крикнул Михаил. — Их же тут множество, если начали сбиваться в отряды!

Азазель покачал головой, в черных как ночь глазах Михаил рассмотрел сочувствие и даже как бы жалость, если бы смог предположить, что демон способен кого-то пожалеть.

— Михаил, — произнес Азазель негромко, — ты ешь-ешь! Серьезное в том, что мы с тобой встречали в основ-

ном не беглецов из ада. Да-да, это было бы проще и легче. Тихо-тихо, не падай в обморок, ты, как тургеневская девушка, уже глазки закатил и весь трепещешь... Дай обниму, успокою чувственно... ты точно не латентный?

Михаил отстранил его руку:

— Уйди, убью. Что значит не беглецы?

— А то, — сказал Азазель уже серьезно, — кто-то их там выпускает. Пусть даже по одному, однако в отряды сбиваются не здесь. Они уже в отрядах.

Михаил ощутил, как по телу прошла холодная волна, словно стены исчезли, а они оказались на вершине обледенелой горы, продуваемой злыми ветрами.

— Хочешь сказать... организация?

Азазель произнес мрачным голосом:

— Организация там выстраивает организацию здесь. Как здесь говорят, создает плацдарм. Или даже плацдармы... Так что зови Синильду, я тоже кого-нить кликну, устроим оргию, а потом отправимся убивать и мучить. А еще и грабить, а то как-то не по себе, все еще никого не грабанули! А как-то принято в приличном обществе появляться с боевыми трофеями от гражданского населения, погибшего случайно и непреднамеренно.

Михаил поморщился, эти резкие переходы от серьезного разговора к плоским шуточкам неуместны, но рука сама потянулась к смартфону. Азазель подчеркнуто делал вид, что не замечает, что злило еще больше, тоже мне мастер дергать за нужные ниточки, других подергай, козел...

Азазель торопливо выпил кофе, поднялся уже собранный и решительный.

— Наслаждайся, — велел он, — я отлучусь ненадолго. Туда и обратно.

Он отодвинул стул, вышел на середину комнаты и, сложив ладони, провел ими сверху вниз. Раздался легкий треск рвущейся материи, в пространстве наметился раз-

рыв. Азазель торопливо ухватил за края и с силой потянул в стороны.

В комнату пахнуло ледящим холодом. Михаил не успел рот открыть, как Азазель проскользнул в щель. Та моментально захлопнулась, только в комнате все еще опускаются на пол мелкие снежинки замороженного воздуха.

Михаил зябко повел плечами. Обычно Азазель перемещается намного проще, сейчас же что-то особенное.

Он протянул руку к чашке с недопитым кофе, но там оказался коричневый лед до самого дна.

— Сири, — проговорил он дрогнувшим голосом. — Эта... как ее температура...

— Уже поднимаю, — ответил деловитый голосок из центра комнаты. — Все системы работают в аварийном режиме, скачок потребления энергии погашен стабилизаторами, один сгоревший предохранитель придется заменить...

— Спасибо, — пробормотал он. — Ты... словом, хорошая хозяйка дома.

— Благодарю, — ответила она вежливо.

Не зная, чем заняться, он снова включил экран и погрузился в созерцание новостей и открытий, удивительный мир, такой непохожий на тот, который он застал во времена, когда Каин ушел в изгнание и основал свое племя, сильное, многочисленное и воинственное...

Не похож этот мир и на тот, что был во времена римлян, к которым он особенно не присматривался, но все же запомнил все, что увидел. Это вообще другой мир, другие люди, другие нравы, и непонятно даже, как Господь мог все это предусмотреть и запланировать, что произойдет именно так, а не как-то по-другому?

Или, крамольная мысль, Он не это планировал? Или планировал в общем, не вникая в мелкие детали?

Настороженный слух уловил медленные шаги на лестничной площадке, что приближаются именно к входной двери квартиры Азазеля. Прислушавшись, он торопливо бросился к окну и распахнул настежь, ветерок смахнул со стола пару листков.

Шаги остановились перед дверью, а через мгновение сильный удар выбил замок. Дверь резко распахнулась, ударившись о стену, вбежал высокий крепкий мужчина с пистолетом в руке.

Распахнутое окно он увидел в то же мгновение, стремительно бросился к нему и быстро заглянул на ту сторону.

Ничего не увидев, с разочарованным видом начал оборачиваться, как тяжелый удар в голову бросил его на пол. Рухнул медленно, еще не потеряв сознания, хотя Михаил бил в затылок со всей силы, потому торопливо выхватил из его руки пистолет и, приставив к виску, успел нажать на курок за секунду до того, как пальцы незнакомца ухватили его за руку.

Тело чужака после выстрела дернулось, ноги задрожали и вытянулись. Михаил быстро стер свои отпечатки пальцев с рукояти и вложил пистолет в правую руку нападавшего, не забыв поместить указательный палец на скобу.

Кровь из простреленной головы еще текла слабой струйкой, но остановилась раньше, чем Михаил выпрямился, уже заслышав шаги второго.

Тот ворвался с короткоствольным автоматом, Михаил ударил его сбоку в голову раньше, чем тот успел его увидеть, и тело рухнуло на бегу на середину комнаты.

Дверь постарался прикрыть поплотнее, запоздало подумав, что трудно будет с выбитым замком объяснить этот случай самоубийством, но хотя бы задержит рассле-

дование, а уже в коридоре вытащил смартфон и сказал на ходу:

— Азазель...

Донесся жизнерадостный голос Азазеля:

— О, научился пользоваться?... Что случилось, у тебя голос дрожит... Пальчик прищемил?

— Азазель, — сказал Михаил тихо, — в твою квартиру ворвались двое...

Голос Азазеля сказал быстро:

— Дальше!

— Я их как бы убил, — сказал Михаил упавшим голосом. — Но теперь выскочил на лестничную площадку, пока все тихо, но... я таких дуростей натворил...

— Оставайся там, — велел Азазель. — Я уже близко, сейчас буду.

Михаил растерянно вернулся в квартиру, дверь все еще настежь, он кое-как прикрыл, защелка выбита, а в прихожей, где оставался первый из напавших, никого, труп исчез, только на ковре сиротливо лежит пистолет.

Осторожно заглянул в гостиную, там тоже пусто, из трофеев залетевший под стол короткоствольный автомат и пара пластиковых карт.

Настороженный слух уловил далекий шум в шахте лифта, кабинка поднимается, поднимается, вот остановилась на их этаже, послышался щелчок распахнувшихся дверей.

Он встал рядом с дверью спиной к стене, пистолет наготове, и как только дверь открылась и через порог шагнул человек, ткнул стволом в бок, но тут же перевел дыхание, следом вошел и Азазель, нежно держа ладонь на загривке незнакомца и крепко сжимая ему шею.

Взглянув на Михаила с одобрением, он велел пленнику строго:

— Сядь вон на тот стул. Связывать не стану, нас двое, а твоих напарников этот мальчик уже уколошил.

— А это кто? — спросил Михаил.

— Ждал в автомобиле, — ответил Азазель. — Итак, тварь дрожащая, ответствуй. Кто и что, как и зачем. И не надо, что ты только шофер такси.

Пленник зло зыркнул из-под лохматых бровей, лицо вроде бы человеческое, но теперь и Михаил заметил некоторую неправильность, что бывает только у генетических уродов, а также у демонов.

— А вы кто, — спросил тот, — полиция?.. И по какому праву я схвачен?

Азазель сказал с интересом:

— С чего ты решил, что я полиция?.. Нет, дружище, я судья, адвокат и прокурор. И я приговариваю тебя к смертной казни немедленно... Возражения есть?

Пленник вскрикнул:

— Есть, есть!.. Я возражаю!

Азазель поморщился:

— Я не с тобой разговариваю, ублюдок. Это я с внутренним голосом. А он мне говорит: чего вдруг возитесь с этой мразью? Давно надо прикончить. Что и сделаю прямо щас...

Пленник сказал быстро:

— Но это незаконно!

Азазель сказал почти печально:

— Знаешь ли... когда вашими действиями мир все ближе к пропасти, права человека отступают, приоритет получают права общества. А эти права требуют...

Он размахнулся и саданул рукоятью пистолета ему в зубы. Голова пленника запрокинулась от удара так, что хрустнули позвонки, но он тут же завизжал:

— Так нельзя!. Я вас по судам затаскаю!

Азазель молча ударил его в пах, подумал и ударил еще, уже со всей силы. Пленник опрокинулся вместе со стулом, с воем катался по полу, держась руками за разбитые гениталии.

Михаил помалкивал, наблюдал, многое в жизни людей изменилось, но методы допроса все те же, что были у ассирийцев, потом у римлян...

Азазель подошел к скрючившемуся на полу пленнику, рывком поднял одной рукой и с силой вбил, ломая зубы, ствол пистолета в рот.

— Говори, — велел он жестко. — Считаю до двух. Раз...

— Я все скажу, — пробубнил пленник стонущим голосом.

Азазель вынул пистолет из его уже окровавленной пасти.

— Говори, но быстро и четко.

— Я в самом деле шофер, — прошамкал тот разбитым ртом, струйка крови поползла по подбородку и начала капать на рубашку. Но он не осмеливался даже скосить глаза в ее сторону, в лицо Азазеля смотрел неотрывно и с ужасом. — Но я живу здесь уже несколько лет. Мне было велено следить за тобой... и отыскать твое логово.

— Нашел ты?

— Да, — ответил пленник с некоторой гордостью, — хотя ты и умело прятался. Как только я сообщил, что могу провести к месту, великий Заран сразу же выслал двух хороших воинов, что жаждали отличиться.

— Оба в самом деле хорошие? — переспросил Азазель. — А то мой мальчик их так просто, что даже неудобно за наше великое племя...

— Великий Заран пришлет других, — ответил пленник. — Получше и посильнее. И будет присылать целыми отрядами, пока не убьют вас обоих!

Азазель поинтересовался:

— А причину такого решения знаешь?

Пленник гордо вскинул голову.

— Великий Заран, — проговорил он патетически, — поклялся найти и уничтожить всех убийц его прадеда!.. Но ты спас и укрыл Раматера, последнего из восемнадцати убийц, потому ты теперь тоже личный враг Зарана и будешь убит!..

Азазель буркнул:

— Ого, как ты заговорил... Значит, это ты старший в этой группе? Что ж это ваш глава клана никак не уймется?

— Это дело его чести, — заявил пленник победно. — Заран обязан теперь убить и тебя. С сегодняшнего дня уже знает, где живешь и где прячешься... Придут другие, кто сильнее меня! Не смогли мы, смогут они.

Азазель проговорил задумчиво:

— Расчет верный, ты прав.

Глава 6

Он отпустил его, начал отворачиваться, в глазах пленника блеснула искорка надежды, однако Азазель молниеносно развернулся и быстрым ударом ребром ладони переставил ему шейные позвонки чуть ниже затылка.

Тот захрипел и рухнул на пол. Пару мгновений лежал неподвижно, затем под ним образовалась темная яма, тело провалилось в глубины, яма исчезла, а на ее месте снова заблестал свежими красками новенький ковер, который Михаил расстилал под ноги Синильде.

Азазель с той же задумчивостью рассматривал ключ на своей ладони. Михаил вскинул брови:

— Это его?

— Да, — ответил Азазель, — важно успеть выхватить у еще живого. Не помешает посмотреть в его квартире. Просто живет там или уже целое логово?

Он оглянулся на входную дверь, озадаченно присвистнул. Стальная основа невредима, однако металлические штыри сломаны страшным ударом, даже толстая стальная полоса на косяке деформирована.

— Крепкие были ребята, — сказал он с одобрением. — Ты молодец. Застать тебя врасплох непросто, верно?

— Просто повезло, — буркнул Михаил.

— Я трансгуманист, — ответил Азазель с достоинством, — потому не верю в везения и всякие там гороскопы. Ты хорош, Мишка... В самом деле хорош. То были не рядовые демоны. А кроме выбитой двери все цело! Долгой дракой ты их не удостоил, верно? Справился быстро и сравнительно чисто.

Михаил отмахнулся:

— Как я понял, Заран не отступится. Выходит, будет присылать сюда охотников, нацеленных на тебя?

Азазель пожал плечами.

— Да, пока не убьют.

Михаил посмотрел злыми глазами:

— Мне как-то это не нравится.

— А мне будто нравится, — фыркнул Азазель. — Но что делать, такова селяви, как говорят в Одессе. Это город такой, где две большие разницы...

Михаил поморщился:

— Не заговаривай зубы. Ты уже понял, о чем я.

— Не понял, — признался Азазель. — Правда. Ты в последнее время стал таким... э-э... легким и стремительным в небесно-чутунном полете солдатских мыслей.

— Ничего стремительного, — отрезал Михаил. — Нам что, сидеть и ждать?

— Нет, быть готовыми...

— Это все равно ждать, — отрубил Михаил. — А я предпочел бы сам нанести удар. Ладно, с тобой. Чтобы предотвратить. Понял?

Азазель сделал большие глаза:

— Но... как?

Михаил вздохнул:

— Азазель, не темни. Я же знаю, у тебя есть связь с адом. У тебя везде есть связи. Ты же козел, а все козлы хитрые.

Азазель выставил перед собой ладони:

— Погоди, погоди!.. Это козы хитрые и вредные, а козлы существа мирные и честные в своих откровенных желаниях. Спуститься в ад?.. Тебе? Ты же, как бы с другой стороны!.. Как ты войдешь на нечистую территорию?

Михаил отрезал высокомерно:

— На территорию врага, а она по умолчанию всегда нечиста. Как все падшие ангелы с того рокового дня темные, хоть и светлые!..

— Значит, на территорию врага можно? — переспросил Азазель. — Хотя неофициально соблюдается перемирие?

— А мы без объявления войны, — сообщил Михаил. — Преследуя отступающего врага...

— ...чтобы добить в его логове, — досказал Азазель.

— Прекрасные слова! Кто сказал?

— Иосиф Виссарионович!

— Он из наших, — сказал Михаил уверенно.

— Из наших тоже, — согласился Азазель. — А ты знаешь, как охраняют ад?

— Серьезно? — спросил Михаил. — Я думал, охраняют только от бегущих оттуда.

— Мало ли что ты думал, — буркнул Азазель. — Нет, Михаил, это немыслимо.

— Хорошо, — ответил Михаил, — но подумай и подержай за свои связи. Возможно, есть какая-то лазейка. Это и в твоих интересах! Ты теперь на листе смертников, за-

был?.. Мы же не воевать явимся. Ты мог бы сделать портал, как ты умеешь.

— Ну-ну?

Михаил сказал с раздражением:

— А там либо схватили бы Зарана и утащили обратно, либо там бы на месте военно-полевым в двадцать четыре секунды!

Азазель с сожалением покачал головой:

— Порталы можно делать только в незащищенные места. А каждый свой дом защищает. И даже территорию. Так что насчет порталов это прекрасно, но... И вообще сейчас не до Зарана. Если не успеем в Сигор, весь мир окажется под угрозой!.. А пока давай съездим по этому адресу...

— А он у тебя есть?

Азазель ответил бодро:

— Пробью по базе номер ключа, отыщу фирму и ребят, которые устанавливали замок по такому-то адресу. Сейчас все в бигдатацентре, нужно уметь искать информацию!..

— Поехали, — прервал Михаил.

— Сейчас минутку пообщаюсь с гугелем... и мы снова в дороге! Ты же счастлив?

— Нет, — отрезал Михаил. — Но если надо ехать, то надо.

— Я тоже больше люблю лежать на диване, — признался Азазель. — Видишь вот тот роскошный белый? Пять лет тому как купил!.. И еще ни разу не лег. Пойдем!

Михаил напомнил:

— А в гугеле?

— В машине успею, — ответил Азазель. — Пистолет взял?

— Скоро и спать с ним буду, — буркнул Михаил.

Азазель покачал головой, в глазах проступило нечто вроде сочувствия:

— Даже не представляешь, насколько прав.

Пока автомобиль самостоятельно выруливал из подземного гаража, а потом со двора, где все ему знакомо и не страшно, Азазель торопливо шарил по базам данных, сверял, уточнял, переходил по ссылкам, а когда авто в нерешительности остановилось перед выездом на улицу, ухватился за баранку руля и сказал бодро:

— Есть!.. В самом деле недалеко. Хоть и чуточку за городом.

Михаил вздохнул с облегчением, хотя чему радоваться, едут навстречу опасности, но люди только потому и возвысились над остальными животными, что не убегают от опасности, а умеют превозмочь страх и выступить навстречу.

Перестроившись в левый ряд и быстро набирая скорость, Азазель заинтересовался:

— Кстати, что ты лепетал насчет дуростей? Угадывать не берусь, их тьмы и тьмы, как сказал великий гуманист, но ты сам сказал, что натворил много!

— Про много я не говорил, — огрызнулся Михаил, — просто когда убил, то начал стирать отпечатки пальцев... в общем, как вроде бы надо делать, смотрел в ваших учебных фильмах.

Азазель невесело хохотнул:

— Нашел учебно-познавательные!

— А разве там не все познавательное?

— Смотря как смотреть, — сказал Азазель уже с оптимизмом. — Ничего, ты еще дуростей таких натворишь, что эта покажется квантовой теорией трехмерных сферических коней с квадратными трехчленами в вакууме.

Однако, несмотря на подчеркнуто бодрый голос и уверенный взгляд, Азазель впервые выглядит за рулем озабоченным настолько, что Михаил при всей своей толстокожести наконец-то заметил его состояние, пару раз зыркнул почти с сочувствием.

— Тебе хорошо, — сказал он подбадривающе, — ты уже освоился! А я, наверное, никогда не перестану чувствовать себя таким беспомощным в этом сумасшедшем мире! И шести тысяч лет не хватит.

Азазель невесело хмыкнул:

— Шести тысяч лет? Боюсь, и сотни лет уже не будет. Даже полусотни. Все решится раньше, намного раньше... Да и не такой уж ты беспомощный. Сколько народу... красиво и даже почти элегантно избавил от ненужной... не скажу что им, но нам точно ненужной, жизни? И даже с десятков демонов! Или больше?

— То не противники, — отрезал Михаил. — А вот теперь и я чувствую нечто тяжелое, надвигающееся на мир. Даже свет меркнет... нет, от Солнца все еще идет, меркнет настоящий, со стороны сфирот. И моя человеческая душа сжимается от ужаса и безнадежности.

Азазель вроде бы смотрит только на дорогу, но Михаил заметил, что краем глаза наблюдает за ним очень внимательно.

— А ты сам?

Михаил признался нехотя:

— Я тоже. Страшно, Азазель. То ли потому, что я теперь как бы человек, то ли еще почему... но мне в самом деле страшно. И еще боюсь, я слишком слаб сражаться с тем неведомым. Никогда ничего не боялся, а сейчас... может, виновато человеческое тело? Оно боится, а не я?

Азазель снова затеял рискованную игру в шашечки, переходя из ряда в ряд, чтобы обогнать автомобили, что ползут, по его мнению слишком медленно.

— Ты прав, — обронил он невесело, — все мы слишком слабы. Расслабились, распустились. А враг все это время вооружался и усиливался.

Михаил мрачнел, сказал почти в несвойственном для солдата и воина отчаянии:

— У меня чувство, что Создатель нарочито ослабил охрану ада!

— Зачем? — спросил Азазель с вялым интересом.

— Чтобы сюда, — пояснил Михаил, — хлынули полчища демонов!.. И тогда здесь начнется такое, что либо все снова стирать с лица земли, либо здесь оставлять, а уничтожать... там.

Он сказал таким голосом, что Азазель сразу понял страшный намек насчет уничтожения чего архангел хотел сказать, но не рискнул такое даже выговорить.

— погоди, — сказал Азазель с мрачной рассудительностью. — У людей, среди которых я сейчас, есть хорошая поговорка, если это поговорка, слишком уж мудро звучит... Господь, говорят они, ни на кого не возлагает ношу большую, чем человек может вынести. Понял?.. И если человек и под ее тяжестью падает, то тем самым сдается и не оправдывает надежд своего Создателя.

— То насчет людей...

— Ага, — сказал Азазель злорадно, — признаешь, что люди могут делать больше, чем ангелы?

— Иди ты в ад, — сказал Михаил в сердцах.

Долгое время молчали, Азазель то и дело сверялся с картой, зумил двумя пальцами, выбирая кратчайший маршрут к цели, избегая запруженных улиц, наконец автомобиль выбрался на окраину, а там за полосой леса вскоре потянулась полузаброшенная деревушка с покосившимися домиками, где заброшенными выглядят как дома, так и все строения, заборы, огороды.

— Последний дом на том конце, — сказал Азазель вполголоса. — Он и стоит на отшибе... Очень удобно. Еще и три больших сарая... Вроде бы даже утепленные, но отсюда не рассмотреть...

Он проехал мимо, а когда свернули по извилистой дороге и он остановил машину за деревьями, сказал тихо:

— Это на случай, если нас видели. А теперь зайдем с тыльной стороны. Там, правда, тоже пара окон, но можно проскочить незамеченными, прячась за сараями.

— Думаешь, там их много?

Азазель проверил, как вытаскивается пистолет из кобуры, сунул обратно.

— Демоны обычно живут на загородных свалках. Там враждуют, дерутся за место. Лишь немногие достаточно разумны, чтобы подняться по социальной лестнице, но и у них нет моральных принципов, а есть только не всегда умелая маскировка под человека. Потому их в большинстве нужно уничтожать, а даже не возвращать в ад.

— Понял, — ответил Михаил.

Прячась за деревьями, они зашли с тыльной стороны, по эту сторону забора просторное пастбище, а по ту — двор, тесно заставленный сараями и прочими постройками.

Азазель первым перепрыгнул забор, Михаил скакнул следом, а через двор пробежать к дому было парой секунд.

Еще пару секунд прислушивались, в доме чувствуется присутствие живых существ, но не запаха тревоги или близкой опасности. Азазель кивнул, вдвоем вбежали на крыльцо. Михаил рванул на себя дверь, Азазель вскочил первым, и почти сразу там впереди прогремели частые выстрелы.

Михаил ринулся следом, но выстрелить не успел, на полу посреди прихожей уже корчатся трое, кровь хлещет из них так, будто Азазель рубил двуручным мечом.

— Еще там, — бросил Азазель и кивнул на пол, там отчетливо выделяется широкий квадрат люка с массивным металлическим кольцом.

Михаил поддел пальцем кольцо, посмотрел на Азазеля, тот вытащил осколочную гранату и кивнул. Михаил быстро поднял крышку, Азазель тут же швырнул гранату в щель и, не давая Михаилу даже заглянуть в подвал, ногой резко отпихнул руку Михаила.

— В сторону!

Глава 7

Через две-три секунды внизу глухо бухнул взрыв. Крышка с силой распахнулась, но, удерживаемая петлями, лишь ударилась о доски пола и осталась на месте.

— Я посмотрю, — сказал Азазель, — будь на страже.

Он быстро сбежал вниз по лестнице. Михаил только и видел, как там метнулся яркий лучик фонарика, затем Азазель исчез, а вылез только минут через десять.

— Это не погреб, — буркнул он, — настоящее бомбоубежище! Все население села можно спрятать. И Хеллоуин устроить, если свет им выключить.

— Кто-то еще был? — спросил Михаил с чувством вины.

Азазель отмахнулся:

— Этих точно не стоит жалеть. Они могли пригодиться только в Судный день, когда нужно посеять панику. Мы закончили, возвращаемся.

— Сарай проверять не будем?

Азазель кивнул:

— Ты прав. Это я, уже дитя асфальта, совсем привык, что жить можно только в городе. Однако люди вообще-то живут в бытовках, сараях, амбарах... Пойдем посмотрим.

Ближайший сарай просматривается насквозь из-за дыр и щелей, внутри только сломанные лопаты, грабли, поддоны, зато второй смотрится настоящей крепостью, весь из толстых досок, укреплен жердями толщиной в руку тяжелоатлета, единственное окошко забрано металлической решеткой, словно там держат могучего козла, готового в стремлении к свободе сокрушить даже стены.

Михаил остановился рядом с Азазелем, в ладони приятная рифленая рукоять пистолета, который придает уверенности и даже, как ни странно, делает шаг тверже и красивее, а спину прямее.

— Вот сюда, — сказал Азазель. — Ух ты, какая старинная дверь!.. Можно сказать, древняя... Или еще нельзя сказать, как думаешь?

Михаил огрызнулся:

— Как вышибать?

— Грубый ты, — сказал Азазель с укором. — Как и все так наверху. Тебе бы все вышибать... Мы же, интеллигенты, действуем изящнее и, можно сказать, одухотвореннее.

Он небрежно достал из кармана ключ, без промаха одним легким движением всадил в скважину и моментально повернул.

Дверь скрипнула и распахнулась. Михаил, вбежав следом за Азазелем, едва не сбил его с ног, из-за спины донесся мягкий стук захлопнувшейся двери, но Михаил не уловил никакой нечистой магии.

Азазель исчез в темноте, Михаил побежал следом за ним наугад, но через десяток шагов под потолком зажегся тусклый свет, указывая длинный тоннель, что уходит совсем уж в темноту.

— Понял? — крикнул Азазель, не оборачиваясь. — Судя по запахам, я бы сказал, здесь их целое племя.

— Есть где вербовать простых исполнителей?

— Именно!

— Они здесь и размножаются? — спросил Михаил.

— А по запаху не чувствуешь? — поинтересовался Азазель.

Он остановился, сделал луч фонарика шире и поводил по стенам, ход прорыт в земле, никаких камней, но землю заметно утрамбовали, словно сперва ход был узким, а потом его расширили, бросаясь лбами в стены, кое-где остались заметные отпечатки, да и вообще обе стены в характерных вмятинах.

Михаил прислушался к запахам, даже стены пропитаны им, даже удивительно, что не просачиваются наверх, хотя земля хорошо их поглощает...

— Какая дрянь, — проговорил он с отвращением. — Если все это выплеснется в мир людей, начнется паника.

Азазель сказал с мрачной иронией:

— Ты людей недооцениваешь. Они уже научились находить демонов сами и возвращать их в ад. Правда, пока еще самых мелких и самых заметных... Этих людей называют экзорцистами. Признаюсь, я сам им пару раз подбрасывал кое-какие следы... Ну, может быть, чаще, чем пару раз, это неважно. Однако, Михаил, тебе не будет стыдно, что слабые люди сами защищаются от демонов, а ты спишь?

Михаил дернулся:

— Это я сплю?

— А чем занимаешься? — поинтересовался Азазель. — Вот скажи честно, чем занимался все эти годы... все эти тысячелетия со дня той вселенской битвы?.. Ага, молчишь... Но глаза все равно бесстыжие.

Михаил ответил как можно более значительным голосом:

— Сам знаешь, на меня, как и на остальных трех Хранителей, возложена задача сохранять этот мир от... расстворения в Брие. Мы следим за оболочками клипод, что-

бы не истончились до опасного состояния, иначе этот мир... Да ты и сам все знаешь. Пойдем дальше!

Азазель медленно двинулся дальше по мрачному тоннелю, луч фонарика непрерывно прощупывает дорогу впереди, а также стены.

— Знаю, — ответил он. — Но скоро вам придется охранять мир, захваченный демонами. И как, будете охранять по-прежнему?.. Получится, что начнете работать на демонов ада?.. Осторожнее... здесь нет ловушек, но щели в стенах восторга не вызывают...

— Я и от мерзкого тоннеля не в восторге, — пробормотал Михаил. — Пахнет отвратительно.

— Пахнет? — переспросил Азазель. — Я бы сказал, во-няет.

Михаил поморщился:

— Благородные ангелы такими словами не пользуются.

— Да, — согласился Азазель. — Когда-то и у меня язык был беднее некуда. А сейчас уже и материться могу, это так расширяет возможности лексики!.. Справа!

Михаил мгновенно развернулся уже с пистолетом в руке и выстрелил дважды, еще только замечая краем глаза в полутьме подкрадывающиеся к нему тени.

Два мохнатых существа рухнули ему под ноги. Михаил отступил на шаг, взглянул на Азазеля:

— А почему ты не стрелял?

— Я же говорил, — пояснил Азазель, — люблю смотреть!.. К тому же ты, подлинный борец за мир, красив и эпичен в борьбе со злом. Тебя бы высечь! Или отлить. Можно в бронзе, но и в меди будешь хорош. И величественен.

— Лишь бы не в цементе, — буркнул Михаил.

— Ого, — сказал Азазель с интересом, — уже местные обычаи знаешь? Правда понравилось? Мне тоже. Со вкусом, правда? Умеют люди серую прозу жизни как-то раз-

нообразить, опозитизировать, внести долю так необходимого нам искусства...

Он шел рядом, всматриваясь и внюхиваясь, Михаил увидел впереди тупик, но смолчал. Азазель подошел к стене вплотную, потрогал, в голосе прозвучало разочарование пополам с облегчением:

— Все, дальше хода нет. Это была их нора. Даже без запасного выхода. Обычные тупые твари, ничего особенного. Возвращаемся.

Автомобиль, явно предупрежденный, не стал из укрытия радостно мигать фарами и даже двери не открыл, пока Азазель не подошел вплотную и не взялся за ручку.

— Садись. Думаю, мы честно заработали хлеб наш насущный. Или ты предпочитаешь сдобные булочки?..

— Солдаты, — ответил Михаил сурово, — едят солдатский хлеб. А я, Михаил Малышев по кличке Макрон, чаще сидел на сухом пайке, чем барствовал в ресторанах.

— Пристыдил, — согласился Азазель. Он вырулил на дорогу, повел автомобиль осторожно, но все же рискованно быстро. — Правда, я ходить в рестораны не любитель... Солидные люди заказывают все на дом. Что закажем на ужин?

— Тебе бы только есть, — буркнул Михаил.

— А еще и жрать, — согласился Азазель. — Примитивные чувства самые мощные!..

— Ты говоришь о еде, — поинтересовался Михаил, — только бы не думать о высоком? Или о том, что происходит в преисподней?

Азазель время от времени круто поворачивал руль, на большой скорости вписываясь в повороты, наконец выехали на трассу, там вздохнул свободнее, ладони оставил на баранке, бросил в сторону Михаила взгляд, полный едкой иронии:

— А ты думаешь? Хотя бы помнишь, что как христианство создал не Христос, так и ад не Всевышний, а ты, Михаил.

В голосе однако прозвучала и странная горечь. Михаил дернулся, даже попытался отодвинуться в отвращении, но тугой ремень удержал на месте.

— Ты что несешь?

— До сих пор не знал? — поинтересовался Азазель, глаза его блеснули недобрым огнем. — Или старался не вспоминать тот случай?

Михаил проговорил грозно:

— То был не случай! Вселенская битва со Злом — не случай!

— Ну да, — согласился Азазель невесело, — и чем больше проходит времени, тем та битва становится все эпичнее и величественнее. А ты все белее, а Сатан все чернее... Но от факта никуда не деться, Михаил. Ад создал ты! Все это понимают, только ты стараешься об этом не думать, не вспоминать.

— Я не создавал никакого ада!

— Прими это как данность, — произнес Азазель чуточку устало. — Да, конечно, сейчас это совсем не тот дальний уголок Азии, куда ты и твои сторонники низвергли Сатана с поддержавшими его ангелами. Сами демоны расширили его до необъятных размеров, но ведь и Москва отличается от той, которую выстроил князь Юрий Долгорукий! Как и христианство — не та крохотная секта, которую основал и оформил апостол Павел!

Михаил невольно повел плечами, чувствуя, как на них давит нечто незримое, сказал с усилием:

— Знаешь, я не хотел бы брать на себя ответственность за создание ада. Я его не создавал! Получилось почти случайно, нужно было куда-то запереть бунтовщиков...

Он умолк на полуслове, махнул рукой.

— Да, — согласился Азазель, — мы не всеми своими поступками гордимся. Какими-то бахвалимся, о каких-то молчим, а то и вовсе стараемся забыть. В этих случаях говорят назидательно, что сперва нужно было думать, а поступать потом... но если бы соблюдалось это правило, сороконожка не сдвинулась бы с места.

Михаил не понял, переспросил:

— Что за сороконожка?

— Человечество, — ответил Азазель со странной усмешкой. — Эта сороконожка не знает и знать не хочет, с какой ноги начинает бег, потому носится везде и всюду от победы к победе.

— Все равно не понял, — буркнул Михаил. — При чем тут ад, при чем сороконожка... У тебя с головой в порядке?

Азазель отмахнулся:

— Звони лучше Синильде, прекраснодушный ты наш Борец со Злом. Ты — Хранитель Неба, я помню. Но сейчас мир нуждается не в хранителях Неба, там наверху все давно устаканено, и новых бунтов не замышляется, а нужны позарез Хранители Земли!

Михаил поморщился:

— Этот ранг слишком низок. Но можно под него подыскать достаточно ответственного ангела. Однако для архангела это будет выглядеть как понижение.

— Вот-вот, — сказал Азазель горько, — какие же там все еще тупые дураки! Ничего не забыли, ничему не научились за все шесть тысяч лет...

Михаил подумал, проговорил с некоторой неопределенностью:

— Господь создал ангелов на второй день творения чистыми, бесплотными и уже... как здесь говорят, готовыми. Взрослыми в смысле. У вас же в аду, ладно, не у тебя, а вообще в аду демоны продолжают плодиться, это

ты имеешь в виду?.. Потому что с той поры, как вы там обрели плоть, вы в ней живете!.. И небесному воинству неизвестно, что там в недрах ада вызревает...

Азазель посмотрел на него внимательно и с неким новым выражением:

— Начинает доходить?

Глава 8

Синильда примчалась с букетом цветов в руках, беспечная и легкая, как трепетная бабочка, поцеловала Азазеля, нежно обняла Михаила, настолько чисто и доверчиво прижавшись всем телом, что у него не только сладко заныло в груди, но и ослабли колени.

— Куда цветы поставить? — спросила она живо. — Можно вот в этот кувшин? Что за квартира совсем без цветов?..

Азазель отмахнулся:

— Мужская. Мы существа простые. Вон, посмотри на Мишку! Скала, а не человек. Совсем бесчувственный, что так удобно... Ставь куда угодно. Ты красивая, значит, тебе все можно. И все у тебя красиво по дефолту.

Михаил с нежностью смотрел, как Синильда ловко размещает цветы в кувшине, поворачивая цветущие головки в разные стороны, потом развернулась в их сторону, сияющая и с блестящими глазами.

— Помою руки, — сообщила она живо, — и сразу прибеги слушать о ваших приключениях! Вижу, оба какие-то вздрюченные, словно в гонках на выживание участвовали!

Михаил проводил ее взглядом, повернулся к Азазелю:

— Что за гонки?

Тот отмахнулся:

— Не бери в голову. Большой войны давно не было, вот народ либо в мелких отводит душу, а где и тех нет, то

хотя бы в русской рулетке получает нужную долю адреналина.

— А что такое русская рулетка?

— Сейчас все русская рулетка.

Посреди комнаты возникла багровая точка, неспешно разрослась и стала похожей на бумажный фонарик, внутри которого горит свеча. Михаил насторожился, но Азазель взглянул пару раз и, не обращая внимания, сел за стол и начал увлеченно шарить курсором по экрану дисплея, быстро меняя картинки, графики и чертежи непонятных построек.

— Азазель, — проговорил Михаил тихонько, — а ты... не видишь или как?

Азазель посмотрел в изумлении:

— Я вижу, это понятно, но ты... тоже? Удивительно.

— А что это?

Азазель отмахнулся:

— Аграт пытается связаться.

— Так почему ты...

Азазель пожал плечами:

— Это нужно ей, а не мне.

— Ты груб, — сказал Михаил с упреком.

— Правда? — переспросил Азазель. — Ты так думаешь? Ну ладно, сейчас разрешу ей доступ, пусть облает и тебя. Она умеет, мало не покажется.

Щелкать пальцами он не стал, сделал резкое движение рукой сверху вниз, воздух затрещал, хотя Михаил понимал: трещит не воздух, а ткань пространства.

Возникла узкая щель, с той стороны пахло огнем и серой. Лицо Михаила обожгло дуновением сухого прокаленного ветра, но сразу же через щель протиснулась Аграт, прекрасная и ослепительная в подчеркнuto сексуальной красоте демоницы.

Щель за нею моментально беззвучно сомкнулась, она скользнула безразличным взглядом по Михаилу и развернулась к Азазелю, быстрая и тонкая в талии, но с богатой грудью и пышной гривой смолисто-черных волос.

— Кезим только что собрал отряд!

Голос ее прозвучал резко и требовательно, но Азазель посмотрел на нее со снисходительной иронией.

— Догадываюсь, — ответил он равнодушно. — Не стоило тебе показываться ради такой малости. Узнают, получишь трепку.

Она посмотрела на него рассерженно:

— Я старалась быть полезной!

Он отмахнулся:

— Без сопливых скользко.

— Азазель!

Он сказал медленно:

— Ну-ну, говори.

Она взглянула с вызовом, Михаилу показалось, что едва удержалась от того, чтобы топнуть, только голову вскинула еще выше:

— Ты же знаешь, зачем я на самом деле!

— Знаю, — согласился он мирно.

— Я могла бы помочь вам, — сказала она требовательно. — Но ты знаешь мое условие.

Михаил нервно взглянул на дверь, руки помыть пара минут, сейчас Синильда выйдет, повернулся к Азазелю, а тот пристально смотрел на Аграт, раздумывал, наконец произнес холодно:

— А ты знаешь мое.

— И ты все еще на нем настаиваешь? — спросила она.

— Безусловно, — ответил он строго. — Безусловно.

Она покачала головой:

— Я ни за что... ни за что...

— Я тоже, — отрезал он. — И ты знаешь, для торговли совершенно нет места. Я защищаю этот мир, а ты свои прихоти.

Она посмотрела ему в лицо с еще большим вызовом:

— Хочешь сказать, уступить должна я?

Азазель вздохнул:

— Аграт... Если бы речь только обо мне, я бы из себя душу вынул и красивым жестом бросил тебе под копыта! Но за мной то, чем не торгуют. Извини... и прощай.

Она сказала враждебно:

— Брехло, у тебя нет души, как у меня нет копыт.

Азазель приподнял брови:

— Я что, такой дурак, что отдал бы тебе душу, если бы она у меня была?... Ладно, отправляйся, а то у нас тут гости.

Он протянул руку, щель возникла снова и начала раздвигаться. Аграт быстро зыркнула в ту сторону:

— Погоди!..

Азазель задержал руку над головой:

— Ну?

— Ты меня дотоптал, — сказала она зло. — И всю испинал. Сдаюсь.

Он спросил с подозрением:

— Это... в каком смысле?

— Принимаю твои условия, — сказала она еще злее. — Да, твой полный контроль за моим поведением и моими передвижениями! Надеюсь, слишком злоупотреблять не будешь, хотя ты вообще-то свинья, хоть и козел. Хермонский, что вообще козлее и не бывает!

Он подумал, колеблясь и рассматривая ее испытующе, Михаил вообще затаил дыхание, не понимая, что происходит, и о чем речь, и вообще, Азазель как будто забыл, что Синильда ушла всего лишь помыть руки, сейчас вернется...

Наконец Азазель ответил с явной неохотой:

— Чувствую, будут с тобой неприятности. Но... хорошо. Беру под свою защиту.

Она вздохнула с облегчением:

— Я не подведу тебя, Азазель. Ты же знаешь, я не соглашалась на твои условия только потому, что если приму, то приму. Я останусь сразу?

Он покачал головой:

— Ты же не зверь бездомный?.. Нужно сперва найти тебе нору, бумаги, деньги. Давай завтра?

Она сказала жалобно:

— Азазель...

— Тебе это не идет, — предостерег он с холодком. — Ты из тех, кто требует.

— Не видишь, я пробую приспособиться...

— Не тот случай, — отрубил он. — Ладно, вызову завтра сам, хорошо? А я пока подыщу для тебя квартиру из числа съемных, выправлю кое-какие бумаги. Хорошо, личности тебе много не понадобится.

Михаил все время прислушивался к шуму воды в ванной, а когда там все затихло, повернулся с трепещущим сердцем к Азазелю. Тот все понял, но как будто нарочито замедленным жестом провел рукой сверху вниз черту в воздухе, вспарывая заодно и пространство.

Аграта почему-то улыбнулась Михаилу, кивнула заговорщицки и протиснулась на ту сторону, где полыхают багровые огни.

Через пару секунд хлопнула дверь ванной, появилась Синильда, на ходу вытирая полотенцем голову:

— Не могла не помыть голову, уж простите!.. На улице такой пыльный ветер... У тебя прекрасный фен, Азазель! Минута — и волосы сухие, зачем только и вытираю...

— Привычка, — сообщил Азазель, — вторая натура.

Синильда сказала с ноткой зависти в легком игривом голосе:

— У вас такой вид, что снова в путешествие?.. На самолете в дальние страны?

— Не такие уж и дальние, — ответил Азазель.

Она вздохнула:

— Но обязательно в южные... верно?

Азазель развел руками:

— А куда еще? Мы и так на севере. Только в южные.

— А почему бы вам не взять бедную девушку на свои Мальдивы? — поинтересовалась она жалобным голосом, но слишком жалобным, чтобы было видно, что не всерьез, а шутка такая, а так она не претендует ни на какие Мальдивы, хотя, конечно, если вдруг предложат, то вот она вся. — Я бы вам там кофе готовила, тапочки приносила...

— На Мальдивах беспокойно, — сказал Азазель со вздохом. — Там богатые залежи лантана и скандия нашли, туземцы сразу же потребовали независимости! Кое-кто подсуетился, оружие тайком завез, лобби нанял... Так что сейчас там отдыхают с коктейлем в одной руке, пистолетом в другой.

— Да, — сказала она печально, — значит, Россия в самом деле последний островок стабильности в этом мире?

— Точно, — подтвердил Азазель. — Никому мы не нужны... Что будешь кушать? Пирожные тебе можно?

— Мне нельзя, — ответила она с достоинством, — но можно.

— Тогда начни с салата, — посоветовал он, — рябчиков, осетрины, а потом пирожные...

Против ожидания, она насытилась быстро, явно успела где-то перекусить, допила кофе и прощбетала:

— Азазель, у тебя такая просторная лоджия... Целый зал!.. Можно я туда перенесу этот кувшин с цветами?

— Неси, — разрешил Азазель благодушно. — Увидишь заодно, что у меня этих цветов там целая куча. Даже не помню, откуда взялись... В горшках! Если не подошли, можешь полить. Там и лейка где-то в уголочке.

Синильда умчалась на веранду, Азазель сказал тихо:

— Вообще-то я бы ее взял... как прикрытие. Мы двое выглядим очень серьезно, а когда с такой красоткой, то каждый поймет, что молодые здоровые мужики прибыли развлекаться.

Михаил охнул:

— Ты что?.. А вдруг опасно?

— Ну ладно, — ответил Азазель легко, — если ты так говоришь, то не стоит, ты прав.

Михаил поморщился, что-то Азазель слишком легко сдается, где-то подвох, переспросил:

— А если опасность?

— Жить вообще опасно, — сообщил Азазель. — Идешь по улице, а с балкона цветочный горшок на голову хрясь!.. Или у кого-то за рулем инфаркт. Дергает руль и прет по пешеходной части, сметая всяких там человек... Хотя насчет красотки ты подал хорошую идею...

— Это не я подал, — возразил Михаил.

— Точно? — переспросил Азазель с сомнением. — Неужели это великий Моцарт такие ассоциации... В общем, можно бы взять Аграт, но ее брать нельзя.

Михаил передернул плечами:

— Слава богу!

— Хоть и красивая, — добавил Азазель с сожалением.

— Эта демоница?

— Все женщины демоницы, — сообщил Азазель беспечно. — Даже не знаю, как ты их различаешь?.. Но Аграт слишком своевольная.

— А они не все такие?

— Есть хитрые, — уточнил Азазель, — что прикидываются ласковыми и покладистыми. Но мы еще хитрее, делаем вид, что верим.

— Аграт даже не прикидывается?

Азазель вздохнул:

— Это не от честности, если ты так о женщинах хорошо подумал. Она слишком в себе уверена! Надо сказать, основания есть, но все равно такое в общении раздражает, а в боевом отряде недопустимо.

В проеме двери лоджии появилась довольная Синильда, крикнула:

— Идите сюда!.. Здесь так прекрасно!.. Вообще можно ужинать...

— А обедать? — поинтересовался Азазель.

— Обедать нужно в строгой обстановке. — сообщила она. — А вот ужин после трудного рабочего дня должен проходить в такой вот умиротворяющей обстановке, когда на город спускается ночь, светлые ангелы зажигают звездочки на небе, а ты смотришь и смотришь, как они летают на почти прозрачных крыльях.

Глава 9

В просторной лоджии вокруг изумительно белого стола красиво расположилась дюжина элегантных легких кресел, вдоль стен с десятков массивных горшков с довольно чахлыми цветами, а еще оттуда в самом деле дивный вид на огромный город внизу.

Михаил смущенно подумал, что за всю неделю даже не вышел на эту лоджию, как-то не до цветов, хотя отсюда прекрасный вид на город.

Азазель по-хозяйски сел в кресло, что во главе стола, но развернул в сторону красочной панорамы.

— На прозрачных крылышках? — переспросил он. — Как у насекомых?.. А я видел картинки, где у них огромные белые крылья, как у откормленных гусей.

— Как у лебедей, — поправила она чуть обиженно, — лебеди — это красиво, а гуси вкусно.

Азазель насмешливо хохотнул:

— Синильда... Ты что, всерьез принимаешь эти примитивные басни деревенских дурачков насчет крыльев? Как только увидишь в каком кине ангела с крыльями, плюнь и сразу выключи. Мне кажется, тупой народ уже со Средневековья ничего не читает, кроме заголовков.

Она распахнула прекрасные глаза во всю ширь и в непонимании похлопала ресницами:

— Но ведь...

Он сказал назидательно:

— Сказано, что у Сатана, или Люцифера, как его иногда зовут, до бунта было двенадцать крыльев. А за то, что соблазнил Еву... да-да, в самом прямом смысле, то ли приняв облик Адама, как говорят защитники Евы, то ли в своем виде... а он был блистающим красавцем, Господь оторвал у него шесть крыльев и понизил в должности, это твердо установленный богословами факт, что не подлежит сомнению. А теперь представь, как это летать с шестью крыльями? Не можешь? Тогда вообрази, как мог летать с двенадцатью!..

Она ответила растерянно:

— С шестью невозможно... с двенадцатью еще невозможнее... Но ведь крылья... Какой же ангел без крыльев?

— Если ангелы передвигаются моментально, как сказано в священных книгах, то при чем тут крылья? Они только для опоры о воздух, как сказал великий Нестеров. Хотя птицы открыли его закон еще раньше, но промолчали.

Она спросила шепотом:

— Тогда... зачем они?

— Птицы?

— Крылья!

— Это не крылья, — сообщил Азазель назидательно, — это знаки отличия. Лычки, как говорит здешняя интеллигенция на диванах. Не для полета! Это чтоб отличать майора от полковника.

Она с облегчением заулыбалась:

— Клево! В самом деле звучит клево. Я чуть было не поверила, вы оба такие серьезные-серьезные...

— Это Мишка серьезный, — сообщил он. — И вообще положительный. На него что ни положишь, то и везет. А я вот непостоянный, потому что творческая натура, идет на барабаны моя шкура!.. Я даже петь умею! Хочешь, запою, так запою?

Она сказала испуганно:

— Азазель, пощади!

Михаил не стал дожидаться вечера, Синильда улыбалась так ласково и таинственно, что, когда посмотрела на него как-то особо и медленно направилась по направлению к его комнате, он поднялся и, как замороженный, пошел за нею.

И весь день прошел, как в сладком чарующем тумане. Он наслаждался покоем, раскинувшись на роскошном ложе, а Синильда сидела рядом и, держа в руке огромную гроздь прекрасного винограда, дразняще кормила его по одной виноградинке и дольками апельсина.

Быть человеком, мелькнула крамольная мысль, вообще-то прекрасно. Если удержаться на светлой стороне, как вот удастся Синильде и что очень трудно для остальной массы потомков Адама, среди которых практически все потомки Каина, убийцы родного брата, что с той поры никак не удастся вытравить из людей.

Синильда спросила заботливо:

— Ты чего нахмурился? Что-то не так?

— Все прекрасно, — заверил он торопливо. — Просто подумал, почему не всю жизнь так?

Она светло улыбнулась:

— Наверное, чтобы оттенить такие дни?

Он задумался, а она сбросила халатик и, скользя к нему, прижалась всем телом.

— Не думай о серьезном. Просто живи.

Утром она умчалась в свой дизайнерский центр, где проходит обучение на строителя небоскребов, Азазель закрыл за нею дверь и сказал с тоской опечаленному Михаилу:

— Здесь жизнь бурлит, а мы все не успеваем!.. Нужно отыскать и покарать Братковича, что организовывал покушения, но когда нужно выбирать между наказанием этой мелкой сволочи и спасением мира...

— Ты его еще покараешь, — утешил Михаил, — ты злобный и мстительный, я тебя знаю.

— Спасибо, — сказал Азазель серьезно, — а знаешь, что только мстительностью человек отличается от зверя? Ни один зверь не мстит, а человек и через годы может ударить в спину... Немстительный человек уже не человек, а так, животное...

— Спасибо, — сказал Михаил, — что предупредил насчет удара в спину.

— Ого, — проговорил Азазель с интересом, — уже и язвить научился? Быстро развиваешься, Мишка. Ладно, надевай штаны, а то пора звать Аграт.

Михаил проговорил с тревогой:

— А нам Бианакита мало?

— Он прост и честен, — пояснил Азазель, — как вот ты, а она злая и хитрая! Тебе понравится. Ну что тебя так передергивает?.. Где ты видел женщин другого типа?..

Она впишется в нашу команду. А если нет, то удушишь ее втихомолку, только и делов!.. Тебе же нравится душить демонов? Заодно и удовольствие получишь.

Михаил возразил с достоинством:

— От этого нельзя получать удовольствие!.. Убийство — крайняя мера. И прибегать к нему нужно со скорбью и очищающей душу молитвой.

— Ладно, — сказал Азазель, — души без удовольствия. Сейчас вот вызову, я же обещал, а ты хватай и души.

Михаил сказал с сердцем:

— Порталы в ад делаешь легко, не бреши насчет неимоверных усилий. Вот из-за таких оттуда и прут в созданный Господом мир!

— К счастью, — ответил Азазель, — таких немного. Сами демоны не могут, это точно.

— А кто может?

— Ангелы, — сообщил Азазель. — И то не все, только самые могучие. Вот и ты... если, конечно, поймешь как.

Михаил отшатнулся:

— Да ни за что! И пробовать не стану. Закрывать бы лучше все щели...

Азазель сосредоточился, вперил взгляд в пустоту. Михаил не двигался, Азазель после паузы вытянул руки и, погрузив пальцы в нечто невидимое так, что они скрылись полностью, ухватился там, судя по напряжению мышц, и с силой потянул в разные стороны.

Из трещины пахнуло морозным холодом, следом протиснулась Аграт, снег на голове и плечах, сосульки свисают с локтей. Портал закрылся сразу, как только Азазель выпустил края из рук, а сама Аграт с облегчением вздохнула, выпустив изо рта большое облако пара, тут же превратившееся в снежинки, что моментально растаяли.

— Долго же ты...

— А ты чего в Шеол забралась? — спросил Азазель. — Я тебя со вчерашнего вечера искал, вон Мишка не даст соврать! Правда, Мишка?.. Видишь, молчит, а молчание у людей знак согласия, странно, да?

— Пришлось побыть и в Шеоле, — ответила она недружелюбно. — Не все делается по нашей воле.

— Иди в ванную, — распорядился он. — Обсушись, а то с тебя течет, а у меня ковры, ковры... Можешь даже помыться сперва, хотя ты же как-то мылась лет семьсот назад, помнишь?.. Или это мы просто реку переходили?

Она фыркнула и, даже не поинтересовавшись, где здесь ванная комната, ушла в нужную сторону, то ли знает, то ли женщины такие места нутром чуют.

— Женщине перед постелью нужно принять ванну, — сказал Азазель Михаилу тоном знатока, — а нам достаточно принять стакан коньяка.

Михаил проводил взглядом ее эффектно вздернутые ягодицы в черной коже брюк, спросил тихонько:

— А почему с нею... так грубо?

Азазель ответил хмуро:

— Слишком своенравная и никому никогда не подчинялась. Когда ее пытались принудить, сумела развить в себе способность так скрываться в том же аду, что найти даже лучшим из следопытов не удавалось. А если ищейки были слабее, просто убивала.

— Понял, — сказал Михаил. — Перестали искать?

— Точно. Посылать нужно тех, кто сильнее беглянки, а таких не так уж и много во всем аду. А кто и правда сильнее, у тех дела поважнее. Потому искать перестали.

— А кто искал?

Азазель пожал плечами:

— Да кто только не пытался... Сперва родня, племя, клан, потом владыки Уровней Ада. Но когда убила троих ищеек самого Гзар Дина, обитателя Зала Вражды и вла-

стелина Шеола, все поняли, что лучше на нее махнуть рукой... Но ты не трепещи, не трепещи!.. Она будет в нашем отряде хорошим компаньоном.

Михаил дернулся, внутри в самом деле что-то противно затрепетало.

— Что-что?.. Ты в самом деле решаешься все-таки взять с собой... с нами!.. в далекий Сигор?

Азазель взглянул исподлобья:

— А ты помнишь, где он?

— Нет, — ответил Михаил, — а должен?

— Вот и я не должен, — буркнул Азазель. — А она там, как догадываюсь, провела немало веселых деньков. Как и в Содоме с Гоморрой. Да и вообще... Ты же видел, какие у нее сиськи?..

Михаил поморщился:

— Ну и доводы у тебя.

— А что, есть доводы круче? Но боец из нее тоже ничего. Не соскучишься.

Михаил оглянулся на плотно прикрытую дверь ванной.

— Что-то она долго... Хотя умеет ванной пользоваться? А то все там погрызет...

— Ванной умеют все женщины, — заверил Азазель. — Как и косметикой. Не отличишь, кто из них настоящая демоница, а кто просто демоница. Да и надо ли? Иная женщина так разойдется, что куда там исчадиям ада... Будь уверен, сейчас там перебирает все шампуни, кремы и лаки, балдеет и не скоро выйдет. В этом у них различий вообще нет. Да если честно, то вообще нет по характерам.

Михаил пробормотал:

— Но как-то... не очень. Мы с тобой понятно, ты все-таки хоть и демон, но ангел в далеком и смутном прошлом, а она чистый демон.

— Да еще и женщина, — добавил Азазель в тон. — А женщины все по своей натуре еще те демоны. Сексисты, я вижу!.. А вот я за равноправие. К тому же она в бою в самом деле хороша. Я видел, как она сражалась, когда вела свои легионы против сил Лилит.

Михаил насторожился:

— Там была война?

Азазель посмотрел на него с жалостью:

— А у вас не знали?.. Весь мир ликовал, потому что в то время голоса всех людей восходили к Всевышнему без помех, потому что четыреста восемьдесят легионов Махаллат и ее дочери Аграт сшиблись в страшной битве с легионами под руководством Лилит! И до людей никому из демонов не было дела.

Михаил спросил потрясенно:

— Четыреста восемьдесят легионов?.. А сколько было у Лилит?

— Четыреста семьдесят четыре, — ответил Азазель вдохновенно, — я сам их пересчитал, прежде чем... гм... в общем, неизвестно из-за чего возникла битва, но с тех пор между армиями Махаллат и Лилит постоянная вражда, что переходит в частые стычки и боестолкновения. Но раз уж большой войны нет, Аграт там наскучило, как видишь.

— Я бы такую не брал, — сказал Михаил нервно.

Азазель посмотрел в изумлении:

— Ты чего? Сам же недавно встал на сторону демонов, предав интересы людей! Даже я такого не ожидал. Во всяком случае, так быстро. Коллаборационист!

Михаил сказал с отвращением:

— То были не люди, а отбросы! Они обижали девочку, родную дочь, а те демоны ее любили и защищали, хотя это их выдало нам. Они это знали и понимали, что такое

им грозит гибелью! Но все-таки вмешались, спасая ребенка!

— Вот-вот, — сказал Азазель, — не все йогурты одинаково полезны... Тыфу, я вообще-то имел в виду коньяк. Согласен-согласен, абсолютное большинство нужно истребить! Не коньяки, а людей и демонов. Я что, спорю? Нет, я начал истреблять еще раньше, чем придумал комбинацию по заманиванию тебя в нашу неразбериху. Но отдельные имеют право жить. Особенно те, кто нам помогает!

Михаил спросил настороженно:

— А почему эта Аграт готова помочь?

Азазель развел руками:

— Увы, не из любви к людям и даже не из любви и почтения к нам, хотя кто, как не мы, я в особенности, заслуживает любви и поклонения?.. Просто у нее свои счета. Даже не у нее, а у ее клана.

— Счета с Кезимом?

— С его кланом, — пояснил Азазель. — Тот начал усиливаться в последнее время, а это вызывает опасный перекос. Вот против него и начали объединяться старые враги.

— А что насчет нас? Не обернется с оружием против нас?

— Я знаю связывающие клятвы, — заверил Азазель. — Никто их нарушить не посмеет. К тому же Аграт пообещала, а ее слово твердое.

— У женщины и твердое слово?

Азазель ответить не успел, из ванной комнаты донесся звонкий голос Аграт:

— Азазель!.. Что за дурь? У тебя только холодная вода!.. А у нас привыкли к горячей! Я после Шеола и так зуб на зуб не попадаю!

Азазель поморщился:

— Вот дура... Михаил, я занят, покажи ей, как переключать с холодной на горячую и обратно.

Михаил бездумно кивнул, пошел по коридору в сторону ванной, открыл дверь и застыл, а Аграт, полностью обнаженная и с каплями воды по всему великолепному телу, повернулась к нему и спросила быстро:

— Как сделать горячей, не знаешь? Или ее тут нет вообще?

Глава 10

Он, стараясь не смотреть на ее тело, протянул руку в душевую кабину к блестящему крану, Аграт повернулась посмотреть, ее полная горячая грудь легла ему на предплечье.

Он вздрогнул и уронил руку, а потом, все еще стараясь не смотреть на ее вызывающе голое тело, что просто велит его рукам взяться, а то и ухватиться за ее... в общем, придушил себя и молча протянул другую, уже осторожнее, указал издали пальцем:

— Вот тот... сверху рычаг... повернешь влево — побегит холодная, повернешь направо — горячая. А краны, чтобы открыть-закрыть, а еще регулировать напор.

— Спасибо, — сказала она, осмотрела его с интересом. — А ты чего какой-то такой?.. Или хочешь душ со мной принять вместе? Нет, я такие штуки не обожаю...

— Я тоже, — ответил он и, отступив, поспешно вышел в коридор.

Азазель выводил на экран листы текста с фотографиями, быстро всматривался, листал дальше, на Михаила даже не оглянулся, только спросил:

— Она там пожар не устроит?

— В ванной комнате?

Азазель хмыкнул:

— Она может везде. А ванная у меня единственное место, где нет противопожарной системы... Ее сиськи рассмотрел хорошо?

— Сиськи противопожарной системы? — поинтересовался Михаил.

Он вернулся к дивану, от руки все еще идет тепло ее горячей груди, распространяясь по всему телу. Стыдно, но приятно, он ругнулся на себя, только что ушла Синильда, как можно обращать внимание на других женщин... хотя это не он обращает, это его тело реагирует, вот уж придумал Господь, так придумал странную идею поместить светлую и чистейшую душу в тело похотливого скота и назвать это удивительное существо человеком.

— Сири, — сказал Азазель, — у нас в гостях женщина, которая любит погорячее. Приготовь ей...

— Жареное мясо со специями? — донесся деловитый голосок незримой хозяйки кухни. — Побольше острых пряностей?

— Да, — подтвердил Азазель. — Такое, чтобы не только во рту горело, но чтоб и внутренности сожгло!.. Мишка, что смотришь? Это все хрень, переключи лучше на документальный канал. Рекомендую канал «Наука для народа», сейчас как раз Медведев ведет программу «Контурь будущего», а Батин в ней будет рассказывать, как быстрее добежать до сингулярности...

— А он знает?

— Да знает не только он, но мало кто делает... Вот Батин и собирает таких в кучку. Энтузиасты планируют, что лет через пятьдесят будут такими, как ты сейчас. Тела из силовых полей, по желанию перестраиваются в любую форму, всесильные и всемогущие... Кто-то не верит, но и в смартфоны, что у тебя в кармашке, не верили совсем недавно. А для тебя и Колизей только вчера построили!

В ванной оборвался шум льющейся воды, хлопнула дверца кабинки ванной комнаты. Аграт вышла в коридор в розовом пушистом халатике, на голове тюрбан из огромного полотенца, под которым спрятаны мокрые волосы, на лице мелкие капельки воды, одну с верхней губы дразняще слизнула ярко-красным язычком, длинным и заостренным.

— Здорово, да? — спросил Азазель тихо. — Видишь, все женщины в халатах одинаковы!

— Свинья, — буркнул Михаил тихонько. — Мог хотя бы разного цвета купить.

— С ума сошел? — поинтересовался Азазель. — Женщина, как Буриданов конь, сутки будет думать, какой одеть. Или надеть?

Аграт, чистенькая и посвежевшая, спросила с подозрением в чистом звенящем, как кимвал, голосе:

— Конечно, о бабах речь?

— Есть же вечные вопросы, — согласился Азазель, — на которые пока не нашли ответа. Вот смотрю в твои бесстыжие глаза...

— Вот в глаза и смотри, — прервала Аграт и заправила расползающийся на груди халат. — Почему он у тебя без пуговиц?

— К нему поясok прилагается, — пояснил Азазель. — Только я его где-то потерял. Как человек творческий, я на мелочи жизни не обращаю внимания. Человек широких взглядов, но узких вкусов.

— Где это у меня мелочи? — спросила она и, не дожидаясь ответа, спросила деловым голосом: — Так какие у вас планы?

— Сперва накормить тебя, — ответил Азазель, — ты же всегда есть хочешь, да поспать... Ах да, день только начался... ну тогда можно сразу к делу. Кухня вот там, слы-

шишь запахи? А мы с Мишей составим компанию, выпьем по рюмочке или по ковшику.

— Хорошие у вас дела, — одобрила она. — Жрать и драться, драться и жрать! Ну и нас, бедных женщин, насиловать. Чего некоторые из нас как-то не очень одобряют.

Азазель с радостным лицом потер ладони одна о другую.

— Это да!.. Я пожрать мастер, Мишка любит насиловать, так что у нас все в порядке. Настоящие мужчины!.. Садись, Сири для тебя специально молодого барашка запекла в собственном тесте!

Аграта села, полы халата раздвинулись, но она не обратила внимания, покрутила носом.

— Барашек в собственном тесте? Ты что имеешь в виду?

— Совсем не то, — заверил Азазель с оскорбленным видом, — что ты подумала. Это не тесто барашка, это мое тесто!.. Экстра-класса, из диетического магазина для фермеров! Или от фермеров, не помню. Ты ешь-ешь! Кому суждено быть удушенной, тот от переедания не гикнется.

Она хмыкнула, но Михаил видел, как красиво вырезанные тонкие ноздри ее точеного носа хищно раздуваются, а вся она уже изготовилась хватать жареное мясо и пожирать быстро и без церемоний, к которым так пристрастились люди.

— Проверим, как твоя служанка готовит...

В комнате раздался обиженный голосок Сири:

— Я не служанка!.. Я домохозяйка!

— А кто тогда вон этот тип, — поинтересовалась Аграта и ткнула в сторону Азазеля ножом.

— Он мой хозяин...

— Тогда служанка, — определила Аграта.

— А вот и нет, сагиб обещал на мне жениться!

Аграт с набитым ртом чуть не удавилась от смеха:

— Кому он только не обещал!.. В последний раз какой-то рыбе... Азазель, помнишь? Толстой мерзкой рыбе с вот такими губами!

Азазель вяло удивился:

— Правда? А мне казалось, то была ты... Вон там в стеклянной баночке перец, добавляй по вкусу.

— Да, — согласилась Аграт, — немножко можно, а то пресновато. А что твой друг не ест?

— Ему твои колени нравятся, — сообщил Азазель голосом опытного предателя. — Ого, уже и ляжки... Тоже просто совершенство!.. Какой изгиб, какой изгиб... Смотри, Мишка, и без копыт! Редкая женщина. Они же все с копытами, только от нас прячут. Невидимые такие копыта. И хвосты, как у коз. Глазом не видно, но рукой нащупать можно. Если хорошо щупать, а не кое-как.

Аграт улыбнулась одними глазами Михаилу:

— Он тебя часто обижает?

— Он обижает, — ответил Михаил, — а я не обижаюсь. Господь велел быть снисходительным к тем, кого он сам обидел.

Аграт ела быстро, с огромным удовольствием, Михаил видел, как ей хочется отбросить нож и вилку, но, глядя на них обоих, старательно срезает мясо и отправляет в рот, наконец все же оставила эти блестящие штуки, ухватила руками бараний бок руками, принялась выламывать смачные хрустящие ребрышки, самое лакомое у барашков, грызла и поглядывала на Михаила смеющимися глазами, молча приглашая и его, отбросив новомодные штучки, поучаствовать в пиршестве.

Азазель сказал отечески:

— Обожаю простые удовольствия! Это последнее прибежище сложных натур, подобных мне.

Михаил кивнул в сторону бутылок вина в шкафу:

— А то простое или уже сложное?

Азазель беспечно пожал плечами:

— Никто не скажет, что я здорово пью. Могу часами обходиться без алкоголя. Это говорит о моей самодисциплине и высокой моральной ответственности перед цивилизацией.

— Да, — сказал Михаил с иронией, — себя не похвалишь, от других разве дождешься?

— А что, — ответил Азазель подчеркнуто серьезно и поправил несуществующий галстук, — высокая репутация — первейшая необходимость для жулика!.. Аграт, вина налить?

Аграт покачала головой:

— Я пока не поняла, что в нем хорошего. Это же перебродивший виноградный сок? В смысле испорченный?

— Но зачем-то Господь позволил Ною взять с собой виноградную лозу? — напомнил Азазель. — А потом позволил упиться в хлам и валяться, как мерзкая свинья в грязи, ничего не соображая?

Она сказала с презрением:

— Не понимаю и понимать не хочу!

Азазель кивнул в сторону Михаила, тот с чашкой кофе в руке внимательно слушает, настороженный и сосредоточенный.

— А вот он уже почти понимает. Нельзя от людей требовать постоянной праведности, вот в чем горькая истина!.. Праведники тверды в своей праведности, стоят на ней и... не развиваются. А человеку нужны для совершенствования угрызания совести, что вот он, человек, а сорвался в свинство, поддался своей скотской натуре...

— Все равно пить не буду, — сердито заявила она. — Я и есть праведница! В своем смысле и по своим меркам.

— Нам больше останется, — сказал Азазель с удовольствием. — Вон Мишка как пьет, как пьет!.. По бутылке за раз. Все, что покрепче. Тоже старается понять, что в алкоголе хорошего... Старается, старается, ох как старается!

Михаил смолчал, потому что Аграт улыбается, не верит, а значит, и возражать Азазелю нет смысла.

— Что брать с собой? — спросила она серьезным голосом.

— Я приготовил, — объявил Азазель. Он вытащил из шкафа три плотно набитых рюкзака. — Сойдем за туристов?.. Там обычный туристический набор: паек на неделю, аптечка, фонарики, саперные лопатки, два револьверных гранатомета, запасные обоймы с усиленными патронами... Вы ешьте, ешьте! У нас есть еще масса времени, минута, а то и две...

Аграт спросила недовольно:

— А лопатки зачем?

— В умелых руках, — объяснил Азазель, — это опаснейшее оружие! Но у нас это простой шансовый... или шанцевой инструмент. Ты же копать любишь? Нет?.. А придется!.. Фонарики взять всем! Они достаточно мощные, чтобы поджечь сено. Но можно и солому.

— Я могу зажечь факел, — предложила Аграт. — Даже от камня.

Азазель покачал головой:

— Не пойдет. Факел не выявит магические ловушки.

— А твои фонарики?

Азазель посмотрел на нее с жалостью взрослого на ребенка:

— Электричества не было в эпоху создания заклинаний. А грозы считались частью магических сил. Так что незримые ловушки в свете вот этих простейших фонари-

ков становятся зримыми. Хотя, если Аграт попадется, там ее и оставим.

Аграт бросила косой взгляд в сторону Азазеля:

— Не гордись победой, не гордись. На самом деле это не ты меня убедил изволить присоединиться к вам.

Азазель приподнял иронически одну бровь.

— Да ну?

— Хвост гну, — сообщила она, — дуга будет. Это я на твоего друга посмотрела...

Азазель фыркнул:

— Вот так сразу и запала?

— Сразу, — сообщила она хвастливо. — Не то что на тебя. А главное, чувствую, что затеваете что-то серьезное. Он смотрится очень-очень непростым. Вроде бы человек, не демон, даже не был в аду ни разу, это заметно, но что-то в нем тревожное... Это с ним отправляешься в Сигор?

Михаил напрягся, Азазель спросил недовольно:

— Чего вдруг...

— Ты же не случайно посылал за мной Шокутар? — спросила она. — И сам подводил к тому, чтобы я была там, могу поучаствовать.

Азазель кивнул Михаилу в ее сторону:

— Видел? А говорят, все женщины дуры. Вообще-то верно говорят, но эта самого Вельзевула перехитрит. А то и Ашмодея... Нет, Ашмодея вряд ли.

— Я не хитрая, — возразила Аграт, — я умная и красивая. Вон твой Мишка уже сказал, хоть и не вслух. Когда выступаем?

— Я заказал билеты на утренний рейс, — ответил Азазель.

— Когда заказал? — спросила она хитрым голосом.

— Два дня тому, — буркнул Азазель.

Глава 11

Она расхохоталась весело и беспечно, словно это она перехитрила, а не Азазель точно просчитал наперед каждый шаг как ее, так и Михаила.

Почти закончив с барашком, она поинтересовалась сытым голосом:

— Так что решили насчет Кезима?

Михаил смолчал снова, бросил взгляд на Азазеля. Тот помрачнел, пожал плечами:

— Есть более важные дела.

— Ну-ну, — подбодрила она, — какие?

Он сказал с неохотой:

— Не догадываешься? Нужно успеть в Сигор раньше Кезима.

— Я хотела, — напомнила она, — чтобы ты это сказал. А раз ты сказал, то уже какие-то планы есть?

— Только наметки, — ответил Азазель скромно. — Слишком много... неясностей, чтобы вырабатывать планы. Сперва была идея посетить Гамалиэля...

Она спросила живо:

— Того, который все знает? И может предсказать будущее?

— Да.

— У тебя и размах, — сказала она с удовольствием. — А где он сейчас? Я слышала...

— Верно ты слышала, — ответил Азазель. — Его достали просьбами предсказать им будущее, словно приходят к какой-то бабке-гадалке, он рассвирепел и от всех скрылся.

— Так далеко, что не найти?

— Да, — снова подтвердил он. — Известно, что из ада исчез, но и на земле не появлялся.

Михаил насторожился, даже сумел оторвать взгляд от голых бедер Аграт, но сделал это с таким усилием, что на кухне отчетливо чмокнуло.

— В Брие? — спросил он громко, обращая внимание на себя, строгого и внимательного.

— В Брий ему вход заказан, — буркнул Азазель. — Но найти, думаю, будет трудно. Если даже и сумеем. Но он не оставил подсказок, где искать. Напротив, скрыл все следы. Так что никто не скажет, разве что запутает. Но найти его хотели бы многие. Слишком уж Гамалиэль... этим активным интересен.

Михаил поинтересовался:

— Из-за его предсказаний будущего?

— Да, — согласился Азазель, — но также из-за его способности пить энергию из клипот, которой может поделиться, хотя никогда этого не делает.

— А сам он сейчас на чьей стороне?

Азазель буркнул:

— Не угадать. Но на чьей окажется, можно и к бабке не ходить. Спускаться со сверкающей горы легче, чем подниматься.

— Тогда не будем рисковать, — сказал Михаил. — А другие дороги есть?

— Ну да, — сказал Азазель с сарказмом, — ломанемся на толпу демонов с автоматами, чтобы не рисковать, надо же...

Михаил напомнил:

— Мы будем вчетвером? Бианакит очень хорош...

— Демоны тоже умеют пользоваться автоматами, — сухо сказал Азазель, — правда, только единицы из самых смысленых, которые живут здесь долгие годы, но все же... Пальнет такой в тебя из гранатомета, это нетрудно, и что ты сможешь?.. Как разделаемся со всеми и пойдем

жрать блинчики в сметане и с мясом рябчика? Здесь их готовят просто обалденно!.. И Сири скоро научится.

В комнате прозвенел обиженный голосок:

— Я умею!.. Но сагибу интереснее питаться в чужих домах!

— А как же, — подтвердил Азазель. — Всем нужно наносить урон, обедая противника.

Аграт догрызла четвертое баранье ребрышко, обгладывая на нем мясо до зеркального блеска, указала глазами на молчащего Михаила.

— Стоит ли брать с собой смертного?.. Слишком опасно.

Азазель сказал успокаивающе:

— А пусть погибнет с честью! Им это нравится, когда погибают с честью и с достоинством. Даже стремятся. А еще чтоб с именем любимой женщины на устах... Уста — это... нет, это уже на стадии разложения отечества, а сперва красиво гибнут только с пением Интернационала. Потому пусть, дадим ему возможность... Все равно хотел покончить с собой из-за неразделенной любви! Разве из-за такой ерунды сводят концы с жизнью?

Аграт посмотрела на Михаила с сочувствием:

— Бедненький... А можно я его сама сейчас прибью? И ему хорошо, и мне удовольствие.

— Ему-то хорошо, — буркнул Азазель, — от твоей руки погибнуть приятнее, чем от лапы зверя, но где для меня польза? В смысле польза для человечества, я ж его лучшая часть?

— Ладно, — сказала она великодушно, — пусть пока поживет... А это что?

— Давай, — предложил Азазель, — хоть тебе не буду рассказывать о кофе. А то меня уже считают его пропагандистом. Пей или вставай из-за стола, свиненок!

— Я выпью, выпью, — заверила Аграт торопливо. — Только не бейте, дяденька!..

Азазель с мрачным видом наблюдал, как она делает осторожные глотки, прислушиваясь, женщины всегда осторожнее мужчин, что и понятно, мужчины рождены для опасностей, а женщинам нужно думать о потомстве от тех, кто выжил в опасностях и вернулся с победой, потому что потомство нужно заводить только от победителей.

Азазель к чему-то в себе прислушивался, кивнул своим мыслям:

— Хорошо. Михаил, иди сюда. Мы с тобой отправимся в Сигор... Проверь оружие, все равно твой меч вытаскивать нельзя, а вот патроны не жалея, за все уплотнено.

Аграт подпрыгнула с чашкой в руке:

— А я?

— И ты? — изумился Азазель.

Аграт сказала быстро:

— Азазель! Ну не поверю, что ты меня выдернул из ада просто ради моего потрясающего обаяния!.. Ты же все рассчитал!

— Да, — ответил он скромно, но добавил таким строгим голосом, что даже Михаил вскинул брови в изумлении, никогда не слышал такого командирского тона: — Аграт!.. Беру тебя в отряд при одном условии...

Аграт перебила поспешно:

— Ты меня знаешь. И я тебя. Если я в твоей команде, то каждое твое слово — закон. Нигде и ни в чем ни на шаг в сторону!

— Ну тогда все, — сказал Азазель. — Сири запрети за нами. Чужих не впускай, а если случится восстание роботов, помни, я на тебе обещал жениться!

Когда дверь за ними захлопнулась, Аграт спросила на лестничной площадке:

— А зачем ты ей угрожал женитьбой?

На лифте спустились в подземный этаж, Азазель повел в сторону лестницы, там узко, пыльно, явно здесь никто не ходит, Азазель поймал удивленный взгляд Михаила и сказал тихо:

— Зато здесь без видеокамер.

Аграт спросила:

— Помочь?

— Вдвоем попадем точнее, — ответил Азазель серьезно, он бросил короткий взгляд в сторону Михаила, дескать, не говори, пусть женщина не знает, что даже моих сил для задуманного недостаточно. — Я выберу место, а когда начну, ты всей мощью... ладно?

— Сделаю, — сказала она коротко.

— Михаил, — сказал Азазель.

— Здесь, — ответил Михаил напряженным голосом.

— Стань ближе, — велел Азазель. — Плотнее, не скромничай. Не стесняешься же прижиматься к Аграт?

Михаил попробовал чуть отодвинуться, но она притиснулась сама всем горячим телом, мягким и нежным, словно напрочь лишенным костей, обняла одной рукой крепко-накрепко, а другой обхватила Азазеля, как и он ее с одной стороны, а Михаила с другой.

Странно, на этот раз он уловил перелет, словно его пронесло через мертвое пространство, где не выжила бы сама смерть, но через мгновение мир вокруг залило ослепительным, но неослепляющим светом.

Подошвы ударились о твердую землю, а ноздри уловили изысканные ароматы тысяч различных цветов.

Прямо перед ними деревья картинно кряжистые, с красиво изогнутыми толстыми ветвями, из густых крон несет щебетание счастливых птиц...

Сердце Михаила счастливо затрепетало, узнавая то самое место, где все начиналось и где они все видели, как Господь создает первого человека.

Но когда поднял взгляд, душу охватил смертельный холод. Там, где должно быть небо с множеством ярких и неярких звезд, клубится ужасающий хаос, полное ничто, хотя он не клубится, это его мозг не в состоянии воспринять то страшное, что увидели глаза, и дорисовывает нечто хоть в какой-то мере понятное.

Азазель перехватил его устранный взгляд, толкнул в бок Аграт:

— Ущипни его.

— С удовольствием, — сказала Аграт.

Михаил перехватил ее руку.

— Тихо-тихо...

— Мишка, — сказал Азазель с тихой печалью, — это мирок Бракиеля...

Аграт стоит тихая, как мышь, тоже страшновато в мире, где нет солнца, звезд, нет дня или ночи, просто ровный свет, как сказано в Библии: «...и сказал Господь, да будет свет», а уже потом создавал небо, Солнце и звезды.

Здесь именно тот первозданный свет, ослепительно-яркий, но не режущий глаза, легкий и радостный, позволяющий рассмотреть любую песчинку на другом конце мирка, созданного Бракиелем из остатков строительного мусора, оставленного вне пространства Господом после сотворения мира.

Азазель осмотрелся:

— Вон там на горизонте какие-то скалы. И чувствуется присутствие воды. Бракиель всегда обожал таинственность и прохладу гротов. Пойдемте, этот мирок крохотен, искать долго не придется.

Михаил с Аграт заторопились следом, Азазель двигается быстро и резко, скалы начали приближаться, всего несколько шагов, и они услышали плеск воды небольшого водопада в бассейн.

Аграт тоже выглядит ошеломленной, здесь не работают привычные представления о пространстве, идет осторожно, быстро-быстро зыркая по сторонам и держа ладонь на рукояти большого ножа за поясом.

Михаил прошептал:

— Это... ад?

— Нет, — ответил Азазель так же тихо.

— Его преддверие?

Глава 12

Азазель замедлил шаг, всматриваясь в странно смещающийся ландшафт, где на месте громадных скал из нескрушимого гранита вдруг возникают роскошные пальмы, а золотой песок, что так вкусно хрустит под подошвами, сменился мелководьем, и они идут, расплескивая прозрачную воду и распуская мелких рыбок.

— Ад громаден, — проговорил Азазель, он с напряжением всматривался перед собой, а голос звучит непривычно зажато. Михаил вдруг ощутил, что именно Азазель удерживает вокруг них небольшой пространственный пузырь, в котором им безопасно. — Да, ад громаден... и постоянно расширяется. Строятся новые города, возводятся дивные дворцы... А вообще-то уже и не определить, где заканчиваются границы этого мира, и начинаются адовы. Мне кажется, между ними давно установилась некая сумеречная зона, где Свет и Тьма не правят, а сосуществуют.

— Но ты сказал насчет мирка Бракиеля? — спросил Михаил. Он оглянулся на Аграт, она тоже, по ее виду, ничего не понимает, но помалкивает, чтобы не досаждать могущественному Азазелю, что как взял ее из ада, так может вернуть и обратно. — А тебе нужен Гамалиэль?

— Нам нужен, — уточнил Азазель, — Гамалиэль, вообще-то обитатель девятого зала нечистоты, но он скрылся не только оттуда, но и вообще из ада. И теперь никто не знает, где он вообще. А то бы уже давно у него побывали.

— Даже ты не знаешь?

— Даже я, — согласился Азазель. — Правда, мой друг Бракиель с ним общается, так что сейчас вот попробуем подыхать на черной нубийской козе.

Ноги по щиколотку утопают в золотом песке, со всех сторон высокие барханы до очень-очень далекого горизонта, просто неимоверно далеко, пробежала ящерица, а за нею другая, вдвое крупнее, затем горизонт стремительно приблизился, по ту сторону незримого пузыря чудовищное Ничто, где нет даже Хаоса, а вместо песка под ногами захрустели мелкие еще влажные ракушки, которые волна выбрасывает впереди на берег.

— Бракиель, — сказал Михаил, стараясь в подражание Азазелю не обращать внимания на меняющийся мир, — Бракиель... Что-то имя знакомое... Постой, это же один из тех, кто первым откликнулся на твой призыв сойти к людям?

Азазель посмотрел с интересом.

— А ты ожидал, что задружусь с предельно скучными и правильными Гавриилом или Рафаилом?

Аграт вскрикнула за их спинами:

— А я их вообще презираю! Хотя и не видела.

Михаил сказал в растерянности:

— Но разве не все падшие были стерты с лица Земли Всемирным потопом?

Азазель шел некоторое время молча, даже не смотрит по сторонам, наконец сказал с видимой неохотой:

— Михаил... Ну что ты так прост... Стерты с лица Земли были все люди, хотя вообще-то потоп замышлялся в

первую очередь для того, чтобы избавиться от нефилимов. Правда, те люди тоже не заслуживали другой участи... Но двести ангелов, Михаил, это же другое дело! Мы наделали ошибок, потому что поторопились, понадеялись, что сможем помочь людям одним прыжком перескочить через темные времена... Потом эту же ошибку много раз повторяли сами люди, когда то «сухой закон» принимали, то начинали строить коммунизм... В общем, все двести ангелов уцелели. Мы не стали строить ковчег, а просто укрылись в большой пещере, тщательно заделав вход. А через сорок дней, когда вода вернулась в свои берега...

Впереди поднялась волна прозрачной воды высотой с крепостную стену, но Азазель бестрепетно шел прямо, Михаил сжал страх в кулаке, шел рядом, даже заставил себя спросить:

— И... где они теперь?

— Воды?

— Твои соратники, — ответил Михаил нервно, не сводя взгляда с водяной стены, — того Исхода!

Азазель ответил неохотно:

— Неудача с Большим Скачком вызвала великое уныние в наших рядах и, как теперь говорят, депрессию. Нелегко признаться, что Всевышний был прав, а мы — молодые дураки. Если хочешь знать, многие из этого состояния до сих пор не вышли. А те, кто вышел, больше не помышляют о богоборчестве. И чем больше живут, тем сильнее убеждаются, что План Творца, при всей непонятности нам, велик и грандиозен.

Стена из воды, прозрачная, но с белыми барашками на гребне, двигалась сперва медленно, но затем начала ускоряться. Сзади тревожно вскрикнула Аграта, слышно было, как зачем-то выхватила из ножен на спине клинки.

Михаил задержал дыхание, когда водяная гора всей массой ударила в их группу...

...но ощутил лишь легкий прохладный ветерок, на одежде остались влажные капли да пара капель на обуви, гора из воды ушла дальше, оставляя за собой мокрый песок.

Михаил с облегчением выдохнул и спросил почти нормальным голосом:

— А что насчет нефилимов? Это же ваши дети. Осталась ли злоба на Создателя за их истребление?

Азазель поморщился:

— Да брось, ты же не всерьез?.. Какая злоба? Мы бы сами их тогда истребили. Это ж были не люди, а чудовища. Мы уже начали уничтожение, потому те разбежались и скрывались в безлюдных местах, где никому не могли вредить, а питались только дикими животными. Но, к сожалению, Михаил, даже потоп не смог их уничтожить целиком. Некоторые выжили...

— Господи, — прошептал Михаил, — как?

— Кого-то во время потопа долго носило в волнах, и он превратился в морское чудовище, что и сейчас живет на дне океана, кто-то сумел выбраться на сушу, но теперь знает, что им грозит, потому найти их непросто.

Михаил сказал потерянным голосом:

— Господь недосмотрел...

Азазель горько хохотнул:

— Вот такими мы были шесть тысяч лет назад. Господь недосмотрел, Господь не учел, Господь ошибся... На самом деле, как потом поняли, Господь допускает и существование даже нефилимов в этом мире, но при условии, что не будут вредить человеку, которого Он объявил венцом своего творения и владыкой мира. Не знаю, с какой целью Он это делает, но наверняка какая-то цель есть.

Михаил даже лицом посветлел, выдохнул с благодарностью:

— Да, конечно, именно так. А Гамалиэль... его предсказания верны?

— Как сказать, — ответил Азазель с неопределенностью в голосе, — как ты знаешь, за свою способность пить энергию из сфирот, как верблюд, он получил прозвище «Гамаль», что означает «верблюд» на том старом наречии.

— Слыхал, — пробормотал Михаил.

В голосе Аزازеля прозвучала тревога:

— Он также может пить энергию из клипод. В этом случае обретает власть над всеми змеями и гадами земли, а людям с ним лучше не встречаться. Однако, когда пьет из сфирот, может предсказывать будущее. Но никто не может угадать, из какого источника сейчас пьет или недавно сделал глоток. А это значит... понимаешь, что это значит?

Михаил сказал враждебно:

— Никто не может угадать, останется через мгновение в живых или нет. Так?

— Точно, — согласился Азазель. — Конечно, он предпочитает пить из клипод. Понятно, почему? Для всех нас мир порока и преступлений понятнее и намного интереснее, чем мир святости, так ведь?

Аграт забежала вперед и сказала живо:

— Конечно!.. Это жизнь, а святость — смертная скука.

— Не так, — отрезал Михаил. Он обращался к Азазелю, игнорируя женщину. — Не так!

Азазель сказал безнадежным голосом:

— Ладно-ладно, не так, святоша. А как бы поступил ты?

Михаил ответил с достоинством:

— Приставил бы ствол пистолета к его виску. Если призовет змей, смерть его будет мгновенной.

— Люблю солдат, — сказал Азазель. — Никаких философствований!.. Знаешь, а ты прав, так что будь готов. Он

очень быстр. Если окажется, что... в общем, действуй, но без насилия!

Михаил не понял, как это без насилия, но если Гамалиэль быстр, то нужно быть быстрее, а при малейших признаках враждебности бить первым.

Далеко впереди возникли высокие скалы, но через несколько шагов непостижимым образом приблизились, разошлись в стороны. Из каменной чаши бассейна вода красивой дугой поднимается вверх по блестящей скале, у края воды золотой песок, а на нем полусидит в расслабленной позе, прислонившись спиной к черному камню, очень грузный мужчина.

Михаил дернулся, не ожидая увидеть некогда гордого ангела, посмевшего бросить вызов Творцу, в виде отвратительного толстяка, щеки на плечах, три массивных подбородка устроились на жирной груди.

Тот повернул к ним голову, Михаил едва рассмотрел на заплывшем жиром лице глаза между толстых век.

— Да, — проговорил Азазель с печалью, — это и есть наш некогда деятельный Бракиель.

Михаил тупо смолчал, не зная, что сказать, когда вместо жилистого молодежника энтузиаста, злого и вспыльчивого, как он себе представил, у самой воды расположилась толстая розовая туша, где валики жира толщиной с хобот слона лежат один на другом по спине и бокам, а живот вообще едва помещается на коленях.

Лицо с маленькими пороссячьими глазками розовое, переполненное подкожным жиром, нос утонул в раздувшихся щеках, сам Бракиель являет собой полное ничтожество.

Толстяк ощутил их присутствие, с трудом повернул голову.

— Аза... зель? — проговорил он отвратительно тонким голосом, нечто среднее между писком выдры и мыши. — Азазель... Тыщу лет тебя не видел!.. А это с тобой кто?

Азазель сказал бодро:

— Рад тебя видеть, Бракиель... Это мои помощники, Аграт и Мишка. Натаскиваю для подсобных работ. Мишка туповат, но исполнительный, а в наше время это важнее, чем быть просто умным. А это девочка для подай-принеси. А ты все поправляешься... Скоро и летать не сможешь.

Бракиель ответил тем же неприятным голоском:

— Летать? Я уже и ходить отучился. А ты все такой же... Садись, пировать будем.

Азазель вздохнул подчеркнуто горестно.

— Увы, долг зовет. Да-да, я еще не растерял иллюзии насчет долга и прочего... Бракиель, нам нужно срочно переговорить с Гамалиэлем.

— Так переговорите, — ответил Бракиель. — Да ладно-ладно, я все понял. Вам в самом деле так уж срочно или все-таки поужинаете? Давно мы не сидели за одним столом... Я сейчас стол сделаю!

— Ты и раньше возлежал, — напомнил Азазель. — Правда, не так красиво.

— Вот видишь, — сказал Бракиель, — ничто не изменилось! Почти.

— Сразу, как спасем мир, — пообещал Азазель, но произнес так серьезно, что у Михаила по спине побежали мурашки. — Как только, так сразу.

— А надо ли спасать? — проговорил Бракиель вяло. — Ладно, ты из тех, кто никогда не сдается... А мне здесь хорошо. Нет времени, нет пространства... в том понимании, как утвердил Всевышний... Еще нет многого из того, что Он потом установил в качестве законов природы.

Аграт спросила тихонько:

— Как это... нет времени?

Бракиель посмотрел на нее с отеческой улыбкой:

— Девочка из новых?..

— Совсем молоденькая, — сказал Азазель. — Ей нет и трех тысяч лет.

— Время появилось, — сказал ей Бракиель почти ласково, — с созданием Господом мира, а в этом осколке его все еще нет... Можно вот так вечность...

Михаил зябко передернул плечами:

— Я бы не смог.

Бракиель внимательно всмотрелся в него:

— Я тебя знаю? Что-то странно знакомое...

— Вряд ли, — буркнул Михаил.

Азазель пояснил свысока:

— Мишка прекрасный исполнительный солдат. Пожалуй, лучший из людей, с кем приходилось общаться. Я же говорил, недооцениваете человека! Адам был полным говном, это понятно, зато какое племя от него пошло! С их стороны еще будут сюрпризы... Бракиель, мне нужно знать, где сейчас Кезим и что он задумал?.. Он готовит что-то ужасное, я чувствую нутром, но не знаю, в какую сторону метнуться!

Бракиель посмотрел на него с расслабленной усмешкой:

— Азазель... я давно не тот... я даже не знаю, кто такой этот Кезим... догадываюсь, что некто очень опасный из нового поколения... Видишь ли, я забрался сюда через неделю после окончания Всемирного потопа, и сейчас для меня прошел только один день... вернее, он все еще длится. Не знаю, что дает тебе надежду... ведь дает же?.. А я сломался, я сломался...

Азазель сказал с тоской:

— Значит, мы все зря...

Бракиель сказал слабо:

— Это может подсказать только Гамалиэль.

Азазель вздохнул тяжело:

— Я и хотел к нему, но где он сейчас, никто не знает. А без координат... Ладно, дорогой друг, отдыхай. Мы все равно сделали великое дело. Человечество скоро выйдет из Азии и ворвется в Брий! Надеюсь, хоть тогда выйдешь из депрессии.

Глава 13

Бракиель смотрел на него со слабой расслабленной улыбкой. Михаилу его лицо показалось маской идиота.

— Прощай, Азазель...

— Создать мир легче, — проговорил Азазель с силой, — чем понять его. Потому мне кажется, Господь вообще не вникает в дела нашего мира. Он знает, к чему все придет, когда исполнится Его Великий Замысел. Вот тогда Он нас и встретит. Обнимет и простит. Вообще-то, думаю, уже простил.

Бракиель грустно улыбнулся, заплывшие жиром глазки вовсе скрылись под тяжелыми мясистыми веками.

— Гамалиэль, — произнес он едва слышно, — сейчас в Полумраке Второго Дня. В последнее время он возлюбил то уединенное место... Если еще помнишь, где это.

Азазель взглянул с укором:

— Давай без намеков. Все мы помним, кто там был, хотя некоторые стараются забыть. Но спасибо! Прощай, Бракиель!

Он повернулся и пошел прочь, Аграт шепнула Михаилу:

— Нужно отойти подальше, чтобы его не зацепило ударной волной.

Михаил отдал Бракиелю полусалют, все-таки в прошлом один из старейших и заметных ангелов, двинулся вслед за Азазелем.

Прошли всего два-три шага, и Михаил похолодел, за сферой первозданного света снова клубятся темные массы хаоса, тоже материальные, они же по эту сторону клипот, но еще не оформленные в вещество и потому ужасающе безобразные, пугающие полным растворением в себе всего, что их коснется.

Аграт проговорила за их спинами дрожащим голосом:

— Азазель, теперь обратно?

— Нужно найти Гамалиэля, — сказал Азазель резко. — Бракиель сказал, тот сейчас в Полумраке Второго Дня.

— Что-то вроде прихожей ада?

Азазель буркнул:

— Мы сами были сотворены на второй день Творения, забыла? Когда ни рая, ни ада... Ах да, ты же появилась намного позже...

— Но как же?

Азазель напомнил небрежно:

— Это не земля и не наш мир. Обломки строительного мусора, когда пространство сжималось и уплотнялось, чтобы из него создать материальный мир.

— А Гамалиэль в чем разочаровался? Он что, тоже был тогда с вами?

Азазель от прямого ответа явно уклонился, даже взгляд отвел, сказал как-то чересчур спокойно:

— Он сейчас там... где в некотором роде проще присасываться к антисфиротам... Говорят, Гамалиэль зависает возле них все чаще...

Михаил ощутил неладное, спросил:

— Что с ним?

— Потеря веры, — ответил Азазель коротко.

— В Господа?

Даже со спины он видел, как поморщился Азазель.

— Веры в свое дело, — ответил Азазель с неохотой. — В отличие от тебя на его долю выпало слишком много

неудач. Начиная с той, когда мы спустились на гору Хермон и сошли к людям... То была вообще катастрофа всех идей и надежд. Потом были еще и еще, и так шесть тысяч лет! Ты бы вообще свихнулся.

— Я бы не усомнился в мудрости Всевышнего, — возразил Михаил сурово. — Как и не усомнился в самом деле.

— Хорошо, когда у тебя даже в голове сердце, — сказал Азазель, — а вот мне повезло меньше. У меня сердце тоже чаще мыслит, чем чувствует... Готов к прыжку в обитель Гамалиэля?

Михаил процедил сквозь зубы:

— Зря я с тобой пошел...

— Выбери то, — сказал Азазель серьезно, — что я тебе предлагал. И тогда сам сможешь деформировать пространство. И нам бы помог...

Михаил содрогнулся:

— Ни за что! Это отвратительно.

— Тогда терпи, — сказал Азазель. — Аграт...

— А что... — начала говорить Аграт.

Азазель крепко ухватил их обоих, прижал к себе. В следующее мгновение подошвы Михаила ударились о твердую почву.

Аграт, ее крепко держит Азазель другой рукой, договорила:

— ...ты ему говорил? Я тоже хочу стать такой сильной, чтобы менять пространство!

Она отстранилась, осмотрелась с распахнутым ртом и вытаращенными глазами. Мир прекрасно мрачный, земля покрыта золотым песком, однако вместо неба низкие и очень плотные тучи, до которых можно допрыгнуть и коснуться кончиками пальцев.

С их стороны доносится легкий шорох, иногда треск, словно тяжелые льдины трутся краями.

Азазель сразу пошел быстрым шагом, ни на что не обращая внимания, только отрезал с холодком:

— Менять пространство — не женское дело.

Аграт ринулась следом, сказала быстро:

— Поменять пол, что ли? Или, как говорит твой Мишутка, это слишком отвратительно?.. А что, у него есть или будет такая возможность? Он же всего лишь человек!

— Человек, — напомнил Азазель, — звучит настолько гордо, что сам Люцифер позавидует такой гордыне. Но если уж Господь наделил ею человека, то что-то дал такое для гордости, о чем даже не догадываемся?

Михаил спешил за ними молча, это самое разумное, что можно сделать, когда сказать нечего, так можно сойти за умного и знающего. Азазель бросил на него взгляд, полный сочувствия и в то же время издевки.

— Стоп, — сказал он и сам остановился. — Ждите здесь за этими камнями. Не высовывайтесь!.. Михаил, Аграт составит тебе компанию. Гамалиэль умеет хранить тайны, иначе бы ему не доверялись, но лучше пусть тебя не видит.

— Хорошо, — ответил Михаил.

— А я, — начала было Аграт, но Азазель повысил голос:

— И ты, дочь!.. Гамалиэлю достаточно просто взглянуть на обоих, чтобы узнать о вас все-все, понимаете?.. Даже то стыдное, что оба хотели бы скрыть. Ждите здесь, я быстро.

Михаил раскрыл уже рот, чтобы гневно отвергнуть даже допущение, что у него может быть в прошлом что-то стыдное, да еще сказанное при женщине, пусть и дьяволице, но задержался, на всякий случай проверяя, а вдруг в самом деле что-то есть, да и ответ должен быть хлесткий, а за это время Азазель удалился достаточно далеко, чтобы кричать вслед.

Аграт сказала шепотом:

— Не обижайся, он всегда так... А что у тебя стыдное? Мне можешь сказать, я помогу. Хотя людям никогда не помогала, но что-то в тебе есть интересное...

Глаза ее загорелись жарким любопытством, а бледное лицо порозовело. Даже губы вздулись еще больше, четче вырисовывая слегка вздутую окантовку по всей длине.

— Нет у меня стыдного, — отрезал Михаил.

— Ты такой скучный? — протянула она в разочаровании. — Не верю...

— Да.

— Все равно не поверю, — протянула она жарким шепотом. — У тебя такое сильное тело воина, вон шрамы...

— О стол ударился, — буркнул он и, чуть приподнявшись, выбрал щель между камнями, начал неотрывно смотреть вслед Азазелю. — В детстве.

Азазель двигается медленно и беспечно, словно в самом деле любит природу, ага, станет Азазель любоваться, это как будто не он в свое время внушил Тургеневу, что природа — не храм, а мастерская, а человек в ней — работник...

Из грота вышел высокий прекрасный ангел, молодой, чистый, какими они все были в Первый день Творения, раскинул руки в приветственном жесте и заторопился навстречу Азазелю, улыбаясь во весь рот.

Михаил услышал, как он сказал чистым серебристым голосом жителя небес:

— Азазель... Я часто вспоминаю тебя и всех нас...

— Представляю, — ответил Азазель, — какими словами!

— Ничуть, — запротестовал ангел. — Да, мы сглупили по молодости, но даже глупость наша была чистой и от всего сердца.

— Мы получили за отступничество, — ответил Азазель, — но если честно, то был отеческий шлепок по жопе...

Гамалиэль чисто и светло расхохотался:

— Да я не в обиде!

— Гамалиэль, — сказал Азазель серьезным голосом, — я примчался к тебе по важнейшему делу.

— Надеюсь, не срочному?

Азазель ответил со вздохом:

— Увы, очень даже срочному.

Гамалиэль отстранился, продолжая держать его за плечи, всмотрелся в лицо старого друга, с которым однажды бросили вызов Творцу и заявили всем, что покажут, как быстро и красиво вести людей в светлое будущее из их дикости.

— Ты рисковал, — проговорил он тем же светлым и полным сочувствия голосом, — истратив на этот пробой всю мощь! Но ты не был бы всегда все просчитывающим Азазелем... И в этом случае как-то просчитал, что я возьму... или угадал? Тогда ты счастливее, несмотря ни на что.

Он опустил ладонь ему на плечо, лицо стало строгим, Азазель сказал торопливо:

— Гамалиэль, мне нужно узнать...

— погоди, — прервал Гамалиэль, — Восполни силы, иначе рискуешь остаться здесь навсегда...

Азазель послушно умолк. Михаил тоже затаил дыхание, представляя, как исполинская мощь сфирот вливается в Азазеля огромной полноводной рекой, переполняя силой первых дней Творения.

— Райский сад все еще существует, — сказал Гамалиэль негромко, но Михаил услышал. — Это то, что ты хотел узнать? Он рядом, что и понятно, иначе бы Адам и Ева не сумели выйти из него. А оглядываясь уже на земле,

все еще видели уходящий вдаль тот дивный сад и архангела Уриила... или кто там был с огненным мечом на входе.

Азазель спросил быстро:

— А то Древо Жизни?

Гамалиэль кивнул:

— Все так же цветет и плодоносит. Дерево вне времени, как и весь сад. Оба ствола цветут и дают плоды на одних и тех же ветках, что было для нас так привычно и от чего пришлось отвыкать здесь.

Азазель поинтересовался:

— А левый ствол?

Гамалиэль, похоже, ощутил подтекст в безобидном с виду вопросе, подумал, пожал плечами:

— Как тебе сказать... Я тоже там не был очень-очень давно. Но, думаю, власть тьмы все так же исходит из левого ствола Древа Жизни.

— Боюсь, — проронил Азазель с отчетливым намеком, — что не просто исходит, а льется потоком, водопадом.

— Верно, — согласился Гамалиэль.

— Что ты видишь, — спросил Азазель, — в будущем?..

— Твоем?

— Нет, в будущем этого мира.

Светлая улыбка Гамалиэля чуть поблекла:

— Ты всегда больше заботился о других. Жаль, не хочешь о себе, я бы рассказал много любопытного... А будущее этого мира безрадостно. Ты верно понял, из левого ствола Древа Жизни тьма льется на мир уже не ручьем и даже не рекой... Начал изливаться океан тьмы и духовных нечистот! Земля в огне, Азазель. Сделать уже ничего не сможешь и не успеешь. Этот мир погибнет. А Кезим, которого хочешь найти — ты же его ищешь? — только первый, кто бросит пылающий факел в этот стог...

— Я смогу его одолеть?

Гамалиэль произнес почти равнодушно:

— Зачем думать всего лишь о Кезиме, когда преисподняя открывает врата?.. Хочешь остановить разрушение мира? Закрой те врата!.. Я вижу общую гибель всего, которую демоны принесут в этот мир.

— Как закрыть те врата?

— Азазель... ты всегда ставишь перед собой невыполнимые задачи... Но твоих усилий будет недостаточно, даже если разорвешься надвое.

— А что нужно еще?

Гамалиэль зевнул, сказал усталым голосом:

— Что-то я сегодня перетрудился. Нужно хлебнуть из другого источника, встряхнуться... Он взбадривает мощнее...

Азазель ухватил его за плечи и крепко обнял:

— Гамалиэль, я был просто счастлив с тобой повидаться!.. Спешу, дела!

Гамалиэль криво усмехнулся:

— Все вы так... однобокие...

Михаил видел, как далекая фигура Гамалиэля начала наливаться неприятным багровым огнем. Тело стало массивнее и выше, лицо вспыхнуло, как в зловещем отблеске пожара, а на голове появились и начали подниматься неприятно изогнутые рога.

Он повел по сторонам налитыми кровью глазами, шумно выдохнул с такой мощью, что земля вспыхнула под его козлиными ногами с массивными копытами.

Азазель мчится от него прочь, а на землю уже под его ноги легла страшная багровая тень. Свод всего мира Гамалиэля вспыхнул красным огнем вселенского пожара, сверху посыпались искры, и начали опускаться крупные хлопья горячего пепла.

Михаил и Аграт поднялись из-за груды камней, Азазель крикнул на бегу:

— Готовность!..

Аграт первой раскинула руки. Азазель с силой охватил обоих с разбегу, воздух уже стал горячим, как в накаленной печи, земля под ногами загорелась.

— Аграт, — крикнул Азазель. — Быстрее!.. Ему еще глоток, и земля на полмили вскипит!

Не дав сказать Михаилу и слова, он крепко сжал его плечо. Михаил задержал дыхание, воздух быстро заполняется огнем и серой. Аграт в спешке выкрикнула заклинание вслух, губы Азазеля чуть шевельнулись, но на лице тревога, а в глазах Михаил увидел отчетливый страх.

Перед внутренним взором Михаила пронеслась вереница ужасных образов, начиная от горящего неба и проваливающихся в океан магмы горных хребтов и заканчивая разрушением пространства и времени, но подошвы уже с силой ударились о твердую землю, легкие жадно ухватили чистый прохладный воздух, а видения исчезли.

Глава 14

Он увидел серые голые скалы в двух шагах, за спиной такие же, а узкую щель, в которую их перенес Азазель, пронизывает холодный злой ветер.

— Этот ваш Гамалиэль, — проговорил Михаил с трудом, — сволочь, такое видение наслал... заикой стать можно...

Аграт, не отпуская его, с силой трянула:

— Что наслал? Что ты видел?

— А вы не видели? — спросил он.

Она покачала головой, а рядом Азазель судорожно вздохнул:

— Удрать успели... Михаил, я ничего не видел. А ты, Аграт?.. Значит, только тебе какое-то предсказание? Вы-

ходит, Гамалиэль тебя выделил из нашей группы, очень интересно.

Аграт повернула голову и всмотрелась в Михаила чересчур пристально:

— Неужели Господь в самом деле их создавал не просто как потешных зверьков?.. По мне, так ничего смешнее нет на свете, чем этот твой Мишка.

— Спасибо, — буркнул Михаил, — не умри от смеха.

— Риск есть, — признала Аграт. — Если, конечно, Азазель не передумал тебя брать с нами... Азазель, где это мы?

Михаил огляделся, окружившие их с трех сторон скалы смотрятся безрадостно, а в дальнюю узкую щель виднеются холмы, свежо зеленеющие на фоне изумительно синего неба, на котором ни единого облачка.

— Где-то у цели, — ответил Азазель. — Хотя, конечно, вдали от дорог и населенных пунктов.

Аграт поморщилась:

— Мог бы и поближе.

— Вслепую? — поинтересовался Азазель. — Аграт, запомни, как только кто-то из людей увидит по твоей вине что-то такое, чего не понимает, я обязан либо сразу убить тебя, либо в жесте особого милосердия, в котором я никогда замечен не был, вернуть обратно в ад. С тем чтобы никогда больше оттуда не выходила. Там за этим проследят особо.

Она посмотрела исподлобья:

— Уже уши прожужжали этим правилом. Еще там, в уютном теплом месте.

— Внизу должна быть дорога, — сказал Азазель.

— Ты здесь был?

— Давно, — буркнул Азазель.

— Все могло измениться...

— Все реки текут вниз, — отрезал Азазель, — а дороги прокладывают тоже не по вершинам гор... Выходим! И не

ропшите! Никто не должен видеть, как появляемся из ниоткуда или исчезаем так же внезапно.

— А мы здесь кто? — спросила она.

— Туристы, — пояснил он. — Любители диких мест. Прочь от цивилизации, восторг перед древними руинами...

Аграт поморщилась:

— Изображать таких придурков?

Азазель сказал с иронией:

— Знала бы ты, что таких две трети всего человечества!.. В прошлом всегда уютнее.

Скалы с каждым шагом отступают за спину, щель впереди становится шире, открывая сверкающий мир, где зелено, мир чист и светел, и Михаил наконец ощутил, что его шаг становится все шире.

Наконец каменные стены ушли за спины, навстречу двинулся мир чистый и светлый, почти весь из синего безоблачного неба.

Азазель лавировал между глыбами камня, перепрыгивал, проскакивал, впереди наметилось что-то вроде дорожки.

Спуск крутой, неудобный, Аграт сказала с иронией:

— Азазель, ты в старости стал таким осторожным?

— Я им всегда был, — ответил Азазель мирно. — И потому все еще жив... а мои враги нет.

Михаил смолчал, не желая поддерживать демона, хотя, конечно, Азазель прав, здесь никто не увидит, как они трое появились из ниоткуда.

— Вон там внизу домик, — сказал он. — Мы к нему?

— Точно, — сказал Азазель. — Это постоянный двор. Гостиница.

— Не так уж и далеко, — сказал Михаил. — Тем более дорога все время вниз. А что случилось с Гамалиэлем?

Азазель ответил на ходу, не поворачивая головы:

— Когда-то он был только светлым ангелом. Весь из чистоты и света! Такими и люди бывают в самом раннем детстве, когда еще не умеют лгать... Но способность пить из двух источников, сфирот и клипот, привела к тому, что...

Он умолк, махнул рукой в безнадежном жесте и шел дальше молча.

Аграт промолчала, вряд ли даже поняла, Михаил сказал осторожно:

— Азазель, ты бы удержался. Знаю, лакал бы из обеих, это ж твоя натура, но пить из сфирот не перестал бы.

— Гамалиэль тоже пьет, — ответил Азазель убитым голосом, — но уже все реже и реже. А из клипот почти постоянно. В этом случае его зовут уже Нихшиэлем. Скоро таким останется. Уже навсегда.

— Что он сказал о будущем?

Азазель отвел взгляд:

— Да, собственно... не успел. Только поздоровались, он тут же сделал глоток из клипот. А дальше сам понимаешь... Это как хороший коньяк, только лучше...

— Ну ладно, — сказал Михаил, он тоже старался не встречаться взглядом с Азазелем, не стоит говорить, что все слышал, — ничего не меняется?..

Азазель подумал, покачал головой:

— А что остается? В самом худшем случае погибнем чуть раньше остального мира. Но, может быть, и спасемся. Заодно и весь остальной мир спасем.

— Заодно, — повторила Аграт. — Хорошо сказано. По-азазелевски!

Крутая дорога, по которой иногда скользили, съезжая на спинах, привела вниз, а там в километре высится на перекрестке двух дорог крохотный двухэтажный домик. Возможно, в самом деле гостиница, как сказал Азазель.

Бианакит поднялся им навстречу из-за стола в обеденном зале. Крепкий, похож на ветерана многих войн, что отслужил по контрактам и теперь путешествует по миру, наслаждаясь его красотами. Лицо оставалось неподвижным, даже когда увидел рядом с Азазелем и Михаилом еще и яркую Аграт, в которой легко увидеть спецназовку, играющую в туристку.

— Привет, дорогой друг, — произнес Азазель приветливо, — как хорошо, что ты нас здесь отыскал!

Говорил он громко и сердечно, явно для присутствующей в дальнем углу пары пожилых туристов в чересчур молодежной одежде, что хоть и не по возрасту, но для карабканья по горам и даже для прогулок по дикой местности очень даже хороша.

Аграт тоже поняла, шепнула:

— А давай я их убью!

Азазель ответил ей взглядом, в котором Михаил и Бианакит прочли отчетливое «Молчи, дура». Азазель же обнял Бианакита и усадил за стол.

— Уже оттрапезовал?.. Ничего, посмотришь, как мы едим. Я вообще лучший едун на свете! Сразу и сам хочешь опять и снова.

Бианакит улыбнулся одними глазами, а массивное лицо оставалось таким же неподвижным, словно вырубili из камня долотом и молотом.

Заспанный официант принес стандартный набор блюд, Азазель похвалил, Михаил смолчал, настоящие мужчины не перебирают, Бианакит тоже ел спокойно и равнодушно, словно пилил дерево, только Аграт сказала с неудовольствием:

— Рыба холодная, салат какой-то вялый, а мясо пережаренное...

— Лопай, — велел Азазель, — что дают. Щас для тебя побегут свежий салат собирать на огороде!

— А стоило бы, — буркнула она.

Михаил смотрел с неудовольствием, как она брезгливо ковыряется в тарелке, сам поел быстро и не прислушиваясь к ощущениям, но Азазель все равно опередил, вытер последним ломтиком хлеба пустую тарелку и, отодвинув ее, нетерпеливым жестом велел официанту подавать кофе.

К счастью, кофе оказался горячим, крепким и сладким. Михаил пил с наслаждением, Бианакит спокойно и без видимых эмоций, только Аграт скривилась и сказала с неудовольствием:

— Недостаточно крепкий!

Азазель заметил:

— Этот кофе можно намазывать на хлеб. Это недостаточно?

— Я пила такой, — похвасталась она, — который можно было резать ножом!

Азазель молча расплатился, поднялся, Аграт встала с чашкой в руке, допила уже на ходу и вручила пустую официанту на выходе.

— Я снял две комнаты, — сказал Бианакит.

Михаил, ничего не спрашивая, поднялся с Азазелем и Аграт по ветхой лестнице на второй этаж, Бианакит вытащил из кармана ключи, один отдал Азазелю, второй сунул Михаилу.

— Пока постояльцев мало, — сообщил он. — Туристический сезон вот-вот начнется, тогда здесь будут спать и во дворе на сеновале.

Азазель кивнул, вставил ключ в дверь их номера. Аграт сказала за их спинами:

— А я пока осмотрюсь в самой гостинице, а потом приду!

Михаил уловил в ее голосе то ли обиду, то ли угрозу, но Азазель не среагировал, распахнул дверь и жестом велел мужчинам войти в номер.

Комната при всей ее бедности, если сравнивать с апартаментами Азазеля, выглядит роскошной, все-таки помимо трех кроватей и шкафчиков, еще и широкий экран телевизора на стене с крупным блоком компьютера под столом, которых не было даже у императоров могущественного Рима.

Даже холодильник и прочие мелочи делают комнату исполненной магии, хотя да, уже понятно, это не магия, а доведенное до совершенства умение людей делать такие вещи, которые может понять только сам Господь.

Азазель швырнул рюкзак в угол, хотя рядом на стене удобная вешалка на все случаи жизни, от шляп и до обуви, ненадолго скрылся в туалетной комнате, а когда вышел, Михаил осторожно поинтересовался:

— Ты можешь сказать, из-за чего такой переполох и спешка?

Азазель сел на кровать, игнорируя легкие пластиковые кресла, подумал и лег, закинув руки за голову.

— Это старая история, — проговорил он с неохотой.

— Для тебя, — напомнил Михаил с сердцем. — Я многое пропустил, сам знаешь.

Азазель снова подумал, Михаил посмотрел на его отрешенный вид и заподозрил, что Азазель размышляет о чем-то ином, а может, еще и переговаривается с кем-то из своих, но наконец Азазель обратил на него внимание, хотя во взгляде проступило сомнение, а заговорил с заметным неудовольствием:

— Нужен ли тебе ответ прямо сейчас?... Ну ладно, когда Адама и Еву изгнали из рая...

Михаил сказал злее:

— Еще с сотворения мира начни!

Азазель подумал, ответил со вздохом:

— Так было бы правильнее, ты молодец, все понимаешь, но лучше я тебе дам укороченный вариант, хорошо?

— Сильно укороченный, — попросил Михаил. — Так можно? И даже усеченный!

— Еще как, — ответил Азазель. — Хотя, конечно, сотворение мира тоже имеет прямое отношение, ну да ладно, пропустим... Так вот, когда Адама и Еву изгнали из рая, у входа поставили архангела с огненным мечом в руке. Дескать, будет преграждать людям путь, чтобы те не пытались вернуться...

Михаил спросил с сомнением:

— А что, Адам и Ева пытались?

Азазель покачал головой:

— Нет, конечно, но тогда еще не знали суть человека и его упрямство. Господь, конечно, знал, Он недоступен звону злата, а мысли и дела уж точно знает наперед! Однако дело в том, что архангел точно исполнял приказ, неизвестно от кого исходивший...

— От Метатрона?

Азазель посмотрел на него с укором:

— Метатрона тогда не было! Это же Енох, которого взяли на небо живым, а там уже как-то втерся в такое доверие, что стал фактически заместителем Творца и его официальным Голосом... В общем, как сам знаешь, Уриил усердно бдил, чтобы людей не пустить обратно в рай... Он же вроде тебя, честный и очень исполнительный.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

Глава 1

Бианакит, что разлегся было на соседней кровати, кивнул, дескать, о таком слыхивал, поднялся, мощный и подтянутый, настоящий воин, всегда готовый к схватке.

— Пойду закажу на дорогу, — сказал он. — На сколько?

— Дня на три, — ответил Азазель. — Сухой паек. И большой термос с кофе. Мы же туристы.

Бианакит молча вышел. Михаил проводил его взглядом и проговорил дрогнувшим голосом:

— Боюсь догадываться, что случилось...

— Михаил, — сказал Азазель серьезно, — ты все смышленнеешь. Уриил вроде тебя, точно исполнял приказ. Это так удобно — исполнять то, что велено свыше! И никому не пришло в голову, что охранять нужно не только от людей!.. Понял только Сатан. Он проник достаточно легко, хотя вообще-то отрицает, но кто поверит Отцу Лжи?.. Либо он, либо тот, кому он сказал. Во всяком случае, вскоре обнаружили, что в заброшенном саду кто-то побывал. Из Древа Познания, с которого нельзя было людям срывать плоды, некто не только нарвал плодов, но и нарезал веток!.. Не знаю, то ли была попытка вырастить где-то еще, такое заранее обречено, то ли поняли, какой мощью обладает сам состав дерева.

— А он обладает?

Азазель посмотрел с жалостью:

— Ты прелесть, Мишка. Настоящий кадровый военный. Что тебя не касается, то и знать не желаешь. Не желал, прости... Сейчас ты вроде в краткосрочном отпуске, и хотя солдат всегда солдат, но смотришь на природу, что для военного только ландшафт, и начинаешь интересоваться не только Уставом...

— Не отвлекайся.

— Дерево, — произнес Азазель почти с жалостью, — было от тебя на расстоянии протянутой руки, а ты не знал, что хотя оно на земле, но на самом деле вне земли?

Михаил ответил с неловкостью, но одновременно и с достоинством кадрового военного:

— Ты прав, я считал правильным знать только то, что мне положено.

— Нельзя стать хорошим солдатом, — согласился Азазель, — без некоторой доли глупости. В общем, в Древе Познания звездная мощь, как обычно здесь говорят, когда нужно подчеркнуть что-то невообразимо грандиозное, но что такое звездная мощь? Так, пустячок. В том Древе была мощь... не знаю, возможно, Йецира, а то и вовсе Ацилута. Но рай был схлопнут за ненадобностью, теперь уже не узнать. Дерево Познания могло менять реальность, ускорять и замедлять время, а то и останавливать, а еще оно могло... да ладно, человеку предназначено было к нему прикоснуться только после завершения Великого Плана Творца!

Михаил сказал с задумчивости:

— Значит, Сатан? Но почему тогда...

— Вряд ли Сатан, — сказал Азазель с сомнением. — Я сам ему не верю, но в данном случае как-то все слишком не в его характере. Сатан настолько горд и уверен в себе, что, будь у него часть того Древа, воспользовался бы сразу! Но раз этого не случилось, то совершивший это

затаился и либо выжидает удобное время, либо в данное время не в состоянии туда добраться.

Михаил вздохнул:

— Будь у меня такое, любое время считал бы удобным.

— Ты тоже прям, — согласился Азазель, — как и Сатан. Потому вы и схлестнулись... Но среди созданий Господа есть ангелы хитрые, есть умные, а есть и расчетливые... Кто-то хочет действовать наверняка.

Михаил вздрогнул, глаза расширились:

— Ох...

— Что, — спросил Азазель быстро, — что надумал?

— Я уже начал было перебирать всех, — ответил Михаил несчастным голосом, — кого знаю! Думаю, так действовал и ты, потому и остановился на Кезиме, который мог и хотел, но находился в заключении?

Азазель посмотрел на него с интересом:

— А ты еще и размышлять можешь! Для солдата нехило.

— Но ты же так думал?

— Так, — подтвердил Азазель, — только быстрее.

— Но если вырезавший кусок дерева уже в аду или на земле?... Демонов не знаю, а у вас много новых.

— Не у нас, — уточнил Азазель, — я туда заглядываю редко. Чтобы навестить друзей, обменяться новостями. Я не обитатель ада, не приписывай мне смену местожительства. Пока все указывает на Кезима. К тому же он собирался на землю, как только освободился из Шеола, а это тоже для него нехарактерно. Понимаешь, он в последний раз был здесь за сутки до того, как наш Всемиловистейший и Добрейший сжег огнем со всеми его жителями Содом и Гоморру, как у нас говорят, не уточняя, что заодно еще полтыщи крупных городов и неизвестно сколько мелких, а сверху еще залил лавой толщиной в два копия... Понимаешь?

Михаил сказал невесело:

— Значит, это Кезим... скорее всего.

— Да, — ответил Азазель. — Есть еще и косвенные данные, но достаточно смутные и неясные. Однако их много, потому их тоже беру в свое высокое внимание... Ладно, ключ от соседнего номера у тебя. Иди отдохни, завтра на рассвете уже столкнемся с тем... с чем даже демоны предпочитают не сталкиваться.

Хлопнула дверь, в номер зашла Аграт, огляделась.

— Три кровати?.. А моя комната рядом или где?

Азазель указал взглядом на третью койку.

— Вон твоя. А для Мишки отдельная, потому что человек.

— А я самка, — сказала она обиженно. — Можно сказать, вообще женщина.

— Вот-вот, — отрезал Азазель суровым голосом. — Именно потому и будешь под нашим надзором, что не только самка, но еще и женщина!

Она с неудовольствием оглянулась на молчащего Михаила.

— А ты, красавчик, — поинтересовалась дразнящим голосом, — что умеешь?

Михаил пожал плечами, отвечать не стал, а она повернулась к Азазелю. Тот буркнул:

— Вопрос слишком общий. Мишка парень простой, конкретный.

Она снова развернулась всем телом к Михаилу, красиво выпрямилась, выпячивая грудь.

— Если ты конкретный, то вот тебе прямой вопрос. Не страшно с нами?

Михаил ответил холодно:

— Вопрос был брать или не брать тебя, а не меня.

— Я из элиты, — сообщила она гордо. — Вряд ли ты когда-то сумеешь делать то, что я могу одним мизинцем.

Михаил ответил равнодушно:

— Не спорю. Я не смогу делать то, что ты делаешь мизинцем.

Она посмотрела с подозрением:

— На что намекаешь?.. Азазель, он старается меня оскорбить?

Азазель расхохотался:

— Аграт... перестань. Мишка абсолютно не понимает шуток. Он цельная натура!.. Честный и прямой солдат. Ничего больше. И никогда ничего не говорит с подтекстом. Это мы сами додумываем, а потом обижаемся.

— Я не обижаюсь, — заявила она. — Я добрая. Я только злюсь, а потом убиваю обидчиков.

— Убьешь Мишку, — сказал Азазель очень серьезно, — я тебя сам убью немедленно. Не слушая никаких оправданий.

Она сделала большие глаза:

— За что? Он всего лишь человек!

— Дура, — сказал он с холодком. — Посмотри, какой замечательный мир они отгрохали!.. Куда там тому раю!.. Потому и закрыли за ненадобностью... Кое-кто уже сообразил, что Господь все видел наперед, потому и отдал этот мир людям, а не нам, красивым идиотам. И, уверяю тебя, каждый человек ценен для Господа больше, чем все сто миллиардов ангелов, вместе взятых, не говоря уже о такой ерунде, как демоны!

Она испуганно умолкла, даже ростом стала меньше, втянув голову в плечи, только испуганно поглядывала на неизвестно почему разъярившегося Азазеля, который даже в жестоких битвах оставался спокоен, ироничен и насмешлив.

— Ну ты даешь, — проговорила она наконец тихонько и смиреннейшим голосом. — Чего сердишься?.. Не стану

я его убивать, он же член команды!.. Это потом, когда закончим с Кезимом, тогда и убью.

Михаил смолчал, Азазель ответил со вздохом:

— К тому времени он будет так силен, что сам тебя убьет, если пожелает. Люди развиваются очень быстро, дурочка!.. Так что будь с ним вежливой. Люди злопамятны, это в них от Каина. А в Каине сама знаешь от кого.

Аграт поднялась, тихая и смирная, как послушный ребенок перед строгим воспитателем.

— Пойду помогу Бианакиту.

— Помоги, — разрешил Азазель. — Но брать только продукты, а не помаду двенадцати цветов и ста оттенков, коробочки с тушью для ресниц, щеточки и всякие ваши мази и втирания...

— Не издевайся, — огрызнулась она, — у меня татуаж! Еще там, дома, сделали. Все здешние татуажники попадают к нам, не знал?

Она вышла, а когда дверь за нею захлопнулась, Михаил зябко повел плечами:

— Мне она очень даже не нравится... Ладно, кто этот Кезим?.. Если вдруг не успеем?

— Если он раньше нас заберет из тайника, — сообщил Азазель мрачно, — мощь его возрастет просто неизмеримо. Возможно, уничтожит этот мир.

— А если, — спросил Михаил медленно, — придем туда одновременно?

Азазель вздохнул:

— Очень бы не хотелось. Нас четверо, а Кезим в одиночку не ходит. Четверо против сорока или сколько там у него будет?.. Знаешь ли, я бы поставил на команду Кезима.

— А сам Кезим... он кто из демонов?

Азазель сказал невесело:

— Может, ты еще не забыл, в аду все демоны делятся на группы, если их так можно назвать, хотя это и не группы. Высшую ступень занимают демоны Власти... Или это пропустить?

Михаил сказал с неудовольствием:

— Как будто не догадываешься, я не мог забыть того, чего и не знал.

— Ах да, — ответил Азазель скорбно, — как же, аристократы духа, что вам извозчики преисподней... Ну ладно, на высшей ступеньке там Люцифер, Астарот и Везельвул. Следующую ступеньку занимают демоны Братства... Перечислять не буду, уморишься. Еще ниже демоны Жрецы. Перечислять не буду тоже, уморишься совсем, это слишком тяжелая для солдата мыслительная работа. Скажу только, что среди них разделение на три группы: сильные демоны, средние демоны и низшие демоны.

— Кезим из сильных? — перебил Михаил..

— Да, — ответил Азазель. — Тебе повезло! Ты же любишь драться, верно? Просто обожаешь, знаю. А я люблю смотреть, так что все в выигрыше. Кезим очень сильный демон! Вообще все Жрецы управляют энергиями этого мира, а это значит, Кезим может черпать энергию от клипот и антисфирот столько, что противнику мало не покажется. Его отец, Сэт, из братства Хаоса, глава группы Жрецов. У него с десятков детей, но Кезим — первенец. Характер Кезима — строгий, серьезный, агрессивный, жесткий. Он из подгруппы боевых Жрецов Хаоса.

Глава 2

Михаил нервно дернул щекой, каждое слово Азазеля будто бьет молотом по пальцам.

— Чем этот Кезим дерется?

— Чем ни попадя, — ответил Азазель с подъемом. — Боевой жрец, этим все сказано! Прекрасно владеет мечом, топором и прочими колюще-режущими, а также может так засадить молнией или глыбой льда, что только ахнешь от восторга!.. Ты же ахнешь, верно?.. Есть упоение в бою... Как там дальше?.. Ты же упайваешься, я угадал? Со времен драки с Сатаном не дрался по-настоящему, соскучился?

Михаил поморщился, сказал сухо:

— Чем с ним лучше сражаться, если вдруг?

— Колюще-режущим, — ответил Азазель уверенно и очень серьезно посмотрел Михаилу в глаза. — Чтобы все было честно! Ты же честный, а еще и благородный воин? Не то что я, чернь, да еще и очерненная вышестоящими товарищами. Однако, учитывая, что он может управлять стихиями, чего не можешь ты, то имеешь право на применение огнестрельного оружия.

Михаил вздохнул, спросил с надеждой:

— Против него пойдет?

— Абсолютно нет, — заверил Азазель. — Он же сам властелин стихий, так что твои пули либо насквозь, не причинив вреда, либо... а вообще-то не знаю. Я мирный самаритянин, драться не люблю, всегда предпочитал с трибун Колизея смотреть на всяких там спартаковцев на арене... Если тебя побьет, буду знать, с пистолетом идти бессмысленно. Хотя насчет гранатомета не знаю...

— Ну хоть знание получишь, — буркнул Михаил.

— Знание — сила, — бодро подтвердил Азазель, — сэр Бэкон заметил точно. Люблю людей, обогнавших время!.. Уверен, люди в будущем его обязательно воскресят в числе первых... О чем это мы?.. Ах да, как тебя будут истреблять и убивать!

— Давай дальше, — сказал Михаил, стараясь не выказывать раздражения.

— Самое хреновое, — сказал Азазель уже мрачным голосом, — что энергия клипот и антисфирот помогает не только в бою, но и... гм... после боя.

— В смысле?

— Он может восстановиться очень быстро, — пояснил Азазель. — Мелкие и средние демоны просто исчезают, а демоны ранга Кезима в преисподней восстанавливаются и снова выходят, полыхая местью. Но у них обычно на это уходят годы, хотя и это не подарок, но Кезим даже в случае гибели восстановится за месяцы... нет, даже за недели. Боюсь сказать такое, но, может быть, при его мощи и поддержке его отца, главы группы Жрецов, восстановится и за дни.

Михаил охнул:

— Шутишь?.. Он что, бессмертный?

— Можно сказать и так, — ответил Азазель нехотя. — Дискретное такое бессмертие... Не прямое, а прерывистое. Но без элементов квантовой неопределенности.

Михаил ощутил неприятный озноб, человеческое тело реагирует само по себе, спросил с надеждой:

— А если не убивать, а связать и заковать в какой-нибудь саркофаг?.. Облечь со всех сторон скалой, как пытался тебя тот демон из сланцевых залежей нефти?

— Андреальфус? — сказал Азазель. — Видишь, ты уже начинаешь мыслить не так прямо, как солдат, а уже как унтер-офицер... Если облечь камнем с помощью заклятия, то Сет и его родня сразу отыщут место и освободят. Но ты прав. Если сами люди закатают его живьем в бетон и в большой глыбе сбросят на морское дно...

— Или мы сами, — сказал Михаил, — но без магии, чтоб не засекали?

— Вот-вот...

Он задумался, брови сдвинулись над переносицей, некоторое время размышлял, Михаил даже затаил дыхание, наконец Азазель сказал с досадой:

— Слишком много сложностей. В целом понимаю, как сделать, но больно трудоемко, а в таких случаях обязательно что-то рухнет, обломится, пойдет криво, косо, в обратную сторону...

— Тогда как? — спросил Михаил.

Азазель ответил с досадой:

— По обстоятельствам.

— Да-а, — протянул Михаил, — никогда не думал, что услышу от тебя. Это я должен был сказать!.. А ты бы предлагал хитрые многоходовые решения...

— Ничего в голову не лезет, — признался Азазель. — А время поджидает. Ладно, иди спать, а утром на рассвете выступим. Или что-то хочешь посмотреть?

— Посмотреть не хочу, — сказал Михаил, чувствуя, как нарастает раздражение, — но теперь, когда мы на месте, может быть, раскроешь свои тайны? Что мы ищем в долине, которую однажды Господь поразил своим нещадным гневом?

Азазель поглядел на него с сожалением:

— Миша, смотри ширше...

Михаил огрызнулся:

— Я тебе не Миша!

— Как скажешь, — ответил Азазель, — сам будешь просить, а я еще покочевряжусь... В общем, ты как слепец, уткнувшийся в жопу слона и потому решивший, что слон — это нечто круглое и мощно пукающее. На самом же деле слон, как я уже сказал, ширше и объемнее. В смысле в Содоме и Гоморре произошло то, что и по всему, так сказать, региону. Что такое регион, объяснить?

— Не надо, — отрезал Михаил в нетерпении, — догадываюсь. Что произошло? Господь поразил их тоже?

Азазель ответил уклончиво:

— Многие земли во все стороны от Содома и Гоморры на полтысячи миль, жирные и плодородные, где было много воды и которые приносили по три урожая в год, за один день стали мертвыми и жаркими. Триста лет не было ни единого дождя, и земля превратилась в сухой твердый камень.

— Триста лет? — ужаснулся Михаил.

Азазель продолжил мрачно:

— А заселить те земли никто даже не пытался две тысячи лет... с той страшной ночи!.. Все великие и малые города были уничтожены по всему огромному региону. В землях, где теперь Турция, было уничтожено начисто больше трехсот городов, в том числе и Троя. Сгинула греческая цивилизация и никогда уже не поднялась до прежних высот. Уровень Нила резко упал, пустыня моментально захватила ранее процветающие регионы с великолепными лесами, лугами и пастбищами, строительство пирамид оборвалось, страна резко обеднела и погрузилась в дикость...

Михаил спросил со священным трепетом в голосе:

— Их Господь... тоже?

— На Землю грохнулся огромный метеорит, — напомнил Азазель, — что еще при входе в атмосферу разломился на части. Ты не представляешь, но атмосфера планеты для таких скоростей что каменная стена... Проломить — проломил, но сам разбился о воздух... да-да, о воздух можно разбиться!.. и рассыпался на куски. Эти куски, грохаясь на землю, вызвали землетрясения, пробуждение старых и новых вулканов, пожары и резкое изменение климата. Так что это и есть тебе развернутый ответ: Содом и Гоморра всего лишь символ! Бесчинства творились по всей земле в том регионе, когда Господь решил все это выжечь разом.

Михаил проговорил с напряжением в голосе:

— Голова трещит... Не могу разобраться... насчет ипполинского метеорита звучит так убедительно... Но как это можно, когда все было не так?

Азазель посоветовал хладнокровно:

— А не бери в голову, а то свихнешься. Старые истины никогда не сдаются без боя и даже длительного и упорного сопротивления. Потому две реальности, два взаимоисключающих мнения могут сосуществовать довольно долго. Как Академия наук и Вселенская церковь. Подумай лучше, где отыскивать сам Сигор. Это труднее, чем размышлять о том, о чем размышляешь ты... А то совсем диванным стратегом станешь.

По его тону Михаил понял, что эти диванные стратегии что-то совсем уж презираемое и постыдное, потому на всякий случай устыдился, но все равно с ходу не мог понять, где искать этот самый Сигор.

Насколько он помнил, Аврааму было велено через ангела покинуть Месопотамию и поселиться в Ханаане. В Ханаане в это время был голод, Авраам с племянником Лотом поселился в Египте, выждал пока в Ханаане все наладится, и переехал туда опять же с Лотом.

Но между пастухами Авраама и Лота завязалась драка из-за права пользования пастбищами. Авраам понимал, что подрастающий щенок будет все больше показывать зубки родному отцу, потому мудро предложил разделиться.

Лот с семьей откочевал на восток и раскинул шатры в долине реки Иордан возле богатого и цветущего города Содом. Как писали все тогда, долина «орошалась водою, как сад Господень, как земля Египетская». И вместе с Содомом там располагались пять огромных и великолепных городов в расцвете всей славы и могущества: Содом, Гоморра, Севоим, Адма и Сигор.

Управляли ими пятеро мудрых царей, располагавшие крупными и хорошо обученными армиями. Они в любой момент, если бы захотели, могли напасть на союз месопотамских вождей и разгромить их наголову.

Михаил слушал, хотя, в общем, уже знал эту историю, но Азазель говорит красочно и добавляет такие детали, о которых Михаил никогда не слышал, знал только приглаженную версию случившегося.

— Лучше бы воевали, — пробормотал Михаил, — чем предавались плотским утехам, чревоугодничали и презирали соседей...

— Правда? — спросил Азазель с сомнением. — Хотя тогда, наверное, уцелели бы... Все-таки война — двигатель прогресса!

— Кажется, — сказал Михаил, — я знаю примерно, где искать Сигор.

— Давай, хрюкай!

Михаил поморщился:

— Поосторожнее с эпитетами. Когда Господь через ангела велел Лоту забирать семью и бежать из Содома, Лот быстро прикинул скорость свою и своих домочадцев и понял, что с такими бегунами ему не успеть выбраться из долины. Поток раскаленной лавы все равно догонит и превратит их тела в обугленные кости.

— Ну-ну?

— Он взмолился к Господу, как ты знаешь, и ему был глас, что для него лично Господь на сутки пощадит Сигор. Там Лот переночует, но на рассвете должен уходить и оттуда.

— Ход твоих мыслей мне нравится, — сказал Азазель заинтересованно, — хотя в них и нет ничего непристойного или даже неприличного... Сигор должен располагаться где-то ближе к выходу из долины, а к тому же не

на линии разлома коры, как Содом и Гоморра... Это уже сужает поиск... Ну а как ты? Готов?

— Я же здесь, — ответил Михаил гордо.

Азазель взглянул на него с сожалением в глазах:

— Боюсь, бой будет не только тяжелым, но и с неясным исходом. А ты выступаешь сильно ослабленным, хотя мог бы усилиться, если бы переселился в тело демона. Конечно, если погибнешь, то не погибнешь так уж совсем и вовсе, а вознесешься в Брий, но оттуда тебя сюда уже не отпустят... Для нас это все равно что погиб.

Михаил спросил настороженно:

— К чему ты ведешь? Чтоб я покинул это прекрасное тело ради усиления своей мощи?

Азазель пожал плечами:

— Вообще-то все стараются усилить свою мощь, это нормально даже для безобидного кузнечика. Тебя, как архангела, всегда будут находить по всплескам чистой энергии и выбросам первозданного света. Всплески могут улавливать только ангелы и демоны, а вспышки света засекут даже люди, а это такие любопытные существа, что в своей настырности похуже демонов.

Михаил сказал твердо:

— Я не могу отступить от своей священной миссии. Буду находить и отправлять в ад демонов! А буде наткнушь на ангела-отступника, того заброшу прямо на небесный суд.

— Хорошо-хорошо, — сказал Азазель торопливо, — ты только не кипятись!.. Я же не отговариваю. Напротив, хочу эту твою сра... славную миссию сделать успешной, а то оборвется в самом начале. А мне будет печально, я только начал ржать и веселиться!

Михаил буркнул:

— Ну-ну, только не лги.

— Как это не лгать? — оскорбился Азазель. — Должен же я получать удовольствие от созерцания обманутых дураков?.. У меня вообще-то есть решение.

— Снова какая-то ловушка?

— Чего, — спросил Азазель, — какие ловушки? Я тебе что, ставил?

— Наверняка, — отрезал Михаил.

— А как еще жив и даже не в цепях?

— Потому что твои цепи для меня, — отрезал Михаил, — что паутина для слона. Ну, что за мерзость предлагаешь в этот раз?

Азазель сказал с глубоким вздохом:

— Неблагодарный... Другой бы обеими руками ухватился...

— Я не другой!

— Ах да, ты же высший архангел, глава небесного воинства, ну как я посмел тебе такое предложить..

Он церемонно раскланялся и отступил, Михаил раздраженно буркнул:

— Не фиглярничай.

— Скорее всего, — сказал Азазель, — нам не обойтись без драки. А драка будет ой-ой! Без огненного меча сгинешь, как жаба под колесом, и воробей не чирикнет. А с огненным мечом победишь, но это одноразово. Моментально засекут по всплеску и... выдернут. За самоуправство и несанкционированные действия. У тебя нет выхода, кроме как самому стать... демоном.

Михаил дернулся, рука метнулась к рукояти незримого огненного меча.

— Ты...

Азазель увидел изменившееся лицо Михаила, расхохотался:

— Увидел бы ты сейчас себя!

Михаил сказал резко:

— Ничего смешного.

— Прости, — сказал Азазель в самом деле серьезно, — я пошутил, хотя в каждой шутке, как здесь говорят, есть доля и самой шутки. Вообще-то становиться демоном тебе не придется.

— Еще бы, — отрезал Михаил. — Я убью каждого, кто посмеет это произнести вслух!

Азазель выставил перед собой ладони:

— Не возражаю, убивай придурков, забывших, что высшие демоны — это те же ангелы, всего лишь низвергнутые в ад. По крайней мере, первое поколение демонов. У нас одна природа, а различаемся только тем, что у нас все связи с прежним миром прерваны, а у вас они неразрывны... И потому наши деяния сокрыты, а любое твое движение здесь вызывает там, в небесном мире, мощные всплески. Как и здесь, впрочем.

Михаил спросил враждебно:

— Что ты предлагаешь, хитрейший из демонов?

Азазель чуть наклонился вперед и, глядя неотрывно ему в глаза, произнес отдельно:

— Ты должен поступить так же, как тогда, когда спасал умирающего ребенка.

— Говори яснее, — потребовал Михаил.

Он чувствовал приближающуюся угрозу, что очень не нравилось, но Азазель предельно серьезен, а это еще хуже, чем когда веселится.

— Жертва, — напомнил Азазель. — Ты должен пойти на жертву ради великой цели...

— Догадываюсь, но от тебя это звучит как-то зловеще.

Азазель договорил:

— Пойти на жертву и надеяться, что она будет принята.

— Говори, — повторил Михаил.

— Ты должен прервать связь с небесами, — сказал Азазель, отшатнувшись, увидев взбешенное лицо Михаила. — Временно, временно!.. Чтоб тебя не отыскивали по всплескам. Ни там, ни здесь. Если бы можно было сделать так, чтобы там тебя видели, а здесь нет...

Михаил хотел уже ответить достойно, однако Азазель достойных доводов не понимает, ему нужна примитивная логика, он сказал сдержанно:

— Прости, Азазель, это будет ошибкой. А если там, наверху, снова отыщется предатель?.. И моя тайна раскроется?

Азазель помолчал, развел руками:

— Ты прав... Я просто хотел как-то облегчить.

Михаил поднялся:

— И вообще, Азазель... подумай, о чем ты говоришь! Разорвать связь с небесами? А зачем тогда жить?

Он пошел к дверям, у самого порога догнал грустный голос Азазеля:

— Ты в самом деле сможешь спать спокойно, зная, что мог бы спасать людей? Но из-за своей закоренелости отказываешься? Подумай, что сказал бы Господь?

Глава 3

В комнате, которую Бианакит по приказу Азазеля снял для него, он тоже бросился на постель и лег, закинув ладони за голову. Хорошо бы сразу заснуть, утром ожидаются трудности, но, хотя усталое человеческое тело покусывает, требуя отдыха, взбудораженные мысли носятся в черепе, как рассвирепевшие пчелы в улье.

Мозг кипит, быстро прогоняя в памяти все случившееся с того момента, как он впервые предстал перед Азазелем, а тот так умело прикидывался испуганным...

Почему снова это ощущение, что Азазель не только недоговаривает, это понятно, и это не скрывает, но использует его в неких еще и личных интересах? И еще расставил ловушки, в которые он то и дело попадает?

Дверь без скрипа отворилась, в комнату вошла Аграт. Халат соскользнул с ее плеч, осталась совершенно нагая, с прекрасным и зовущим телом, посмотрела на него с вызовом.

На бледных щеках проступил румянец, а полные красные губы стали еще ярче. Он ошалело застыл, а она, не дождавшись реакции, грациозной походкой пошла к нему, прямая и с широкими плечами, но тонкими ключицами в запавших впадинках. Крупная грудь с вызовом смотрит ему прямо в лицо, бедра двигаются словно в замедленном танце, красиво и провоцирующе.

Он опомнился, поспешно вскочил с кровати:

— Эй-эй! Ты... чего?

Она сказала чарующим голосом:

— Думаю, лучше эту ночь провести с тобой.

— А я так не думаю, — ответил он враждебно. — Извини. Здесь только одна постель.

Она остановилась, в изумлении вскинула брови, узкие и красиво изогнутые длинными дугами. Глаза под длинными густыми ресницами, тоже черными и с красиво загнутыми концами, заблестали, как две звезды в темном небе.

— И что, — произнесла она тем же зовущим голосом, — не поместимся?..

— Нет, — отрезал он решительно.

— Хорошо, — ответила она, — могу позволить тебе лечь сверху.

Он с огромным усилием старался смотреть ей в лицо, не давая взгляду сползать на роскошную грудь, явно призывающую его горячие ладони.

— Женщина, — произнес он как можно более холодным и отстраненным голосом, — это неуместно! У меня есть с кем делить ложе.

Она огляделась по сторонам, заодно показывая грудь и вздернутую задницу с одной стороны и с другой.

— Никого не вижу.

Он поспешно поднял взгляд, это далось с трудом, словно пришлось тащить со дна моря затонувший континент.

— Она в большом городе, — ответил он чуть охрипшим голосом. — Но все равно она со мной, а я с нею.

Она прошла к постели и села на край, упершись ладонями по бокам и покачивая над полом длинными стройными ногами с цветными ногтями. Взгляд ее стал еще насмешливее:

— Это как?

— Животным не понять, — отрезал он враждебно, — даже объяснять не стану. Уходи.

Она повела плечами:

— Ты же знаешь, я никогда не показывалась из ада. Это мой первый выход в мир, мне здесь страшно! А ты человек, тебе здесь хорошо. Ты должен успокоить бедную девушку.

— Это ты-то бедная? — спросил он с сарказмом. — А кто меня убить обещал?

Она сказала с тем же насмешливым блеском глаз:

— Это я так, со страху.

— Несмешно, — сказал он холодно. — И не брешь, ты в этом Сигоре отжигала по полной, как и в Содоме.

Она с самым независимым видом двинула плечами:

— Это не брехня, а желание тебе понравиться, прикидываясь чистой и непорочной. Ты должен похвалить меня за такую милую и невинную ложь, а не кривить харю.

— Буду кривить, — отрезал он.

— Азазель велел Бианакиту взять две комнаты, — напомнила она. — Одну для нас, настоящих, вторую для человека. Третьей свободной в гостинице не нашлось. Мне либо в комнате с Азазелем и Бианакитом, либо в твоей.

— Азазель разделил верно, — отрезал он. — Там три кровати. Уходи!

— Не хочу, — ответила она.

— Но Азазель...

— Азазель, — уточнила она, — просто взял две свободные комнаты. И сказал, что одна для человека. Другая для нас. Но он не запрещал мне входить к тебе.

Он сказал зло:

— Еще бы! Ему такая дурь и в голову бы не пришла!

Она пожала плечами:

— Плохо ты знаешь Азазеля. Но это неважно, я предпочитаю с тобой, а не с ними.

— А меня, — поинтересовался он с холодком в голосе, — спрашивать не нужно?

— Странно, — проронила она с недоумением, — еще не было мужчины, чтобы не вспылал бы ко мне страстью.

Он ответил резко:

— Я не вспылал. Мог бы сказать хлеще, но не хочу быть грубым. У меня есть нежная и чуткая девушка, мое сердце принадлежит ей.

Она в изумлении вскинула ярко обозначенные брови, густые и в то же время очерченные настолько четко, словно нарисованные.

— И что... она дерется лучше меня?

Он отрезал с достоинством:

— Она вообще не дерется!

— Что, — поинтересовалась она с сомнением, — ее власть настолько велика, что...

— У нее власть только над моим сердцем, — заявил он. — Это важнее, чем все короны мира!

— И как она получила эту власть? — поинтересовалась она деловито.

— Я сам отдал ей сердце, — отрезал он.

Она посмотрела, как на полного дурака:

— Серьезно?.. Зачем? Не лучше ли быть свободным? И спать со всеми женщинами?

— Не лучше, — отрезал он. — Потому... в общем, вставай и уходи.

Она поднялась, сделала пару шагов в сторону двери, Михаил смотрел, как она нагнулась и подняла с пола халат, оглянулась в этот момент и увидела, куда он смотрит, ехидно улыбнулась:

— Слышала, что у людей бывает такая раздвоенность, но не верила... И зачем Творец так над вами поиздевался, вложив искру от Себя в тело животного?.. Ладно, возвращаться к ним я не хочу, засну вон в том кресле. Нет-нет, ты там не поместишься, а я подогну ноги и... устроюсь.

Кресло хоть и на другом конце комнаты, но сама комната размером с чулан, от кровати до кресла можно достать рукой, Михаил стиснул челюсти, но спорить — себе дороже, ответил с неприязнью:

— Как хочешь. Но я бы посоветовал пойти к Азazelю.

— Нет, — ответила она кратко.

Она наконец-то надела халат, он толстый и махровый, даже запахла на поясе, подпоясавшись цветной ленточкой, после чего, как собака в будке, долго устраивалась в кресле, но в самом деле сумела свернуться в такой уютный комок, что поместилась вся, а оттуда попросила:

— Расскажи о своей девушке.

— Тебе не понять, — повторил он, — у нее чуткая, нежная и чистейшая душа...

— А красивая? — перебила она.

— Очень, — ответил он с невольным восторгом, хотя и не хотелось выказывать перед этой наглой тварью. — Она

самая-самая красивая!.. И если кто скажет, что это не так, я его убью на месте.

— Ой, — сказала она, — люди странные, верно? Бараны тоже быются за самок. И какие-то еще особо драчливые птицы.

— А демоны?

Она ответила независимо:

— У нас ни у кого нет прав на женщин. И потому нет этих глупых страстей.

— Несчастные, — посочувствовал он. — Страсти — это ветер в парус жизни.

— Но сейчас она там, а ты здесь, — напомнила она с неким намеком.

— Разлука, — сказал он твердо, — убивает слабое чувство и разжигает сильное, как ветер тушит свечи и раздувает костер!

— Ох-ох, — сказала она насмешливо, — я такой высокопарности не вынесу!.. Спокойной ночи.

— И тебе, — ответил он.

Некоторое время прислушивался, но она вскоре засопела тихо и равномерно. Еще через пару минут он ощутил, как усталость охватывает все тело, а в сон погрузился медленно и незаметно.

Сны шли один за другим по-человечески чувственные и в то же время чистые и возвышенные: он держит Синильду в объятиях, крылья несут его над миром красиво и мощно, а она без страха прижимается к его груди, счастливая и улыбающаяся, он чувствует ее нежность и тепло ее тела, и сердце трепещет от любви, нежности и просто небывалого счастья.

Из сна выныривал медленно и нехотя, в видениях она все еще прижимается к нему, а он держит ее обеими руками, даже обнял огромными белыми крыльями, закрывая от ветра и вообще от всего мира...

И не сразу понял, что продолжает обнимать, по крайней мере его правая ладонь лежит на ее плече, нежном и горячем, а ее голова на его предплечье, даже согнутую в колене ногу забросила ему на живот.

Он вздрогнул, открыл глаза. Да, все верно, на его животе согнутая в колене нога, голова на предплечье, а он придерживает ладонью горячее плечо... Аграт.

Вздрыгнув, несколько мгновений лежал неподвижно, стараясь припомнить, как все получилось, но в голове целый вихрь, кое-как снял ее разогретую ногу, осторожно, стараясь не разбудить, выполз из ее объятий.

Она вздохнула, но не пробудилась, а он опустил ноги на скомканное на полу одеяло, быстро выпрямился и начал одеваться.

Аграт вздохнула, потянулась. Ее ладонь похлопала рядом по подушке, Михаил в злом напряжении видел, как она с усилием распахнула сонные, но уже прекрасные глаза.

Ее затуманенный сновидениями взор не сразу отыскал Михаила.

— А-а-а, — протянула она и сладко зевнула. — Уже встал?.. Еще рано, мог бы и поваляться.

Он спросил резко:

— Как ты оказалась рядом?

Она ответила голосом обиженного ребенка:

— В кресле хорошо засыпать, но спать плохо. Ноги затекли. Тебе все равно, спишь как бревно, вот я и перебралась к тебе... А ты что, против?..

— Против, — отрезал он.

Она спросила с искренним непониманием:

— Почему?.. Я же чувствовала по твоему телу... и даже видела, что ты совсем не против. И еще как не против!

— Это тело не против, — сказал он с силой, — а я против!

Она переспросила с тем же непониманием:

— Но разве тело... не твое?

— Это ты тело, — сказал он зло. — А я не только тело!.. Потому тело подчиняется мне, а не я телу!

Она покачала головой:

— Да, эта интересная особенность, что встречается только у вас, людей... У одних тело командует ими, другие сами подчиняют себе плоть. Таких намного меньше, знаю. Они становятся повелителями не только своих тел, но и народов... Ты тоже вождь?

— Быть хозяином своего тела, — отрезал он, — уже победа!.. Одевайся, бесстыдница.

Она в изумлении оглядела свое тело:

— А что во мне бесстыдного?.. Кожа гладкая и нежная, ты уже знаешь, щупал, еще как щупал, вон синяки... А что хотел изменить?.. Сиськи крупнее?.. Тебе ночью вроде бы нравились. Или расставить их шире?

Он промолчал, а она, не дождавшись ответа, прошлась горделиво обнаженной до сброшенного на спинку кресла халата, сняла и принялась одеваться с той неспешностью, словно это вечернее платье с сотней крючков и застежек.

Он ждал, распаяя в себе раздражение, чтобы подавить естественную реакцию человеческой плоти на сочную обнаженную женщину, от которой даже пахнет по-особенному, словно от козы в запуске.

— Завтракать все-таки приходи, — сказала она насмешливо, — если сумеешь...

Глава 4

Дверь за нею захлопнулась, он некоторое время смотрел вслед, даже не стараясь вникнуть в смысл, грохот доведенной до кипения крови в ушах заглушает все, сжал голову ладонями в злой тоске и ощущении, что выглядит

глупо и нелепо, но и непонятно, как сделать лепо и чтоб не слишком глупо.

Весь мир балансирует на толкованиях того, что хорошо и что плохо. Заповеди прекрасны, как та же гуманная и вроде бы безукоризненная «Не убий», «Не укради», но все же нужно понимать, при всем правильном осуждении убийств есть разница в убийстве ради грабежа и убийстве при самообороне. Кроме того, в том и другом случае есть свои нюансы и градации.

Точно так же должно быть какое-то равновесие между благородной любовью к одной женщине и той главной заповедью, что дал человеку сам Господь насчет плодиться и размножаться.

Но как-то это все неправильно... Человек должен быть возвышаем своими усилиями, нельзя трактовать заповедь Господа как оправдание своим скотским позывам!

Но толкования необходимы, чтоб все понимали эти законы правильно. Плохо, что толкования бывают слишком сложными для простого человека, и он начинает упрощать для своего понимания, а это приводит к тому, что берет закон в свои руки, что всячески поддерживается в потомках Каина фильмами, книгами, комиксами и бурным негодованием простого и очень простого народа.

Но идеальных решений нет, а за спрятанное в тайнике придется скорее всего сражаться.

Дверь хлопнула нарочито громко, Михаил оглянулся, Азазель вошел с привычно насмешливой улыбочкой, но в глазах некое сочувствие, словно должен садануть молотком по пальцу и уже заранее жалеет ударенного.

— Что, — поинтересовался он, — уже проснулся?.. А мне в последнюю сотню лет как-то вот так понравилось это нелепое занятие, но, увы, времени все меньше... А раньше девать было некуда, смешно? Давай выведу на экран самые толковые статьи об этих местах, а то забо-

даешь вопросами. Вот смотри, поиск, ключевые слова, ввод... и перечень статей... Как кликать и читать уже знаешь... Что непонятно, заходи спрашивай, у нас есть полчаса до завтрака. А потом выступаем.

— А Бианацит, — поинтересовался Михаил, — спать не мешал?

Азазель отмахнулся:

— Он не понимает, зачем спать. Отпросился ночью походить вокруг гостиницы. Нравится бдить, охранять и обеспечивать безопасность. А почему не уважить хорошего... гм... а?... Вот читай!

Михаил просматривал быстро, в большинстве статей авторы просто переписывают один у другого, и везде разъясняется примерно то, что уже рассказал Азазель, только здесь еще с детальными фотографиями, чертежами, графиками и короткими роликами со ссылками на ютуб.

Содом и Гоморра находились на линии разлома земной коры, да еще и над богатейшими залежами горючих углеводородов. И когда на Землю грохнулся гигантский метеорит, это вызвало мощнейшее землетрясение, из разломов выметнулся огонь, по всему континенту проснулись вулканы. Весь район Мертвого моря, которое чаще называли Асфальтовым из-за плавающих в нем кусков битума, где многие размером с сарай, а то и дом, оказался настоящей смоляной ямой.

Землетрясение сопровождалось мощными выбросами природных газов и битумов, что моментально загорались от огня домашних очагов. А если учесть, что многие породы с высоким содержанием битума шли на строительство стен и зданий, то можно представить, какой пылающий ад моментально разверзся на месте этих городов.

Битумы в долине с этими пятью городами особо богаты серой, а потоки горячей соленой воды, что позже

выплеснулись наружу, образовали смертоносную смесь горючих газов...

Выходит, города сожгло не огненным дождем? Хотя, конечно, начало исполинскому пожару дали красочно падающие с неба раскаленные добела камни, что и есть Божий огненный дождь...

— Еще не надумал? — спросил Азазель.

Михаил с усилием оторвал взгляд от экрана:

— О чем?

Азазель делано усмехнулся.

— Ну что ты, — сказал он фальшивым голосом. — Я думал, что такую мысль тебе закинул, спать не будешь, начнешь обмусоливать со всех сторон... А ты и не копыхнулся?

— Ты о чем? — повторил Михаил.

Азазель вздохнул:

— О преимуществах, которые нужно просто взять. Сами лезут в руки, только бери! Уже понял?.. Нет?.. Я говорю о возможности покинуть это тело и войти в демонское. К тому же помимо всех возможностей, как насчет перелетов и антивсплесковости, твое тело будет крепче тела простого смертного, в котором ты сейчас!..

Михаил, уже готовый отказаться резче, чем в прошлые разы, поперхнулся словом, посмотрел злыми глазами, Азазель невинно и кротко улыбался, скрестив пальцы на животе и раздув его, чтобы выглядеть толстым, умиротворенным и кротким.

— Нет, — рыкнул Михаил наконец и с твердостью: — Все равно это отвратительно!

— Прикинь, — сказал Азазель сладеньким голоском, — ты сможешь не зависеть от меня, такого противного... Сейчас я указываю тебе, где кто, а без меня, как слепой котенок тычешься мордой... ладно, мордочкой в стены. Могу указывать только на тех демонов, кто мне наступил на ногу

или поклонился с недостаточным почтением, а других укрывать от твоего испепеляющего праведным гневом взора.

Михаил покачал головой:

— Не искушай.

Азазель вздохнул:

— Ладно, умолкаю. Только замечу...

— Ни слова!

— Я по другой теме, — заверил Азазель. — Господь в самом деле создал человека по своему образу и подобию, хотя даже вам, ангелам, казалось, что Творец в благородной рассеянности мудреца несет какую-то хрень.

— А тебе не казалось?

— И мне, — сознался Азазель. — Потом я понял, Творец создал человека по своему образу и подобию вовсе не тогда, когда слепил фигурку из глины! Так понимает простой народ да еще ангелы, но вы же проще Ваньки Пряника, однако человек был создан по образу и подобию Господа не раньше, чем тот вдохнул в него душу, то есть часть Себя! А до этого человека не было! Было так, существо... Скот или зверь, назови как хочешь, все равно будет правильно.

Михаил промолчал, Азазель часто говорит просто дикие вещи, что оказываются правдой в этом диком и замысловатом мире. Создатель вдохнул в Адама малую часть Себя, но она разом перестроила глину и стала живой плотью. Человек распахнул глаза, уже умея общаться с Творцом, потому что в нем искра этого Творца.

И какую бы фигурку ни слепил Создатель, пусть даже в виде птицы или рыбы, все равно была бы по Его образу и подобию, потому что главное не по внешнему виду, а в одинаковой сути.

Правда, человек дерзко нахамил своему Создателю в первые же дни после создания, за что и был выброшен

из небесного сада вслед за Сатаном и его группой, но это уже другое. Творец все равно проявил к ним великодушие старшего и все понимающего, хотя мог бы уничтожить как мятежных ангелов, так и человечество вместе со всем созданным им миром.

Азазель, наблюдая за его лицом, вздохнул и сказал со вздохом:

— Да, ты еще не готов понимать Всевышнего... Служить ему готов, но понимать еще не готов.

Михаил огрызнулся:

— Но облечься плотью демона... это кощунство! Это отвратительно и безобразно!

— В глазах Создателя мы все прекрасны, — заверил Азазель печально, и Михаил снова не понял, ерничает демон или говорит серьезно. — Он видит нашу суть, а ты зришь только форму!.. Плоть — это одежда наших душ. Даже люди, уподобляясь нашему Творцу, все чаще говорят, что скоро покинут свою плоть животных и заменят ее металло-электрической, а потом и вовсе перейдут на чистые силовые поля, а ты все еще нечто дремучее и невежественное?

Хлопнула дверь, вошла Аграт, рослая и прекрасная. Лицо ее оставалось бледным, тем ярче смотрятся смоляные брови с такими же черными, как антрацит, глазами.

— Мы готовы, — сообщила она холодноватым голосом. — Бианакит внизу.

— Завтракаем, — распорядился Азазель, — и сразу выходим.

Михаил бросил в сторону Аграт короткий взгляд. Стыдно признаться, но еще когда Азазель только намекнул на возможность занять тело демона, он подумал о ней, хотя тут же ухватил эту мысль за хвост, ударил с размаху о стену, потом наступил на горло и постоял для надежности, но, оказывается, мысль убить труднее, чем демона, человека или даже ангела.

Азазель взглянул искоса:

— Не будем заставлять Бианакита ждать. А ты, Мишка, раз уж ты из-за своего чванства отказываешься верить в нашего Создателя, то да, будь по-твоему.

Когда выходили из комнаты, Аграт спросила Михаила испуганным шепотом:

— Что значит, отказываешься верить? Не доверяешь?

— Слушай Азазеля больше, — буркнул он. — Он еще не то наговорит!

Она с заметным облегчением перевела дух:

— А я уж подумала... Слышала, что среди людей есть такие, что вообще не верят в существование Господа!.. И почему Он всех вас не поубивал за такое?

— Потому что Всемилостивейший и Всепрошающий, — буркнул Михаил.

Но сам ощутил в своем голосе неуверенную нотку, уничтожение самого богатого и цветущего района планеты с тысячами городов как-то не очень вписывается во всепрощение, но, с другой стороны, командующий армиями понимает, что иногда нужно послать на верную смерть большой отряд, чтобы спасти армию, а то и все государство.

Глава 5

Деревья за все тысячи лет после разразившейся катастрофы так и не сумели прижиться на выжженной и залитой лавой земле, зато озверевшим кустарникам как-то удалось однажды ухватиться за эту землю, поспешно пустили корни поглубже, еще глубже в поисках хотя бы капли влаги, а над поверхностью выжженной земли оставили только сухие прутьики.

Потом за сотни лет удалось удобрить собой землю, и новые поколения пускали корни еще дальше, а на ветках появились листья.

Сейчас кустарники густые и высокие, между ними ютится чахлая трава, но злой сухой ветер все же разбивается о твердые, как камни, ветки, а трава в ответ благодарно прикрывает землю от жара солнца.

Азазель шел бодро впереди, посвистывал и указывал то на застывшего в безоблачном небе коршуна, то на перепрыгнувшего со стебелька на стебелек крупного кузнечика с ярко-синими крылышками.

— Жизнь идет!.. А что? Кузнечик тоже человек!.. Вы что такие задумчивые?.. Природой нужно восхищаться вслух, а то могу припаять обвинение в человеконенавистнических замыслах вплоть до зловещих задумок насчет терактов!

— Природу все любят, — сказал Михаил вынужденно, потому что Аграт и Бианакит всю дорогу идут молча, хотя никто не приказывал соблюдать режим тишины. — И животных тоже любят... Вот только друг друга...

Азазель хохотнул:

— Внутривидовая борьба!.. Господь, создавая человека, велел Дарвину сказать эту истину вслух.

Аграт с интересом взглянула на Михаила:

— Что, люди и друг друга не обожают? Я думала только демонов.

— Тебе многое предстоит узнать, — сообщил Азазель с удовольствием. — Я бы просветил, люблю общаться с дурачками, с ними я такой умный, но занят, пусть просвещает Мишка. Он, можно сказать, Михаил Просветитель!.. Засветит так засветит...

Она взглянула в сторону Михаила с иронией:

— Он?.. Ну не знаю... Пока что кажется деревенским дурачком. Лучше я у Бианакита поспрашиваю.

— Да, — поддакнул Азазель. — Это лучше. Поспрашивай.

Двигались так почти весь день, дважды останавливались перекусить и один раз на обед, во время которого Азазель осматривал окрестности в бинокль, потом снова рюкзаки на спину и бодрым маршем по косогорам, наконец в какой-то момент Азазель остановился на пригорке, поджидая их, простер величественно руку ладонью вперед:

— Вон там он был... Если никто гору не передвинул... Точнее могу сказать ночью, если в том месте загорятся две яркие звезды с языческими названиями.

Михаил буркнул недовольно:

— У звезд все названия языческие. А гору с чего кому-то двигать?

— Да был один, — ответил Азазель безучастно. — Обещал... Все, привал на ночь.

— Чтобы посмотреть на те две звезды?

— Чтобы не тащиться в темноте, — ответил Азазель. — Оглянись, солнце уже зашло, даже закат сейчас погаснет!

Михаил оглянулся, вся западная часть похожа на Божественный горн, в котором ковалась вселенная, на полнеба разверзаются пылающие бездны, в одном месте огонь гаснет, в другом разгорается, но все же все оттенки, от алого до багрового, становятся темнее, а исполинский занавес медленно смыкается, темно-красный край неба все ближе и ближе к темной земле.

— Хорошо, — сказал Михаил. — Ты прав, не стоит бродить среди развалин ночью.

Азазель повернулся к Аграт:

— Запомни этот момент! Он впервые сказал, что я прав. Да еще в присутствии женщины. Красивой женщины, что потребовало от него двойного усилия.

— Почему двойного?

— Ну тройного, — уступил Азазель. — Так что даже твердолобый... я хотел сказать твердый в убеждениях и

высоконравственных принципах наш как бы друг умеет иногда в исключительных случаях хоть и крайне редко, но все же принимать доводы более разумного существа.

— Это ты о ком? — спросила Аграт.

— Молчи, женщина, когда люди говорят вслух!.. Он согласился, хотя, правда, отрицать приход ночи бывает затруднительно даже для образцового солдата. Вон Бианакит не отрицает же?.. Верно, Бианакит?

— Привал, — ответил Бианакит, — лучше вон там в низине. Чтобы пламя костра никто не видел издали.

И, не желая вступать в пустячный разговор ни о чем, быстро спустился вниз, там сбросил рюкзак на землю и начал собирать хворост.

Когда он набросал на очищенное место приличную кучку, Аграт хозяйственно сложила их аккуратным шалашиком, отступила, любуясь как произведением искусства. Возможно, так искусство и зарождалось в пещерное время.

Азазель картинно взмахнул рукой, пламя моментально охватило сучья снизу доверху. Вокруг костра образовался яркий круг оранжевого света, а вечерние сумерки моментально превратились в темную ночь.

— Здесь тепло, — заверил Азазель. — Даже Аграт не превратится в сосульку.

— Твой Мишка теплый, — сообщила Аграт. — Вообще печка!..

— Ух ты, — сказал Азазель. — Уже добралась?

— Наполовину, — ответила она со зловещей скромностью.

— Из-за блондинок в мире столько зла! — сказал Азазель с сочувствием. — Какое счастье, что ты брюнетка.

Аграт сказала строго:

— Не подлизывайся! Видела я таких подлизунов. Я вон Мишку совращать буду.

— Еще не? — спросил Азазель в изумлении. — А наполовину это как?

— Пока держится, — сообщила она. — Но сопротивление уже хилое, вот-вот сломялю.

Михаил сказал вяло:

— Эй-эй, я здесь.

Аграт оглянувшись, красиво изогнутые брови приподнялись в наигранном изумлении:

— А в самом деле... Тихий, как мышонок. Говоришь, он хороший боец?

— Хорошие не бахвалятся, — заметил Азазель. — Он вообще хорош. А как он тебя раскусил?

Аграт сказала ревниво:

— Просто угадал.

Азазель посмотрел на нее с интересом:

— Правда? Мне случалось видеть мудреца, сболтнувшего глупость, а вот дурак, случайно брякнувший слова мудрости, еще не встречался.

Она наморщила нос:

— Михаил мудрец? Не смейся.

— Михаил постоянно учится, — сказал Азазель серьезно. — И быстро. Такое вот у людей свойство.

Она буркнула:

— Все равно не понимаю, зачем Господь уделяет ему такое внимание.

— Бог, которого можно понять, — пояснил Азазель, — уже не Бог.

Она сказала независимо:

— Я наслушалась там, в своем уровне, как Он наказывает тех, кто ослушался Его воли. Но что-то не заметила, чтобы люди стали лучше.

— По тем, — сказал Михаил, — что попадают к вам, трудно судить о всех людях. Есть и те, кто попадает в другое место.

Она фыркнула:

— Разве в ад идет не большинство?

Михаил смолчал, нет желания спорить с женщиной, вместо него миролюбиво ответил Азазель:

— Человечество составляют не большинство, а лучшие. Конечно, их меньшинство. Но это они человечество. Остальные... так, шлак. Дрова для котлов в аду.

Аграт фыркнула и отвернулась, Бианакит начал вытаскивать из рюкзака сухой паек, что оказался совсем не сухим, но, почему так называется, Михаил ломать голову не стал, у людей слишком много непонятного и нелогичного, хотя вот Азазель уверяет, что в этом залог их прогресса.

Азазель кивнул Михаилу в сторону Аграта.

— Если женщина поворачивается к тебе спиной, похвали эту спину — и женщина с тобой примирится.

Аграт с кислой миной рассматривала продукты, что выложил на чистую тряпицу Бианакит.

— И это все? И как такое есть?

Азазель сказал нравоучительно:

— Ни один человек, любящий свое горло и свой желудок, не произвел ничего истинно прекрасного. Только вот такие аскеты и пуританисты, как мы с Мишкой, творим историю и новый дивный мир!.. Так что лопай, что дают. А то бросим тебя здесь, а ночью придут злые мыши и утащат в норку.

Он первым взял ближайший к нему огромный бутерброд, Бианакит налил в пластиковый стакан из термоса горячий кофе и так же молча протянул Азазелю.

Аграт начала есть молча и почти смиренно. Ее возвышенные вкусы не оценили, у мужчин свои правила, но мир принадлежит пока что им, хотя уже и не полностью, так что пока лучше не выказывать характер, время придет.

Когда после трапезы Азазель и Бианацит молча удалились в сторону темных кустов, Аграт вытерла блестящие от жира губы рукавом, оглянулась на Азазеля, тот вскоре исчез за неплотными зарослями, сделала печальный вид, но не смогла в нем удержаться и поинтересовалась прежним вызывающим тоном:

— Я что, такая тебе противная? Почему? Давай, оправдывайся!

Михаил ответил с неловкостью:

— Ты хороший товарищ, но я же сказал, у меня есть девушка.

— И что? — переспросила Аграт. Она рассматривала его совсем не по-женски, в упор и оценивающе, как раба на аукционе. — Она там, ты здесь. И я здесь. Тебе же нужно удовлетворять мужские потребности?..

— Это не мужские...

— А какие?

Он нехотя пробормотал:

— Скотские... Ладно, скажу точнее, того существа, каким был человек до момента, когда Создатель вдохнул в него душу.

Она уточнила:

— Но ты же человек? Значит, наполовину скот.

— Я выдавливаю из себя скота, — пояснил он и сам ощутил, что получилось как-то неестественно высокопарно.

Она наморщила нос:

— А не проще, как говорит Азазель, бросить этому скоту клоч сена или мяса, и пусть заткнется? Скота тоже кормить надо.

— Не стану, — огрызнулся он. — Тогда он вовсе на голоду сядет.

— Но мы еще не скоро вернемся в город, — напомнила она. — А сейчас ты здесь... и я здесь.

— Я подожду, — ответил Михаил с еще большей неловкостью, — когда мы с нею встретимся.

Она сказала высокомерно:

— Не понимаю... Разве она обидится? Это же для мужчины так естественно.

— Дело не в ней, — сказал Михаил и ощутил, что оправдывается, словно она права, а он что-то хитрит и выгадывает. — Дело во мне. Я не считаю, что так честно... Я же не Азазель, в смысле не козел.

Она сказала с твердостью в голосе:

— Так и скажи, что я тебе противна. А что во мне так не нравится? Сиськи не такие?.. Я вся не такая, да?.. Скажи, что не так. Может, жопу приподнять? Чтобы точно под твои ладони?.. А если вот так... посмотри? Или вот так?

Михаил ощутил, что краснеет, отвел взгляд. К счастью, из темноты раздались приближающиеся голоса Азазеля и Бианакита. Михаилу даже почудилось, что Азазель говорит нарочито громко, чтобы слышали издали, и он тут успел надеть штаны, если застесняется своей приземленной человечности.

Они вошли в круг света. Азазель уже зевает во весь рот, Бианакит молча бросил плащ на землю и лег навзничь, опустив ладонь на рукоять пистолета в кобуре. Азазель кивнул Михаилу:

— Спи. Утром короткий марш-бросок, и мы на месте.

Михаил закрыл глаза, но прислушивался к тому, как устраивается Аграт. Она обиженно перешла на другую сторону костра и легла поблизости от Бианакита, с другой стороны Азазель, так что на эту ночь отделался, уже хорошо, а дальше видно будет, вдруг да сама отлипнет...

Сердце продолжает стучать часто, а в голове суматошные мысли пытаются увязаться в клубок, чтобы понять некоторые оговорки Азазеля, да и вообще что-то в его словах проскальзывает не просто потаенное, что понятно,

это же Азазель, но как будто все еще пытается им манипулировать...

Он вздрогнул, в ночи за кругом света показалось нечто полупрозрачное, оформилось в молодую и обнаженную женщину, как почудилось вначале, но вскоре рассмотрел, что облачена в подобие широкополого плаща, тоже прозрачного, но это уже не важно, приличия соблюдены.

Двигается она медленно, почти плывет, однако ноги все-таки касаются земли. Михаил начал приподниматься, но за спиной Азазель сказал шепотом:

— Спи, это ко мне.

Михаил прилег снова, но глаза оставил чуть приоткрытыми. Азазель встал, женщина остановилась за освещенным кругом, он вышел к ней на ту сторону, однако Михаил видел обоих достаточно отчетливо.

Некоторое время они говорили совсем шепотом, почти слипнувшись воедино, затем удалились вообще в черную ночь за толстые деревья. Михаил не мог заснуть, все порывался встать и отправиться на поиски, но наконец Азазель вернулся и лег рядом с Бианакитом.

Михаил подождал, пока Азазель укрывался плащом, ночи здесь холодные, поинтересовался шепотом, чтобы не будить остальных:

— Она что, здесь живет?

— Она везде живет, — ответил Азазель тоже тихо. — Спи.

— Опасна?

Азазель чуть помедлил с ответом:

— Как тебе сказать... Это демон ночи.

— Вампир?

— Вампиров не бывает, — напомнил Азазель тихо. — Просто демон, который появляется только ночью. Очень удобно, если самка, правда? Вечером пришла, к утру точно уберется. А то есть такие, не выгонишь.

— Неправда, — ответил Михаил и добавил: — Это нехорошо.

— Почему? — спросил Азазель. — Надоест — просто выставь ее утром на солнечный свет.

— Грубые у тебя шуточки, — буркнул Михаил. — Сказано, демон. Хотя откуда у вас милосердие?

Азазель хмыкнул:

— Ты сколько за эту неделю человек убил, милосердный ты наш? А про демонов уже и не спрашиваю.

Аграт услышала, зашевелилась под плащом. Михаил видел, как она высунула из-под края полы острую мордочку.

— Он что, — спросила она страшным шепотом, — убивал и демонов?

— Как серийный маньяк, — заверил Азазель. — Только те обычно выбирают молодых и красивых женщин, а Мишка любит истреблять демонов. Смотри, не с той руки ему кофе подашь, он и тебя истребит.

— Я буду ему с той руки подавать, — пообещала она.

Михаил притворился, что уже спит, но сам не ожидал, что в самом деле заснул почти моментально, уступая требованиям усталого тела.

Среди ночи он проснулся от неясной тревоги, хотя все тихо, костер уже прогорел, от покрытых серым пеплом углей идет багровый отсвет, ему спокойно и уютно. Не сразу и сообразил, что тепло и уют идет от Аграт, что снова устроилась не просто у него под боком, но и голову положила ему на грудь, обхватила рукой и забросила на живот согнутую в колене ногу.

Жар ее тела не только согревает, но и наполняет вполне отчетливыми желаниями, от которых и проснулся, а сейчас застыл в тягостном колебании, то ли разбудить и согнать, то ли как-то решить все иначе.

Ничего не придумав, все еще искал решение, но взбудораженность уступила расползающемуся теплу во всем теле, и снова провалился в глубокий здоровый сон.

Глава 6

Утром только Бианакит смотрел на него, как всегда, со спокойным равнодушием соратника в походе, Азазель хитро улыбался, Аграт поглядывала надменно и победоносно.

Михаил кипел, чувствуя, что сорвется, если только дадут шанс, но Азазель по своей хитрости и Аграт по женскому чутью все понимали и такой возможности не давали.

Аграт вообще завтракала на другом конце костра, переговаривалась тихонько с Бианакитом.

Михаил поинтересовался хмуро, стараясь не встречаться взглядом с Аграт:

— Увидел свои две звезды?

Азазель кивнул с самым довольным видом:

— На том же месте. Есть же что-то вечное в этом мире!.. Хотя и говорят, что звезды тоже куда-то летят с огромной скоростью, но я не заметил никакого движения... Так, на полпальца сдвинулись... Причем в разные стороны, представляешь? Будто и звезды ссорятся. А были ж так вместе, так вместе!

— Значит, — перебил Михаил, — Сигор отыщешь?

Азазель кивнул:

— Ты ешь, ориентиры получены. Сейчас пойдем на поиски. Пока не найдем, никакого привала с лежанием! Нужно действовать быстро, на опережение вероятного противника.

— Он все еще вероятный?

— Кезим?.. Пока не увидим своими глазами, но вообще-то у меня сомнений нет.

Бианакит слушал молча, Аграт быстро-быстро ела и тоже промолчала, очень не по-женски занятая. Михаил старался не смотреть в ее сторону. Тело еще помнит ее тепло и женскую мягкость, а с виду вся из тугих мышц, как только и распускает их во сне, что становятся нежно щупальными...

Азазель первым закончил с завтраком, поднялся, собранный и напружиненный, с суровым лицом и требовательным взглядом.

— Похоже, — сказал он, — недели не понадобится. Мы почти у цели. По крайней мере, на месте.

Когда поднялись из ложбины, там гуляет сильный сухой ветер, неприятный порывами, когда то дует в лицо, то резко разворачивается и толкает в бок, стараясь спихнуть с узкой тропы.

Азазель шел впереди, бодрый и алертный, сказал с оптимизмом:

— Солнцу и ветру навстречу, расправив упругую грудь... э-э... или как там? Аграт, это я вообще, из песни слова не выкинешь. С другой стороны, это же прекрасно, что все так скрыто, хрен найдешь!

Михаил шел рядом, глядя больше под ноги, чем по сторонам. Рюкзак тяжеловат, туристы вряд ли носят с собой гранатометы, тем более спаренные и револьверные.

— Что прекрасного? — поинтересовался он.

— Если бы город нашли раньше нас, — пояснил Азазель, — здесь бы все было забито строительно-копательной техникой... хотя нет, ее не допустят, но пара тысяч археологов ползали бы на каждом шагу со щеточками, а по периметру города стояла бы армия со спецназом и бронетехникой, охраняя достояние нации.

Михаил пробормотал:

— Ты ничего не перепутал? Люди стремятся в сингулярность, сам говорил...

— В сингулярность, — сказал Азазель покровительственно, — стремится тысячная доля процента от общей массы населения!.. Как и вообще в будущее. И тащит за собой все остальное тело этого чудовищного динозавра под названием «человечество». Так было, так будет.

Михаил посмотрел с недоверием:

— А зачем в той сингулярности тело?

— В точку, — сказал Азазель с восторгом. — На самом деле войдет только голова, а тело останется по эту сторону! Жопы не пролезет... Аграта, там слишком крутой косогор!.. Бери левее!

Аграта крикнула, не оборачиваясь:

— Я пройду!

— Не ходи по косогору, — велел он строго, — сапоги стопчешь!

— Я в кроссовках!

— А-а-а, тогда ладно. Только не споткнись.

— Да тут валунов нет...

— Спотыкаешься не о горы, — строго выдал он очередной перл, — а о камушки.

Она ускорила шаг, стараясь утащить с собой и Бианакита, чтобы оторваться от умничающего начальника.

Михаил двигался в шаге от Азазеля, тот кивнул вслед Аграта:

— Бурчит, но слушается.

— Не раздражает?

Азазель отмахнулся:

— Пусть бурчит. Нельзя слишком уж закручивать гайки. Каждый член команды должен быть свободен... в узких рамках. Ты мне скажи другое, Михаил... Не кажется, что ты слишком чист для этого коварного мира? Я имею в виду вообще и Брий тоже.

Михаил спросил с неприязнью:

— С чего ты решил? У тебя это звучит так, словно «чистый» это синоним дурака!

Азазель чуть хохотнул:

— В какой-то степени верно. Я тебе несколько раз сказал, что живу здесь изначально, что в аду ни разу не был... ну, по принуждению, а ты почему-то решил меня туда отправить!.. Скажи, откуда возникла у тебя эта идея? Прости, что снова возвращаюсь к этому разговору, но детали в самом деле важны.

Михаил посмотрел на него расширенными глазами:

— Но это же очевидно! Ты демон, а демоны должны быть в аду...

— Но ты пришел к этой мысли только в последнее время, — напомнил Азазель. — Почему? Я же здесь шесть тысяч лет!

Михаил на ходу пожал плечами, чуть переместив тяжелый рюкзак на менее вспотевшее место.

— Не знаю... Как-то зашел разговор об этом... Что пора почистить, что в мир людей стали проникать демоны...

— И вы решили начать с того демона, — сказал Азазель, — который живет здесь изначально? Мудрое решение, не находишь?.. В смысле очень коварное. Кто подсказал?

Михаил подумал, наконец покачал головой:

— Мне казалось, я сам... Хотя теперь чудится, что к этой мысли кто-то да подтолкнул. Или я сам пришел, уже подтолкнутый.

— Вспомни всех, — посоветовал Азазель уже серьезным голосом, — кто тогда с тобой общался. А потом методом исключения или еще каким, у меня их тыща, можно отыскать крысу.

Михаил посмотрел исподлобья:

— А это не твоя работа?

Азазель покачал головой:

— Кто-то начал раньше меня. И с другой целью.

— Какой?

— Как я уже говорил, — напомнил Азазель, — тебя хотят подставить. Честные и бескомпромиссные бывают нужны только в начале, а потом начинается разложение... А кто не вписывается в коррупционные схемы, того стараются выпихнуть. Михаил, я даже не подозреваю ваших местных. То просто очень пышные и величественные куры. А что, если и туда проникли невидимые лапы ада?.. Госдеп не... тьфу, ад не дремлет!.. И мощь его растет.

Михаил зябко передернул плечами, дорога пошла по совсем уж крутому косоугору, нужно осторожничать на каждом шагу, чтобы не скатиться на спине вниз в далекую долину.

— Этим тоже займемся, — пообещал он.

— Если выберемся живыми отсюда, — ответил Азазель очень серьезно. — Наши противники все круче. В бой пошла, как здесь говорят, тяжелая артиллерия. И бить она будет, что совсем хорошо и даже прекрасно, прямой наводкой. В упор!

Михаил промолчал, берег дыхание и со стесненным сердцем оглядывал окрестности.

После той страшной катастрофы весь регион оставался прежней выжженной пустыней, и только переселенцы, вгрызаясь в эти земли, медленно шаг за шагом превращали ее в подобие прежнего роскошного сада, но большая часть этой страны все еще выглядит бесплодной пустыней.

А на месте Содома и остальных близко расположенных четырех городов выжженная земля так и осталась под слоем окаменевшей лавы. Редко-редко где растет трава или даже кустик, но и это, как понимал Михаил, поверх

той скопившейся толстым слоем пыли, что принес ветер и оставил в щелях и выемках.

А деревьев нет, потому что корням не пробить окаменевшую корку лавы, которая даже в самых тонких местах не меньше метра толщиной.

Он спросил молча шагающего Азазеля:

— А почему идем не в сам Сигор, так я понял?

— Идем в Телль-эль-Хаммам, — ответил Азазель раздельно.

— Почему?

Азазель проговорил лениво:

— Наконец-то... У небесников мозги совсем усохли без нагрузок.

— Что? — спросил Михаил. — Я должен был спросить раньше?

— Должен был спросить сразу, — объяснил Азазель лениво. — Если может появиться в этой квартире или даже в этой комнате, то зачем забираться так далеко?

— Зачем? — спросил Михаил.

— Ты не знаешь, что такое Телль-эль-Хаммам?.. Ну да, это же великолепное презрение к миру, который обязаны охранять... Который охраняете не потому, что он вам интересен или что хотите ему благополучия, а лишь потому, что так велено!.. Ладно, не оправдывайся.

— И не собираюсь, — отрезал Михаил с достоинством. — Приказы не обсуждаются.

— Дело в том, — сказал Азазель, — что Телль-эль-Хаммам выстроен рядом с тем самым Сигором и тоже был разрушен и стерт с земли гневом Господним. И хотя огненная лава сожгла даже каменные фундаменты храмов, но остались склепы, подземелья, пещеры, где хранились самые ценные вещи...

— Не слышал ни о каком Телль-эль-Хаммаме, — буркнул Михаил.

— Потому что это не город, — ответил Азазель. — Там никто не жил. Просто некий храм для... для особых. Ладно, придем, все увидишь сам.

Далеко впереди Бианакит движется мерно и мощно, зато Аграт то и дело оглядывалась, наконец сказала что-то напарнику, тот остановился, но рюкзак с плеч не спустил.

Дождавшись их, Аграт сказала:

— Дальше будем прикрывать ваши спины, а вы указывайте дорогу, хорошо?

— Хороший вариант, — согласился Азазель. — Видишь, я не ущемляю твою инициативу.

Бианакит кивнул и остался на месте, пропуская их вперед и давая оторваться на нужное расстояние, зато Аграт пошла рядом с Азазелем и спросила живо:

— Просвещаешь смертного насчет интимной жизни демонов?..

— Насчет интимной сама просвещай, — отмахнулся Азазель. — Я лучше напомню, что мир демонов не только расширился, но и усложнился, что вам обоим не мешало бы знать. Само слово «демон» обозначает «исполненный мудрости». Это потому, что были только мы, двести мудрецов и героев, сошедших к людям! Затем добавились низвергнутые неким умником в ад Сатан и его сторонники... И все мы, как некоторых от этого ни корежит, были исполнены мудрости. В сравнении, конечно, с местным населением. Потому и названы так по праву...

Михаил поморщился:

— Мы живем сейчас.

— Вот-вот, — согласился Азазель. — Когда от наших связей с женщинами начали рождаться нефилимы, а от нефилимов вообще чудовища, не знающие никаких нравственных ограничений... умно говорю, да? Если что, скажи, перейду на язык жестов, в общем, тогда только и по-

шло разделение на зудемонов и какодемонов, что значит на языке простого народа, добрые и злые.

— Что-то слышал, — буркнул Михаил, — даже названия мерзкие.

— С тех пор поверье, — закончил Азазель, — что у каждого человека на правом плече сидит, свесив ноги, добрый ангел и нашептывает добрые советы, а на левом — злой, что подает советы дурные насчет выпить и поиметь чужую бабу... Ага, щас! Больше демонам делать нечего, как заниматься людьми! Всевышний дал человеку свободу воли даже от Него Самого, что могут сделать демоны?

Михаил сказал недовольно:

— Но нашептывают же!

Азазель саркастически заулыбался:

— Да, конечно. Если человек сообразил что-то умное сам, то это он придумал, а если сглупил, то бес попутал! Как по-детски наивно и характерно для простого народа, а он весь проще пареной репы!

— Почему?

— Почему прост?

— Нет, при чем тут репа?

— А я откуда знаю, — ответил Азазель оскорбленно. — Я думающий интеллигент, а ты про корм для свиней!.. Хозяйство завести думаешь? Начинай с кур, с ними проще... Могу подсказать, где хороших коз купить и без всяких обязательных сертификатов!

Аграт тут же спросила с живейшим интересом:

— Где?

— Тебе коз или курей? — спросил Азазель деловито.

— Сперва кур, — ответила она, — с ними проще, а потом коз. Это же замечательно! Вон уговорю Михаила на мне жениться, утром буду стакан козьего молока подавать прямо в постель.

Михаил дернулся, посмотрел дикими глазами:

— Ну и шуточки у вас обоих!

Аграт сказала Азазелю печально:

— Вот видишь, как разбиваются мои светлые мечты о милом домике с садиком и грядками? И все вы, мужчины, ломаете!.. Я бы и деток от него завела... Представляешь?

Азазель помотал головой:

— Такого даже я вообразить не могу.

— А я могу, — ответила она со вздохом, — но он верен какой-то ветреной Синильде!.. Надо ее найти и убить.

Азазель спросил дежурно:

— Почему ветреной?.. Необязательно, хотя, конечно, все женщины в той или иной мере... Но Синильда мне показалась не такой уж и ветреной. Так, в меру. Разве она не женщина?

Михаил сказал с нажимом:

— О Синильде ни слова!..

— А в самом деле, — сказал Азазель, — Аграт, давай лучше о тебе! Вон у тебя какие вторичные признаки, душа радуется.

Михаил посмотрел волком:

— Не употребляй святые слова.

— Ну не душа, — согласился Азазель, — а плоть радуется, все равно ликование. Уровнем пониже, согласен, но помощнее, позаметнее! И даже повесомее.

Михаил нахмурился и, не желая выслушивать пошлости, приотстал, дождался Бианакита и пошел рядом с ним.

Глава 7

Аграт выждала момент, когда Михаил, огибая кусты и камни, на минутку оказался в одиночестве, моментально поравнялась с ним и сказала решительно:

— Наш командир строго велел просветить тебя насчет интимной жизни. Надеюсь, ты не посмеешь ослушаться приказа?

Михаил пожал плечами:

— Это он тебе велел. Да и то не всерьез.

— Как это не всерьез? — ахнула она. — Приказы командира, да еще в военное время похода на марше, священные и непререкаемы!.. Разве мы можем ослушаться? Ты же солдат или не солдат?

— Это Бианацит солдат, — буркнул он. — А я архистратиг!..

— Диванный, — сказала она понимающе. — Но это ничего, на диване тоже можно просвещать, хотя есть ограничения, но несущественные... На следующем привале займемся всерьез!

Михаил надменно промолчал, не понимая, откуда непонятные усталость и раздражение, а впереди Азазель остановился и скомандовал:

— Привал! Перекусим, а то у меня кишки начинают кусать одна другую. А зачем мне внутри себя гражданская война, в которой, как известно, победителей не бывает?..

И хотя солнце светит ярко, воздух горячий, Бианацит привычно разложил костер, подогревал уже поджаренное мясо, даже хлебцы насадил на тонкие прутки и обжарил так, что вкусно хрустят на зубах, а запах стал таким, словно только что из элитной хлебопекарни.

Михаил покосился на Аграт, она мило улыбается и чирикает, чирикает, прибил бы дуру, но старается же быть милой, совсем не та наглая, что настаивала на своих правилах.

Азазель говорил ему, что надо бы сказать ей какой-нибудь комплимент, в таких случаях женщина сразу оказывается на твоей стороне, он подумал и сказал с усилием:

— Аграт... Ты хороший солдат...

Она заставила себя улыбнуться, Азазель сказал с упреком:

— Вот так комплимент!.. Аграт, он еще девственник, ты уже поняла?.. Ну, в широком смысле девственник. Еще портить и портить.

Она вздохнула:

— Никому не позволю его портить.

Голос ее прозвучал с неженской твердостью, Азазель спросил коварно:

— А сама?

— И сама не буду, — пообещала она. — Он хороший. И очень добрый. Только неуклюжий, как слон.

Михаил пробормотал:

— Я здесь, не забыли? А то как две вороны над трупом.

— Ты живее всех живых, — заверил Азазель жизнерадостно, — наше знамя, сила и оружие.

После короткого отдыха снова рюкзаки на спины, снова трудная дорога через обветренные и обожженные солнцем камни, похожие на обглоданные черепа допотопных животных.

Удар огненного дождя, как постоянно напоминал себе Михаил, миновал Сигор, как и обещал ангел Лоту, а тот, переночевав под крышей, с дочерьми поспешил прочь из обреченной долины, и уже через час новый сильный толчок обрушил все здания в городе, огненная трещина разделила город на две части, оттуда вырвалась стена огня, а следом высокий вал огненной лавы залил остатки города по обе стороны, растекся по окрестностям, а потом остывающую лаву накрыло еще тремя мощными выплесками расплавленной земли.

И от горящего города ничего не осталось. Михаил оглядывался по сторонам, наконец сказал в тревоге:

— Где ищем? Никаких ориентиров не вижу.

Азазель пожал плечами в явном затруднении, Аграт насмешливо заметила:

— Вы что, в самом деле думаете, что тайный культ кто-то расположит в самом Телль-эль-Хаммам?

Азазель покачал головой.

— Вообще-то нет. Так его выследить легко. Аграт, ты подала хорошую идею! Что дальше?

Она осмотрелась, повела рукой.

— Разумнее всего было бы расположить его вон у подножья того холма. И от Телль-эль-Хаммама близко, и с холма можно наблюдать, кто идет. Случайного чужака сразу остановить, не пустить или, не знаю, вам мужчинам виднее...

Азазель в сомнении раздумывал, повернулся к Михаилу:

— А ты что хрюкнешь?

Михаил поморщился, у Азазеля юмор дурацкий, но надо признать, Аграт рассуждает очень здраво, несмотря на ее сиськи.

— Лучше поискать, — сказал он, — на линии от города к тому холму?

— Смотри, — изумилась Аграт, — человек, а рассуждает!

— От предполагаемого места города, — уточнил Азазель. Он подхватил рюкзак. — Чего расселись?

Снова сухие камни под ногами, голые, похожие на обглоданные кости, а еще редкая трава, которой иногда удастся зацепиться так удачно, что покрывает площадки, где укореняются даже кусты, но чаще просто камни...

Наконец Азазель повернулся к Аграт и сказал насмешливо:

— Ну что скажешь? Ты же дипломированный дизайнер?

Она посмотрела на него с обидой:

— Не надо быть особым дизайнером, чтобы выбрать место вон там, шагах в пяти от тебя налево. Земля здесь каменистая везде, все равно где рыть...

Лицо Азазеля стало серьезным:

— А если с постройкой храма помогли демоны, то им все равно, где строить. Учитывалось только удобство для людей.

Аграт наморщила нос, огляделась и сказала с легкой насмешкой:

— Как людя, я бы расположила вход прямо у подножия холма. Но если не там, не бейте! Женщинам ошибаться можно, мы все время в вас ошибаемся.

— Надеюсь, — пробормотал Азазель, — в лучшую сторону... Так, не мешайте. Город был красивым, потому красавцу его отыскать легче...

— А не красавице? — спросил Михаил.

Азазель сказал предостерегающе:

— Красавицы природой, которую создал Творец, заточены выбирать нас, доминантных самцов. Это для них главное умение, иначе бы род людской давно пресекся.

Он шел все неторопливее, все замедляя шаги, наконец остановился, потопал по сухой земле.

— Да, не подарок... Как-то не хочется пробиваться сквозь толщу земли и... оказаться замурованным в камне. Аграт, ты уверена?

— Не совсем, — ответила она.

— Не совсем уверена или совсем не уверена?

Она огрызнулась:

— Судя вон по той горе, что слева, и той, что прямо... храм должен быть уже прямо под нашими ногами. На глубине, конечно. Какой, не знаю, я там ни разу не бывала!.. У меня не тот ранг, да и вообще... Я хоть и из Братства Жрецов Хаоса, но я из группы Боевых Жрецов, а сюда допускались только Жрецы Тайны!

Бианакит предложил ровным голосом:

— Давайте просто разбирать вон те камни?.. А если под ними земля... что ж, будем рыть.

— Хорошее предложение, — ответил Азазель. — Правильное. Надеюсь, за нами никто не следит через спутник-шпион? Я консерватор, не одобряю, когда за мной подсматривают. Другое дело я, мне можно.

Он спустился во впадинку, остальные наблюдали, как он потопал правой, потом левой, всмотрелся в землю.

Некоторое время ничего не происходило, затем земля начала оседать, словно ее внизу нечто размывает. Азазель, находясь в самой середине, стоял прямой, как мачта, и опускался, как капитан на мостике тонущего корабля.

Когда его голова поравнялась с краем ямы, он посмотрел наверх и крикнул весело:

— Похоже на могилу?

— Юмор у тебя дурацкий, — сказал Михаил с сердцем. — Зачем тащили саперные лопатки?

Азазель ответил серьезно:

— У меня не настолько много сил, чтобы вот так продавливать землю до самого центра планеты. Лопатками тоже придется. Если что.

Бианакит молча соскочил к Азазелю. Аграт толкнула Михаила в бок:

— Подождешь нас здесь?

Не дожидаясь ответа, грациозно спрыгнула. Михаил поспешно слез по краю, места в вертикальной шахте меньше, чем в кабине лифта, Азазель натужно улыбается, но лицо уже красное, на лбу выступили мелкие капельки пота, а дыхание становится все учащенное.

— Прости, — сказала Аграт виновато, — у меня нет таких сил, ничем не могу...

Бианакит смолчал, он только воин, а Михаил развел руками. Земля под ногами продолжала опускаться, Аза-

зель уже хрипел, капли на лбу стали крупными, а в белках глаз начали лопаться кровяные сосуды.

В какой-то момент он тяжело вздохнул. Михаил поспешно ухватил его за плечи, сам уперся спиной в стену уплотнившейся земли, иначе рухнули бы оба, голова Азазеля вообще упала на грудь.

Бианакит молча вытащил из рюкзака саперную лопатку. Михаил прислонил Азазеля к стене.

— Отдохни пока, хорошо?.. Мы тут ручками, ручками, как египтяне...

Бианакит с трудом ковырял уплотнившуюся землю, удалось углубиться на полметра, когда острое лопатки Михаила звонко ударилось о камень.

В досаде на препятствие, все трое начали окапывать со всех сторон, но плита ушла за края воронки. Удрученные, опустили лопатки, Азазель отдохнуть не успел, сказал хриплым от усталости голосом:

— Погодите... Это вполне может быть крыша.

Аграт встрепелась, сказала с надеждой:

— Тогда как?

— Пробить тонкую дырочку сможешь?

— Не-ет...

Он вздохнул:

— Я если и смогу, то вам придется меня нести. Так, прижмитесь к стенам, а еще лучше отвернитесь...

Но даже стоя к нему спиной, Михаил видел трепещущий свет на краях ямы, воздух нагрелся, ноздри уловили запах горелого камня.

Через полминуты Азазель встал на четвереньки и припал лицом к каменной плите, заглядывая в отверстие то одним глазом, то другим, наконец озабоченно присвистнул.

— Мы не над самой вершиной купола, но... гм... все равно высокогато...

— У меня моток веревки, — сообщил Бианакит. — Пятьдесят метров.

— А в этом месте до пола не больше двадцати, — сказал Азазель. — Хорошо...

Передохнув, он собирался сам расширять отверстие, но Аграт и Бианакит ему не дали, сами прорубили, пользуясь, как говорят люди, грубой физической.

Михаил поглядывал, с какой силой откалывают камни, с неохотой признавал, что у него не было бы шансов выстоять против них, если бы пришлось столкнуться в схватке, находясь в его человеческом теле.

Азазель поглядывал, подбадривал, наконец похлопал Бианакита по плечу:

— Переведи дух. Я уже пролезу, а Аграт пусть останется, у нее все равно задница застрянет.

— У кого застрянет? — оскорбилась Аграт. — Я вся из себя миниатюрная, хоть и женщина в теле, вон Михаил подтвердит! Пойду первая! Если пролезу, то и вы точно.

— Пойдешь последней, — решил Азазель. — А то вдруг там сидит что-то с зубами? Возьмет и укусит?.. Да и знаешь, что делать последней, а то Мишка у нас кабинетный работник, архистратиг диванных войск.

Он обвязал веревку вокруг пояса, длинный конец вручил Бианакиту и Михаилу.

— Опускайте тихонько, там слишком уж темно. Была бы простая темнота...

Он протиснулся в дыру, Бианакит и Михаил потихоньку стравливали веревку, прислушиваясь к звукам из дыры. Веревка тянулась и тянулась, наконец натяжение ослабело, донесся слабый крик:

— Готово!.. Все пока терпимо, начинайте по очереди!..

Следующим спустился Бианакит, Аграт приготовилась за ним, но Михаил напомнил приказ Азазеля, и она мгновенно, хоть и без охоты, подчинилась.

Когда Михаил спустился, закрепив конец веревки, огромный зал уже освещен понизу толстыми свечами вдоль стен и посреди на множестве столиков, свод теряет-ся в темноте, а мрачные стены отодвинуты одна от другой настолько, что можно устраивать битвы целых армий.

Азазель сказал бодро:

— Неплохо?.. Это верхний зал.

Михаил пробормотал:

— Что, есть еще ниже?.. Совсем с ума посходили...

— Желаете что-то спрятать, — напомнил Азазель, — размещай в недрах! Туда не достигают бури, грозы, наводнения. Даже войны идут, все сжигая и разрушая, по-верху... Аграт, помедленнее!.. Веревку оставь, мы сюда не жить пришли. А теперь за мной. Или лучше за Аграт? Все-таки женское чутье... Ты как насчет их чутья, Мишка?

— Можешь за Аграт, — огрызнулся Михаил, — а я пойду за тобой. Хоть полюбуюсь, когда вас там чем-то придавит.

Лестница вниз отыскалась не скоро, а когда начали спуск, Михаил понял, чему ругнулся Азазель, он шел все-таки впереди: ступени лестницы вырублены в самой стене, а с другой стороны бездонная пропасть, сами же ступеньки укороченные, идти проходится по одному, да и то прижимаясь плечом к стене.

Глава 8

Спускались долго, а когда наконец-то внизу показался расчерченный крупными квадратами идеально ровный пол, Михаил с содроганием понял, что это не исполинская пещера, а идеально вырубленный зал, огромный, ничем не заполненный, словно Сатан здесь проводил собрания всех демонов ада.

Свет прямо из стен, приглушенный, таинственный, слегка синеватый, Михаилу показался мертвецким. Азazel даже не замедлил шага, пошел по диагонали, подчеркнуто уверенный и даже хвастающий умением ориентироваться, хотя похоже больше на то, что бывал здесь раньше.

Через сводчатую арку вошли в длинный высокий зал, настолько высокий, что свод должен бы возвышаться над поверхностью земли, если только демоны не вздумали опасно играть с пространством, что чревато, хотя Ашмодей стал царем демонов благодаря своей власти над всеми четырьмя стихиями земли.

Стены не выглаженные, а словно состоящие из сомкнутых толстых колонн, упирающихся в потолок, зато пол идеально ровный, будто вытесан из одной плиты. Возможно, в самом деле вытесан, а этот зал вырублен в толще исполинской подземной горы из цельного камня.

— Ага, — сказал Азazel с мрачным удовлетворением. — Видите вон там, у дальней стены, изящный такой столик на белых ножках? Что на нем возлежит в такой томной позе?

— Я не вижу, — сказала Аграт жалобно.

— Я тоже, — буркнул Михаил.

— Это неважно, — произнес Азazel с аристократической небрежностью короля. — Главное, оно там лежит и манит. А когда пойдешь к нему, то либо пол провалится, либо из стен вылетят арбалетные стрелы и просадят нас сквозь в десяти местах... А то и что похуже.

— Что может быть хуже?

Азazel пожал плечами:

— Да много чего. Люди изобретательны. Плюнет огнем, что не гаснет на тебе, еще не самое худшее. На меня уже несколько раз плевали... Нет, не здесь, в других местах. Тоже интересных и романтических. Люди вообще

полны романтики и тяги к одухотворенности. В общем, не останавливаемся, идем дальше, словно мы дураки и ничего не видим.

Аграт сказала жалобно:

— Но я в самом деле ничего не вижу!

— Меня видишь? — спросил Азазель.

— Тебя-то вижу, — протянула она удрученно.

— Должна радоваться, — сообщил он. — Это же самое главное в жизни — увидеть Азазеля... Увидеть и умереть!

Она спросила растерянно:

— А умирать зачем?

— Потому что, — объяснил он свысока, — ничего лучше уже не увидишь! Я совершенство, еще не поняла?... А ты все на Мишку смотришь, я все-е-е замечаю!..

Михаил прошел вслед за ним под стрельчатой аркой в следующий зал и сразу ощутил трепет во всем теле. Помещение с его пространством, удаленными стенами и высоким сводом слишком величественно и почти пугает возвышенной строгостью. Тот, кто строил, несомненно, обладал душой, если передал в вырубленной в камне пещере одухотворенность и вознесение духа, торжество высокого начала над низменными чувствами.

— Эй, самец черепахи, — окликнул далеко впереди Азазель, — не отставай! А то из-под кровати высунет лапу что-то ужасное и утащит в темноту.

Михаил догнал бегом, спрашивать, где он видит кровать, не стал, не стоит нарываться на очередную ехидность, пошел рядом злой и настороженный, держа пистолет наготове, а палец на спусковом крючке.

— Да, — пробормотал он, — впечатляет... Столько труда... А зачем?

Азазель посмотрел в его сторону с легким презрением.

— Те, кто ничего не делает лишнего, — сказал он, — остались животными или ангелами. Люди отличаются

тем, что много творят нерационального, лишнего, что потом оказывается нелишним... а если в самом деле лишним, то все же это что-то им дает...

— Ничего не понял, — сказал Михаил. — А пояснее нельзя?

— Нельзя, — сообщил Азазель со вздохом. — Слишком сложные истины не для детского ума, а упростить не удастся. Вон Аграт сопит в две дырочки и помалкивает... Какой ангел или человек в здравом уме станет надрывать жилы и строить египетские пирамиды, когда можно лежать на диване и попивать вино?.. Но пирамиды уже двадцать веков изумляют мир.

Михаил прервал:

— Заткнись или скажи, зачем эти настолько обширные подземные храмы?

— А для красоты?

— Чего-чего?

— Непростительно, — сказал Азазель с чувством. — Впрочем, откуда тебе знать о красоте?.. А вон посмотри на разинутый рот Аграт, туда не только ворона влетит, но и стая страусов вбежит с разгону...

Аграт обиделась и приотсталла, а сам Михаил раздраженно дернулся, но поинтересовался сдержанно:

— Это же сколько земли нужно было поднять на поверхность! А в те времена только лопатами... даже сперва кирками, а потом корзинами!

— Ангелам не понять, — согласился Азазель. — Да я и сам не понимаю, если честно, я же умный, а все горе, как недавно услышал, от ума... Могу только сказать, что люди, несмотря на эти глупые выходки, продолжают уметь и развиваться. Или... развиваются именно благодаря этим выходкам?

Подошвы почти беззвучно опускаются на совсем не стертые каменные ступеньки, вытесанные из массив-

ных глыб камня и уложенные как будто вчера, Михаил сперва светил фонариком, затем под сводами вспыхнул и озарил все неяркий приглушенный свет.

Михаил оглянулся на Азазеля, тот усмехнулся и развел руками.

— Ладно, — буркнул Михаил, выключил фонарик и сунул в карман. — За такое применение магии убивать не буду. Но на суде ответишь.

Азазель внимательно осматривался на каждом шагу. Михаил бесстрашно прошел вперед, а как иначе, когда в арьергарде идут Бианацит и Аграт, от которых ничто не укроется, а за ним присматривают особенно внимательно, он же человек, самое слабое звено команды...

Даже не оглядываясь, он улавливал идущий от ее тела чувственный жар, и нужно держаться стойко, как выставив святой Антоний в пещере, одолеваемый искушениями.

В следующем зале сразу от входа увидели на стенах барельефы. Михаилу почудилось что-то знакомое, но рядом Азазель проворчал обиженно:

— А где мой аверс?

— Ашмодея тоже нет, — утешил Михаил. — А ведь он царь всех демонов!.. Наверное, недостаточно вредил людям?

— Вредил он достаточно, — заверил Азазель ревниво. — Правда, и помогал тоже очень даже заметно. Соломону не только построил великий Храм, но и устроил брак с царицей Савской... Может, поэтому?

— Но он уговорил Соломона, — напомнил Михаил, — выстроить идола, чтобы люди поклонялись демонам?

Азазель сказал с неудовольствием:

— Соломон уже тогда предвидел приход толерантности и политкорректности! Быть нетерпимым к чужому мнению — нехорошо.

— Хорошо, — возразил Михаил.

— Почему?

— Потому что правильно, — отрезал Михаил. — Смотри под ноги.

Азазель ловко перепрыгнул неширокую трещину, но глубиной она, казалось, достигает самого ада.

— А вот статуи люблю, — сказал он с чувством, — я же близок к народу? Они понятнее как вид искусства. Ух ты, целый ряд!.. Это кто?

Он остановился, рассматривая первую из статуй, что высечена, как и остальные, тоже расположенные в длинный ряд, в граните, но раскрашена в оранжевый цвет.

Подошли Бианацит и Аграт, Бианацит сказал коротко:
— Кетэв Мирири.

Кетэв Мирири, он же демон полуденного зноя, может обжечь так, что откинешь копыта, потому жгуче-оранжевый, вторая статуя изображает Сартию, князя нечистых снов, этот выглядит гордым и величественным, хотя ранг его не слишком уж и высок. Когда кому-то из людей посылается вещий сон, подручные Сартии поспешно вмешиваются, превращая сон в кошмар или добавляя что-то неверное. Потому по-настоящему вещих снов не бывает, обязательно там есть ложь. Сон вообще-то шестидесятая часть смерти, потому утром человек считается нечистым, ему нужно обязательно омыться или хотя бы сполоснуть руки, так как нечистота сна в родстве с нечистотой мертвечины вообще.

Бианацит по взмаху руки Азазеля пошел впереди, в одной руке автомат, в другой мощный фонарик, хотя освещение в зале достаточное, однако, как еще раньше объяснил Азазель, магия не действует на электрический свет, потому Бианацит педантично прощупывал дальним лучом дорогу перед ними и по бокам.

Аграт шла некоторое время рядом с Бианакитом, потом остановилась, а он прошел дальше в одиночку, дождалась Азазеля и Михаила, глаза огромные, указала пальцем в темную нишу:

— Там... там...

Азазель направил туда луч своего фонарика, присвистнул то ли удивленно, то ли озабоченно, а рука Михаила дернулась к кобуре с пистолетом.

Из просторной ниши на них злобно и требовательно смотрит трехметровая статуя из красного гранита. Голова квадратная, массивные плечи приподняты, потому голова выглядит с силой вдавленной сверху так, что шея исчезла, массивный подбородок упирается в грудь.

Огромные жилистые руки крепко держат боевой молот и щит, вид недобрый и мрачный.

Аграт прошептала:

— Адмирон...

Азазель буркнул:

— Точно? По мне, больше смахивает на Бехамирона. Молот и щит, он же без них никуда!

— Адмирон, — сказала Аграт уже с большей уверенностью. — У Бехамирона кожа, как у бегемота, черно-серая, Адмирон же весь красный!

— Ну тогда Адмирон, — ответил Азазель равнодушно, посветил фонариком дальше, сказал с иронией: — Там еще целый ряд...

Аграт заспешила туда, выказывая полезность, вскрикнула:

— Аврирон, Нашмирон... а дальше Дагдагирон... его можно узнать только по мутно-серебристому цвету, а так слишком красив, словно это он сам себя высекал из камня или командовал каменотесами...

Михаил слушал их умничанье с раздражением, ему эти имена ничего не говорят. Азазель бросил на него беглый взгляд, сказал Аграт:

— Посмотри там дальше. Должны быть Нахаширон, Шахрирон...

Она сделала огромные глаза:

— А ты откуда знаешь?

Михаил тоже насторожился, Азазель ехидно улыбнулся:

— Где идут подряд четверо первых помощников Самаэля, то можно ожидать и остальных из его двенадцати верных и преданных соратников?

Аграт поспешно пробежала дальше, подсвечивая фонариком, там вскрикнула:

— Ты угадал!.. Дальше Аффрион, Бехамирон... а это кто?.. Даже мне страшно!

— Тебя напугать нетрудно, — заметил Азазель, она мгновенно окрысилась, а он, не замечая понятной женской реакции, обронил: — Черный, как чернейший уголь... Шахрирон, как я и сказал. А вон тот, цвета запекшейся крови, это Цалель Демирон, как-то приходилось... гм...

Он умолк и с угрюмым видом прошел дальше. Михаил смотрел с отвращением, в какой-то мере одобрил только последнего из помощников всемогущего Самаэля, Шелхавирона, где нет вообще камня, только с треском и яростным напором полыхает свирепое пламя, где появляется и пропадает настолько отвратительное лицо, что кажется даже красивым.

— Здесь одиннадцать, — сказал он, — а где двенадцатый?

Аграт с задумчивым видом принялась пересчитывать, сбивалась и загибала пальцы, женщины и куры больше трех в уме держать не могут, а сам Азазель окинул рас-

сеянным взглядом ниши со статуями ближайших помощников Самаэля.

— Возможно, — предположил он, — двенадцатый под прикрытием?

Аграт приподняла брови, Михаил поинтересовался:

— Это... как?

— Работает под чужим именем, — объяснил Азазель. — Например, среди ангелов в Брие. Ломает систему врага изнутри... Потому его лицо стараются не засвечивать.

Михаил стиснул челюсти:

— Это подло!

— Это война, — напомнил Азазель мирно. — На войне подлости благородно и красиво именуются военными хитростями.

— Подлые люди не хотят признаваться в подлости?

— В войне участвуют не только подлые, — уточнил Азазель. — Когда война приходит в родной дом, даже пацифист хватается за оружие. Да и вообще... Военные должны выполнять приказ, не так ли?... На что это ты засмотрелся с таким... заинтересованным видом?... Ах, это же Санегирейя, ну еще бы...

Михаил сам ощутил, что с трудом отрывает взгляд от сочного даже в камне женского тела демоницы, созданного для чувственных утех, заставил себя идти дальше.

Аграт посмотрела на него сердито, фыркнула и пошла дальше, усиленно двигая вздернутыми ягодицами.

Бианакит уже в конце зала, у самого выхода, поглядывает, что там дальше, пару раз обернулся в понятном нетерпении, Аграт помахала ему рукой и красиво побежала к нему, все еще раскачивая задницу, словно чувствовала, что Михаил провожает ее взглядом.

В центре зала на невысоком, но широком постаменте фигура величественного демона в кресле, похожем на трон. Михаил решил было, что это Сатан или Люцифер,

однако надпись на цоколе гласит, что это сам великий Те-умизель, высший демон, глава всей системы антисфирот, который из всех антисфирот был создан самым первым.

Имя свое получил за стремление во всем быть двойником Всевышнего, хотя злые языки называют его обезьяной Творца за попытки подражать и хоть в чем-то превзойти.

Азазель остановился перед одной из последних ниш на другой стене, менее парадной, где расположены статуи менее значимых, указал пальцем:

— Вот этот мерзавец предлагал поджечь небо, когда ангелы восстали.

Михаил сказал ненавидяще:

— Ксафан?.. Его не узнать в этом мерзком карлике.

— Да, — согласился Азазель, — когда ты его сбросил вниз, он был красавцем. А теперь в аду раздувает пламя. Как его согнуло время...

— Так ему и надо, сволочи!

Глава 9

Противоположная стена во всю ширь покрыта замысловатым чертежом, где прямые линии умело вплетаются в круги, овалы, сферы, извилистые кривые.

Азазель всмотрелся с интересом, покачал головой. А Михаил, к стыду своему, не сразу врубился, что перед ним сложнейшая схема сфирот и антисфирот, но когда взгляделся внимательнее, то буквально ощутил, как по всем десяти каналам сфирот идет Божественная мощь в этот мир, но, чтобы этот грубый мир, спрессованный до состояния образования материи, мог существовать, его нужно держать под постоянным давлением, дабы снова не распался в состоящий из чистой энергии Брий, а потом в Йешир и вовсе в Ацилут...

Потому этот мир закрыт прочными и несокрушимыми оболочками клипот, которые отбирают большую часть Божественного света с помощью антисфирот, которых вообще одиннадцать.

В самом низу в камне высечены названия их всех в очередности сотворения: Теумиэль, Торниэль, Кени, Хасер, Рик, Талэ, Смол, Торик, Эреб Ве-Рик, Танин, Лилит.

Михаил сказал гневно:

— Демоны настолько угнездились среди людей, что даже обучали их строению вселенной? И заставляли поклоняться своим статуям?

— Это было давно, — сказал Азазель успокаивающе. — Ты знаешь, что случилось, когда дело зашло слишком уж... Наша задача не дать повториться подобному. Второй потоп Земля не переживет.

— Пойдем отсюда, — сказал Михаил с отвращением. — Смотреть мерзко!.. Но какие громадные залы, даже не представляю, как свод выдерживает тяжесть земли... Должны быть толстые колонны на каждом шагу!

Подожли к выходу, где у арочного проема ожидают Бианакит и Аграт, Бианакит кивнул и молча ушел вперед.

Азазель ответил весело:

— Мишка, расслабься и не ломай голову. Эти огромные подземелья строили не люди.

— Демоны? — спросил Михаил с такой враждебностью, что Аграт испуганно вскинула на него взгляд.

— Сам Ашмодей, — пояснил Азазель значительно и поднял палец, подумал и указал им вниз. — У него изначально странные отношения с людьми. Вообще-то, если подсчитать, он им больше помог, чем навредил. И, кстати, великий Храм Соломона, от которого теперь остался только фрагмент стены, названный Стеной Плача, построил Соломону именно Ашмодей.

Аграт сказала живо:

— А потом в Иерусалиме несколько лет правил вместо него, сидя на троне Соломона, что из слоновой кости!

— Что-то слышал, — пробормотал Михаил, — но потом Соломон вернулся и сумел доказать свои права на трон?

Азазель не успел слова сказать, Аграт вклинилась:

— А у нас говорят, Ашмодей все-таки обманул Соломона и до сих пор правит Израилем.

Михаил смолчал, от Аграт лучше держаться подальше, Азазель поинтересовался:

— Откуда дровишки?

— От тех, — ответила она, — кто сейчас в котлах с кипящей смолой сидит. Говорят, сейчас там правят так, будто Ашмодей не покидал трона в Иерусалиме.

— Трон сейчас в Тель-Авиве, — буркнул Азазель, — да и не трон теперь... В общем, эти подземелья построил Ашмодей, а он умел строить! Хотя и ломать тоже был мастер. Потому не ждите, что здесь все будет просто. Он всегда отличался, скажем, веселым нравом.

— Как и ты?

Азазель сказал скромно:

— У меня масштабы не те.

— В прошлом, — уточнил Михаил. — А теперь?

Азазель умолчал и пошел к выходу из зала, Аграт забежала вперед по направлению к Бианакиту, но остановилась у огромного круглого стола на массивных ножках из темного гранита.

На столешнице из-под тысячелетней пыли проступают некие линии, Аграт лихо смахнула ее в сторону обеими ладонями, пыли поднялось целое облако, а когда осело, у Михаила перехватило дыхание.

Стол расчерчен прямыми глубокими линиями зловещей пятиконечной звезды, что вершинами упирается в края столешницы, странные символы в каждом тре-

угольнике, а в центре, где пять углов, начертана короткая надпись из трех слов. Мало того, еще и в свободном от звезды пространстве выступают буквы, цифры и астрологические знаки язычников.

— С ума сойти, — сказал Азазель, — зачем такие сложности? Разве что для того, чтобы Михаил рехнулся?..

— А он что, — спросила Аграт с недоверием, — умный?

— Он красивый и представительный, — пояснил Азазель. — Такую сложнятину не станет и пытаться как-то вот так, чтобы взять и зачем-то решать.

Михаил поморщился:

— А ты?

— Я стану, — заверил Азазель. — Я как человек, мне все интересно. Догоню — не догоню, но почему не погнаться?.. Здесь сложнейший и весьма изощреннейший код, что понятно...

— Почему понятно?

Азазель посмотрел на него свысока:

— Люди всегда упражняют разум и мышление. Для них логические загадки что лакомство... Я говорю, понятно, про умных, а так среди людей хватает и таких, что хоть забор подпирай, хоть в ангелы.

— Азазель, — сказал Михаил с угрозой.

— Ах да, прости. Аграт такая тихая, что я даже забыл о ней, а вот ты все время о ней помнишь и даже пузо подтягиваешь.

— Азазель!

— Молчу-молчу, — сказал Азазель с подчеркнутым испугом и даже пригнулся, будто избегая удара палкой по голове. — Ох эти выпендристы перед женщинами... Хорошо быть Бианакитом, вот уж никаких комплексов!.. Ага, вот и оно!

Арочный свод вывел в зал, Михаил ощутил оторопь при виде огромного барельефа на половину стены из

красного гранита. Лицо свирепое, массивное, с тяжелой выступающей нижней челюстью, низким лбом и приплюснутым носом.

Азазель неспешно и по-хозяйски приблизился к стене. Михаилу вдруг показалось, что каменное лицо не совсем каменное. Азазель тем временем взглянул снизу вверх и сказал жизнерадостно:

— Мельхом!.. Как жизнь?

Огромное лицо на каменной стене дрогнуло, толстые веки поднялись. Михаил оцепенел, два страшных глаза посмотрели прямо и с убийственной яростью.

— Смертный? — проревел страшный голос. — Кто позволил...

Азазель жестом велел Михаилу отступить хотя бы на пару шагов, а сам сказал еще веселее:

— Привет, Мельхом. Давно не виделись, верно?

Каменное лицо вперило в него страшный взгляд:

— Азазель?.. А ты зачем здесь?

— Кое-что забрать, — сообщил Азазель.

Чудовищное лицо исказилось в такой страшной гримасе, что Михаил сжался, ожидая треска и грохота рассыпающейся скалы, но камень оставался пластичным и послушным воле демона, похоже, он и есть хранитель сокровищ князей ада.

— Забрать? Ты ничего не можешь забрать! Здесь тебе ничто не принадлежит!.. Удивляешь меня, Азазель!.. Никогда не был замечен ни в чем подобном.

— Мир изменился, Мельхом, — ответил Азазель с печалью. — А насколько был тогда прост и понятен!

Толстые губы каменного стража изогнулись в жуткой усмешке:

— Ты готов встретиться с хозяевами этих сокровищ?

— Только за накрытым столом, — сообщил Азазель. — А ты знаешь, что сюда уже идет Кезим? Именно сюда?..

И что ему нужно, догадываешься?.. Так, может, лучше взять мне?

Демон отрубил страшным голосом:

— Никому!.. Это сокровище князей ада.

— Кто-то возьмет, — сказал Азазель со вздохом. — Кезим сумел освободиться из Шеола, теперь уже не остановить.

— Но властелины ада...

Азазель прервал:

— Он не собирается возвращаться. А здесь те властелины над ним не властелины. Понимаешь, что случится?

Михаил затаил дыхание. Огромное каменное лицо выглядит невероятно пластичным, каждое движение чувств отражается предельно заметно, и сейчас этот хранитель сокровищ явно заколебался, а это значит, не простой страж, который лишь исполняет приказы.

После паузы каменное лицо приняло очень строгое, даже жесткое выражение.

— Азазель...

— Слушаю, — ответил Азазель почтительно. — Ты мудр и честен, потому тебе и доверено распорядиться им правильно. И сейчас, когда над миром нависла угроза, я уверен, проявишь свойственную тебе мудрость.

Каменное лицо вперило в него взгляд огромных страшных глаз.

— Как хранитель сокровищ властелинов ада, — прозвучал мощный голос, словно говорит весь зал и вся гора, — я не разрешаю тебе касаться их тайника!

— Мельхом...

Чудовищное лицо жутко искривилось. Михаил вздрогнул, стена из камня колыхнулась от свода до пола, словно парусина, которой коснулся порыв ветра, а под ногами прогремел и прокатился неспешно, словно металличе-

ский шар размером с гору по слегка наклонной поверхности, грозный и чем-то напоминавший ему гул.

— Азазель, — прогрохотал голос страшно, — пусть эти трое уйдут!

Азазель бросил негромко через плечо, даже не повернув головы:

— Уйдите.

Бианакит послушно отступил и, видя, что Аграт и Михаил увязли в колебаниях, потащил их за одежду.

— Нужно отойти, — сказал он сумрачным тоном. — Никто не должен слышать, о чем они говорят. А еще мы не должны видеть, что там в сокровищнице властелинов ада.

Михаил отступил на несколько шагов. Аграт сделала капризную мину и отошла на пару шагов, не отрывая взгляда от Азазеля, но Бианакит оттащил ее почти силой.

— Если это сокровищница властелинов ада, — спросил Михаил шепотом, — почему она здесь, а не в аду?

Бианакит пожал плечами:

— Я солдат, вопросов не задаю.

— Но свое мнение есть?

— Важно мнение командира, — ответил Бианакит ровным голосом. — А свое мнение можно потом... когда операция будет закончена.

Аграт презрительно хмыкнула, Михаил сказал со вздохом:

— Ты прав.

Они вышли в другой зал, но Михаил наострил слух и выглянул вполглаза, как раз чтобы увидеть, как Азазель поклонился, отступил на шаг и еще раз поклонился.

— Ты всегда был мудр, — произнес он с чувством, — мы покидаем это место, прости за беспокойство!

Он повернулся и быстро пошел вслед за соратниками, а когда выступ арочного входа скрыл его, Михаил спросил шепотом:

— За что ты его благодарил? Он не разрешил тебе даже касаться сокровищницы!

Азазель покосился на наостривших уши Аграт и Бианакита, ответил таким же шепотом:

— Но и не запретил!.. Разве нам на головы рухнул свод? Или под нами провалился пол, и мы рухнули до самого ада?.. Теперь это только между нами и Кезимом.

— Он... поверил тебе?

— А почему мне не поверить? — спросил Азазель оскорбленно. — Я никогда не вру, если не считать определенных моментов... Он понял, что Кезим возьмет без всякого спроса!

— А откуда Кезим знает?

Азазель поморщился:

— Он присутствовал как помощник одного из владык. Но предполагалось, как и большинство жителей преисподней, никогда не покинет ее пределов и вообще не будет интересоваться земными делами. Все за мной, это где-то здесь!

Он добежал до другой стены, неприятно покрытой инеем, вскинул руки и стиснул кулаки. Михаил отчетливо видел проскользнувшую между сжатыми пальцами молнию.

Загрохотало, по стене прошла вертикальная трещина. Обе половинки начали со звездной неспешностью расползаться в стороны.

Азазель не стал ждать, когда они полностью уйдут в противоположные стены, протиснулся на ту сторону, Аграт проскользнула следом, за нею Бианакит.

Михаил вошел последним, как самый слабый и единственный человек в команде. В просторном зале легко бы

разместилась тысяча воинов, а то и всадников. Стены из черного камня, как и пол, а в центре зала страшно и зловеще горят багровым огнем ада длинные канавки в камне, образуя огромную пятиконечную звезду.

Глава 10

Азазель перешагнул ближайшие канавки, центральный пентаэдр звезды чуть выше остальных частей, те просто прочерчены в камне пола, а здесь даже замысловатые символы слишком сложные, чтобы попытаться уловить сходство с какими-то знаками.

Аграт спросила за их спинами тихонько:

— Это... запретное имя Бога?

Азазель буркнул:

— Не женствуй, женщина.

— А что не так? — спросила она задиристо. — Где-то же оно начертано?

— У Творца нет имени, — отрезал Азазель. — Имена дают, чтобы отличать одного от другого, не знала?

— А я слышала, есть тайное имя Бога..

— Я тоже много чего слышал, — буркнул он. — А теперь умолкни и стой смирно. И не дыши.

Он протянул руки, ладонями держал вниз, потом повернул вверх с таким видимым усилием, словно наматывал на них толстые канаты, поднимая груз.

Под ногами глухо прогремело, а из центра пентаэдра начал подниматься четырехугольный столб из такого же черного камня. Азазель все еще держал руки в прежнем положении, лицо подрагивает от напряжения, а когда со вздохом опустил, столб тут же перестал выдвигаться.

Михаил видел, что Бианакит и Аграт тоже застыли, опасаясь помешать сосредоточению Азазеля, а тот заговорил на некоем древнем языке, голос становился все

громче и повелительнее. Последнее слово выкрикнул и поспешно стиснул верхушку столба с обеих сторон ладонями.

Сухо щелкнуло, словно раскололся камень. Черный столб стремительно ушел вниз, дыра закрылась, но Азазель с торжествующим лицом удержал в руках черный квадратный ящик из того же камня.

Аграт охнула:

— Это... что?

— Угадай, — ответил он.

Осторожно переступил багровые ручейки лавы в глубоких канавках, стараясь не задеть подошвами, вышел из адовой звезды.

Бианакит протянул руки к каменной шкатулке, Азазель передал ему со словами:

— Теперь держи крепче. Сейчас самое интересное...

Михаил чувствовал по его напряженному голосу, что это интересное может оказаться и очень опасным, Мельхом мог не пойти навстречу Азазелю, и тогда этот ящик будет смертельной ловушкой.

Снова сухо щелкнуло, словно разломился, как почудилось Михаилу, сам камень. Спустя мгновение увидел, что разломился в самом деле, разломился и, продолжая крошиться, рассыпался в песок, а тот истаял, не успев коснуться пола.

А в руках Азазеля остался массивный и длинный ключ из желтого металла, от него во все стороны пошло мягкое сияние.

Азазель сказал со странным выражением, будто с трудом вспоминал не только давно забытое, и такое, что старался забыть сам:

— Вообще-то у меня когда-то был такой же... Обычный амбарный ключ... А теперь это антикварная старина. Хоть сейчас в Сотбис.

Аграт сказала с восторгом:

— Ты чего? Смотри, он из золота рудников самого Абадона! Тамошнее крепче любой стали, забыл? А какая виртуозная резьба от ушка и по всей длине!

Он буркнул, рассматривая ключ:

— А мне что?

— Над ними трудились мастера не один месяц! — сказала она. — Это же красота какая!

Он кивнул Михаилу в ее сторону:

— Я ж говорил, дизайнер, прости за неприличное слово. Но, хотя королевская карета может быть дороже моего автомобиля, я как-то по простоте своей предпочитаю автомобиль.

Однако Михаил видел, насколько он доволен и даже счастлив. Похоже, опасность была нешуточная не только со стороны Мельхома, который мог и не пропустить, и тогда непонятно, как бы действовал Азазель, но по дороге до и после наверняка были ловушки, которые Азазель то ли чувствует, то ли хорошо помнит их расположение.

Михаил сказал тихонько:

— А твоя мощь здесь не действует?

Азазель вскинул бровь:

— В каком смысле? Ты же видел...

— А насчет раздвинуть стены, найти тот клад и поднять...

Азазель поморщился:

— Шутишь?.. Здесь закладывали двенадцатером!.. Двенадцать владык ада!

— Понял, — сказал Михаил.

— Правда? — спросил Азазель с издевкой. — А помочь не хочешь!

Аграт спросила со жгучим любопытством:

— А в чем он уже может помочь? Он же и так из кожи лезет!

— Из кожи мало, — отрезал Азазель. — Надо из тела.

Она хихикнула:

— Ну ты даешь.

— Я такой, — согласился он. — Женщинам не понять. Красивый и загадочный. Аграт, глава вашего Братства все еще Велиал?

Аграт спросила удивленно:

— Что значит «все еще»? Он им и останется!

— Он всего лишь демон третьего чина, — сказал Азазель небрежно. — Могли и сместить.

Она нахмурилась, с оскорбленным видом подобрала губы:

— Велиала?.. Сместить? Он появился сразу после Сатана и первым после него был низвергнут с небес! А до того был самым достойным и блистательным, куда более достойным, чем архангел Михаил, что после изгнания мятежных ангелов стал наконец-то первым!

Азазель кивнул с довольным видом, бросил короткий взгляд на Михаила:

— Ненавидишь держиморду?

— Архангела? — переспросила Аграт злобно. — Убила бы сразу! Сволочь избавился от соперников, чтобы стать первым на небесах! Мерзавец!.. Урод! Гадина!

Азазель вздохнул:

— Да, власть портит...

— Ненавижу, — повторила она с чувством. — А Велиал дружен с самим Сатаном, Астаротом, Асмодеем, Мерезином и Аваддоном, что занимают весь верхний эшелон власти и могущества!

— У Велиала всего пятьдесят легионов демонов, — заметил Азазель. — А у Паймона пятьсот легионов, замечаешь разницу? У Лилит четыреста восемьдесят, даже у Махлат четыреста семьдесят восемь легионов ангелов-разрушителей...

Аграт сказала сухо:

— У Велиала сейчас не пятьдесят, а восемьдесят восемь легионов. В каждом по шесть тысяч шестьсот шестьдесят шесть могучих исполинов, что стоят даже не пятьсот, а тысячу легионов подобного сброда да и то недоукомплектованных!

Азазель остро взглянул на Михаила.

— Видишь?..

— И встанет гриб лиловый, — ответил Михаил, — и кончится земля... Думаешь, все вот так и ринутся?.. Никто не стронет армию с места из опасения, что соперник тут же захватит его земли. Но, конечно, свои отряды посылать сюда будут все чаще...

Азазель сказал подчеркнуто бодрым голосом:

— Знаю, все вы устали, а нервы на пределе. Сейчас полежать бы на диване, но вот беда, нет достаточно удобных диванов! Потому идем к тайнику. Половина работы сделана!

Он поднял над головой ключ, словно демонстрируя толпе в сто тысяч человек, тут же спрятав за пазуху и пошел вперед быстрым уверенным шагом.

Бианакит, что и не думал снимать с плеч рюкзак, пошел следом, затем опередил и двинулся по все сужающейся анфиладе залов, что быстро превратилась в длинный извилистый тоннель.

Аграт заторопилась за ним, молча признав, что и Михаил входит в основное ядро группы, а они вдвоем с Азазелем шли, держа оружие на изготовку, Азазель молчал, сверяясь со знаками на стенах. Михаил встревоженно всматривался в закругленные стены, низкий неровный свод и расчерченный на квадраты пол в сплошной плите гранита, сердце стучит уже в панике, а кровь бьет в голову.

Азазель оглянулся:

— Ты что отстаешь?

— Тоннель, — проговорил Михаил осевшим голосом, — он сворачивает то вправо, то влево, как ползущий дождевой червь...

— Да, — согласился Азазель. — И что?

— Почему? — спросил Михаил. Он повел стволом пистолета из стороны в сторону. — Правильнее бы прямо...

— Так это правильное, — ответил Азазель с ноткой бесконечного превосходства. — Всего лишь правильность! Она хороша в науке, во всем остальном унизительна для человека и его гордой сути. Анархия — мать порядка! Хотя здесь не анархия, а художественная интерпретация чего-нить...

— Чего?

— Например, — ответил Азазель с достоинством, — жизненного пути человека. Или его познания мира. Или нашего чувства прекрасного, что у тебя отсутствует начисто... потому что комплименты даже Аграт, не говоря о твоей Синильде, говорю только я.

Михаил бросил виноватый взгляд в сторону далекой фигурки Аграт с мелькающим лучиком фонарика.

— Да как-то случай не подворачивался...

— Ни той, ни другой?

— Ну, не получалось...

Азазель сделал большие глаза:

— Какой нужен случай для комплиментов женщине? Просто брякай любые любезности, когда и что вздумаешь. Все проглотит с жадностью, как утка жирных лягушек... Эй-эй, смотри под ноги!

Михаил автоматически отпрыгнул, взглянул на пол.

— Ловушка?

— Нет, — ответил Азазель. — Проверка слуха. Не отвлекайся на красоты.

Михаил стиснул челюсти, какие красоты в жутком подземелье, мрачном, отвратительном и полном всяче-

ских ловушек, надо быть худшим из демонов, чтобы любоваться, когда-то заставит Азазеля заплатить за эти издевательства...

Азазель остановился, всматриваясь в полустертую временем длинную надпись во врезанной в стену каменной плите. Михаил мазнул по ней взглядом и хотел пройти дальше, но мороз пробежал по телу, когда увидел, что буквы на глазах становятся другими, вместо одних появляются другие, а некоторые просто меняются местами.

Мелькнула мысль, что это особо мощная магия, он сам видел у Азазеля, как точно так же буквы могут выстраиваться иначе на бумаге, но это на бумаге, намного труднее такое проделать на металле, но и тот, несмотря на то что металл достаточно пластичен, так как выплавлен из руды, можно ковать, придавая нужную форму.

Потому самые ценные надписи оставляли только на камнях, ни один чародей не мог изменить такую надпись, и потому существовала поговорка, что Бог не инженер, а каменщик.

Михаил чувствовал трепет от ощущения той древней мощи, покосился на Азазеля, тот кивнул с хмурым видом.

— Само начертание, — проговорил он, — уже предупреждение.

— Чтоб дальше не совались?

— Или пеняли на себя, — согласился Азазель. — Кто-то не хочет загромождать свои апартаменты трупами, что будут разлагаться и мерзко вонять довольно долго, пока не превратятся в скелеты.

Михаил поспешно отвернулся от угрожающей надписи, где из глубоко врезанных букв потекла по стене кровь.

— Да уж... угроза так угроза... Или у вас, демонов, это приглашение?

— У кого-то твое чувство юмора, — согласился Азазель. — Тебе ведь смешно, да?

Впереди наткнулись на поджидающих их Бианакита и Аграт. Аграт не дала Бианакиту даже раскрыть рот, заявила с апломбом:

— Где-то промахнулся, всезнающий Азазель!

— Что случилось?

Она картинно повела рукой:

— Смотри.

Бианакит молча подсветил фонариком, довольно широкий ход неожиданно уперся в глухую стену.

Луч света попрыгал по ней и по стыкам со стенами, высвечивая уголки, но ощущение такое, что ход выгрызен гигантским червем в сплошной глыбе камня.

— Если это Шамир, — сказал Азазель, — то куда он сам делся?..

— Черви ползают задом, — напомнила Аграт, — точно так же, как и передом. А ход этот мог выгрызть тысячи лет тому назад, когда добывал камень для строительства Храма Соломона.

— А потом издох?

Азазель всмотрелся в стену, подвигал беззвучно губами, сказал вдруг:

— Всем отступить на два десятка шагов!..

Бианакит попятился тут же, приказ есть приказ, командир берет за них ответственность на себя. Аграт сердито дернула Михаила за руку и дисциплинированно заставила отступить на эти два десятка шагов, громко отсчитывая их вслух.

Из стены, преграждающей им дорогу, вывалился на пол, оставив в стене вмятину, крупный демон, весь в плотной блестящей чешуе, ринулся в их сторону, разевая страшную пасть с длинными клыками..

Азазель выстрелил дважды, демон споткнулся на бегу и упал ему под ноги. Азазель неспешно пятился от стены, а там оформились еще два таких же зверя, оба скрючен-

ных в позе эмбрионов, но когда выпали на пол, разогнулись и, взревев, бросились на Азазеля.

И снова успел уложить обоих, но за это время отступил до готовых к бою соратников, сказал с угрозой:

— Нет нам преград ни на море, ни на суше...

Из стены начали вываливаться демоны все чаще, стена истаявала, она вся, оказывается, состоит из их тел. Сперва в ней оставались вмятины и отпечатки, затем отверстия и щели, наконец на пол рухнули последние глыбы и тоже поднялись отвратительными чудовищами, намного более тяжелыми, чем предыдущие.

Глава 11

Аграт тонко и отвратительно вскрикнула. Михаил с ужасом увидел, как прекрасное лицо начало заостряться, резко выступили скулы, нос заострился и загнулся крючком, челюсти выдвинулись, как у рептилии, а в пасти блеснуло множество мелких острых зубов.

Лицо ее потемнело, стало землистым, а ногти на пальцах превратились в острые когти.

Скосив глаза в его сторону, она проскрипела страшным голосом:

— Испугался, красавчик?.. Еще не то увидишь...

Ее тело покрылось металлической чешуей, а изогнутые, как у животных, ноги заблестели, словно стальные доспехи.

Он не успел слова сказать, она прыгнула с места, развернув неприятно блещущие металлом крылья, унеслась навстречу демонам.

Азазель ухватил его за локоть:

— Быстро за мной!

Он потащил его в боковую щель, Михаил вскрикнул в негодовании:

— А как же они?

— А если Кезим уже там? — отрезал Азазель на бегу. — Я чувствую его присутствие!

Михаил молча поддал ходу. Если Кезима не остановить, он это уже понял, этот прекрасный мир, созданный Господом с какой-то неведомой целью, рухнет.

— Бианакит, — наконец выкрикнул он, — как...

— Знает, — заверил Азазель, — он знает, что делать!

Впереди мелькнула тень, Михаил выстрелил почти инстинктивно, на каменный пол рухнула, трепыхаясь кожистыми крыльями, мерзкая уродливая тварь.

— Не останавливайся, — предупредил Азазель.

Сам он стрелял скупой и только в тех, кто преграждал путь. Похоже, здешние демоны как-то привязаны к определенным местам, защищают только свои гнезда или арены, а в погоню не бросаются.

Трижды встретили демонов, что предпочитают бегать по своду, такие после первого же попадания срываются с потолка и с каменным стуком обрушиваются на пол, а там можно и добить, если какой гад оказывается слишком живучим.

Михаил иногда прислушивался к звукам, что за спиной. Азазель увидел, бросил коротко:

— Не беспокойся. Аграт не подарок, Бианакит вообще ветеран многих битв.

Михаил покачал головой:

— Мы их оставили в разгар схватки...

— Разве то схватка? — спросил Азазель. — Схватка будет у нас. С Кезимом тягаться нам, а им так... семечки.

— Ладно, — бросил Михаил, — надеюсь, справятся. Аграт...

Он умолк, Азазель бросил на него понимающий взгляд:

— А себя в момент битвы видел? Все мы становимся... иными. Неприятными, если говорить корректно. Ты же

знаешь, какой я корректный! Самый корректный в мире. Ты вообще полное говно, когда хватаешься за пистолеты, а лицо твое преобразается еще как. Лучше не смотреть...

Михаил буркнул:

— Я себя не вижу. А ее видел.

— Нужно быть добрее, — сказал Азазель с мягким укором. — У тебя как насчет доброты? Где-то около нуля или ниже?

— А у тебя она есть?

— Одолжить? — предложил Азазель деловито. — У нас их есть!.. Женщины, когда злятся, все становятся отвратительными. А чирикающими даже уродки нам нравятся. Остается только пару стаканов водки, и все путем... Слева!

Михаил развернулся и выстрелил еще прежде, чем увидел мелькнувшую тень, но под ноги упал зверь, состоящий, казалось, весь из когтей и зубов.

— Ты в самом деле прирожденный воин, — крикнул Азазель в восторге. — Тебя и затачивали на истребление инакомыслящих и демократов!.. Убивец, короче. Киллер!

— Мне бы еще твое чутье, — пробормотал Михаил.

Он выстрелил снова, из темноты начали выпрыгивать чудовища, но четыре непрерывно стреляющих пистолета создали огненную стену из раскаленной стали, и впереди росла гора трупов.

Некоторые демоны, как заметил Михаил, превращаются в землю и рассыпаются, другие тут же проваливаются в огненную яму, третьи рассыпаются сразу, еще не успев рухнуть на землю.

Сам он стрелял скупой, инстинкт лучшего воина направляет пули точно в цель, сам успевал заметить, кто из демонов что метнет, легко уклонялся как от сгустков огня, так и простых камней, что способны сшибить с ног. Азазель палил из двух пистолетов, по грохоту выстрелов Михаил определил, что стреляет на всякий слу-

чай бронебойными и разрывными, еще есть у него и пара обойм особых патронов, которые не то сам изготавливал, не то что-то менял в них для повышения убойной силы.

Дважды в их стремительном беге дорогу пересекали подземные ручьи, однажды один поток вообще предпочел для своего русла сам тоннель, и пришлось долго бежать, а потом брести по колено в ледяной воде.

Один раз поток поднялся до пояса, пока не отыскал подходящую щель и с облегчением ушел вниз, а они дальше двигались в мокрой одежде, продрогшие и усталые.

Азазель оптимистически заверил, что дальше будет еще хуже, но падать духом рано. Господь ни на кого не возлагает чрезмерную ношу, а только ту, которую человек или демон способен вынести, так что несите и ропщите, а то ропщаемы будете!

— Ты это уже говорил, — буркнул Михаил, от усталости кружилась голова, а рюкзак, хоть и стал легче, но все равно кажется невероятно тяжелым. — А я запоминаю с первого раза!

— А поумничать? — спросил Азазель. — Бесчувственный ты какой-то... Быстрее, вон там за нами ломится целая толпа...

Михаил поддал. Азазель на бегу оглянулся и трижды выстрелил вверх. Михаил услышал сзади тяжелый удар о землю, следом еще несколько, а в спины ударила тугая волна пыльного воздуха.

— Что там?

— Замочный камень в своде едва держался, — пояснил Азазель довольно, — это я как архитектор тебе говорю.

— Это ты архитектор?

— Еще какой!.. Я такого понастроил! Знаешь, сколько людей подавило? И сейчас помог замковому упасть и упокоиться с миром, расплющив этих живых тварей, которых неживой мир ненавидит еще больше, чем вы, ангелы...

Михаил смолчал. Азазель не может не придирается и не провоцировать, мерзкая природа такая, дня не проживет без гадостей и шпилек, да что там дня, часа не проходит...

— Шибче, — покрикивал Азазель бодро, — шибче, чепепах!.. Спина ровнее, взгляд гордый, челюсть вперед... Мы победим, но пасаран!.. Лучше мы, чем нас... Что, уже коленки дрожат? Я же говорил, для рукопашки с демонами человеческого тела маловато. Неважно, как ты им владеешь. Нужно выбрать другое, поплотнее...

Михаил помотал головой:

— Ни за что!..

— Почему?

Михаил подумал, что-то весомых доводов не подыскивается, рассердился на себя, ответил с достойной твердостью:

— Потому что! Во-первых, привык, теперь это мое тело. Во-вторых, Синильда знает меня таким, а вот другим вдруг не захочет...

Азазель скривился:

— Все еще Синильда?.. Мы через такое уже прошли, а ты все о Синильде?.. Всерьез? Тебя такая малость останапливает?..

— Это не малость, — отрезал Михаил сухо. — Женщин много, я же знаю, что скажешь, но Синильда одна! И терять я ее не хочу, не могу и не стану.

Азазель закусил губу, но на бегу думается неважно, сказал с мрачной злостью:

— Ладно, отложим это. Хотя очень важно скрыть твои фанфаронные всплески. Демоны, как я тебе уже втолковывал, появляются бесшумно!.. Как из ада, так и здесь перемещаются хоть с континента на континент. Главное, втайне от людей, хотя это все труднее и труднее.

Он развернулся в сторону левой стены, отступил на пару шагов, упершись в нее спиной, пистолеты в руках готовы к стрельбе. Михаил изготовился тоже, Азазель буркнул:

— Вот и такое пока не видишь...

На миг стена стала похожей на завесу из плотного тумана. Михаил увидел, как с той стороны к ней несутся огромные существа, сверкают ногти и зубы, но Азазель прокричал нечто злое и резкое, взмахнул руками.

Стена стала прозрачнее и толще, чудовища с той стороны начали ломиться через нее, увязая, как в клейком тесте, Азазель выждал, снова прокричал, сжал кулаки, и стена снова стала гранитной.

Демоны застряли в ней, только двое успели наполовину выдвинуться на эту сторону, а третий, самый юркий, почти выскочил, однако нога от середины голени и ниже осталась в камне.

Он выл и корчился, чувствуя как нога превратилась в камень и стала одним целым со стеной.

Азазель бросил раздраженно:

— Больно ты прыткий... Больно? Хочешь освободиться от боли?

Демон судорожно закивал. Азазель выстрелил ему в голову и кивнул Михаилу:

— Не отставай, романтик.

Михаил судорожно вздохнул и побежал следом, ремни рюкзака ослабли, теперь колотит по спине чем-то ребристым, похоже, гранатомет повернулся не тем боком.

— Чтобы спасти от уничтожения Содом, — напомнил Азазель на бегу, — нужно было найти в нем десять праведников, помнишь? А вот сейчас, чтобы уничтожить весь мир, довольно и одного дурака в нужное время в нужном месте.

Михаил с тяжелым вздохом спросил:

— Неужели так плохо?

— Хуже некуда, — заверил Азазель серьезно. — Творец дал человеку свободу воли, как ты помнишь. И если человек восхочет уничтожить мир, даже Господь ему не помешает.

Михаил сказал тяжелым голосом:

— Но это не обрадует Создателя. Очень даже не обрадует...

— Потому, — сказал Азазель, — хорошо бы этот мир спасти, как ты думаешь?.. Так, для смеха.

— Тебе все для смеха...

— Чтобы выжить в страшном мире, — сказал Азазель, — нужно быть оптимистом. И с улыбкой идиота идти солнцу и ветру навстречу, расправив упрямую грудь! У тебя как, упрямая?.. Эх, все еще не понимаешь... Мир в самом деле очень сильно изменился. И все ускорилося, понимаешь? Даже я не успеваю, а это вообще!..

Михаил спросил в лоб:

— Что, демонов здесь уже настолько много?

— Да не в демонах дело, — ответил Азазель тоскливо. — Люди бывают почище демонов. Демоны что, большинство затаились и живут тихонько, как мыши под полом.

— Мыши вредят, — отрезал Михаил.

Азазель сказал безнадежным голосом:

— Думаешь, если бы мыши вредили как-то сильно, люди не сумели бы их уничтожить всех?.. Есть такая поговорка у людей: овчинка выделки не стоит.

— И что это значит?

— Вред от мышей настолько мизерный, что люди даже не заморачиваются борьбой с ними. И мыши будто понимают, не наглеют, чтобы люди не осерчали чересчур сильно. Так и демоны. Где-то если и пользуются своими возможностями, то редко и по мелочи, понял? Стараясь,

чтобы никто не увидел. Так было сотни лет, еще с первых побегов из ада, но сейчас все изменилось!.. Еще не понял? Слушай внимательно. Я уже говорил, из ада не просто бегут, а кто-то выпускает! А это уже другой уровень опасности.

Михаил вздрогнул, по спине прошла холодная волна.

— Да, ты говорил, но всегда хихикаешь, а это как-то несерьезно. Может быть, стоит созвать Совет Четырех?

Азазель ответил горько:

— И поставить все под удар?.. Михаил, ты так и не понял самого главного.

В голосе прозвучала такая мрачная мощь, что Михаил напрягся, предчувствуя новые неприятности.

— Если я не понял, — сказал он с вызовом, — скажи!

— Ты, — сказал Азазель нарастающим, как раскаты приближающейся грозы, голосом, — в разгар яростного спора сцепился с Сатаном и с помощью своих единомышленников низверг его в созданный вами ад... И тем самым ты принял на себя всю тяжесть как первого решения, так и всех, что были потом и будут дальше!

Он замедлил бег у зеркала, что от пола и до свода, а в ширину позволило бы четверым выйти из него плечом к плечу. Поверхность от времени потемнела, покрылась туманной рябью. Михаил едва различил свое лицо, ноги уже сделали шаг мимо, но голова повернулась сама по себе, даже позвонки хрустнули.

Он остановился и снова взгляделся в туманную рябь, стараясь понять, что если не встревожило, то привлекло особое внимание, снова всмотрелся в свое изображение, затем скользнул взглядом по массивной раме.

Смотрится цельнокованой, из темного и явно благородного металла, особенно массивная часть внизу, что оправданно, служит заодно и подставкой, однако с боко-

выми рамками пропорции тоже сдвинуты, ни один мастер не позволит себе такого явного нарушения.

— Азазель, — позвал он. Азазель недовольно оглянулся. Михаил указал на зеркало: — Это же не простое, верно?

Азазель двинул плечами:

— Да, это старое... Уже негодное, хотя в древние времена могло стоять в спальне королей... А что?

— А ты присмотришься, — предложил Михаил.

Азазель подошел, взглянул нехотя:

— А что в нем?.. Кривое какое-то... нет, отражает ровно, но сделано как-то...

— Хорошо сделано, — возразил Михаил. — Ты же не Аграт, которой все плохо, если непонятно. Это же портал?

Глава 12

Азазель всмотрелся внимательно, протянул руку, Михаил наблюдал, как он касается кончиками пальцев поверхности самого зеркала, щупает завитушки на раме, что смотрятся не столько украшениями, как стилизованными символами.

— Зеркала, — проговорил он в задумчивости, — это в самом деле всего лишь отражающая поверхность... но если уметь пользоваться... это и порталы, у тебя хороший глаз. Ты же на Аграт только взглянул и сразу увидел, что у нее под платьем?

Михаил проигнорировал выпад, потрогал холодную поверхность зеркала.

— Не слишком опасная вещь эти порталы? Если из дома в дом, пусть даже второй дом где-нить в Австралии, но если второй конец портала в аду? Что, если по этому зеркалу могут из ада перебираться в наш мир?

Азазель покачал головой:

— Таких нет. А если и есть, то нет старых мастеров, которые умели бы пользоваться. Во всяком случае, о таких не слыхал.

— А ты? — спросил Михаил. — В самом деле не умеешь?

— Михаил, — ответил Азазель с укором. — Я знаю в самом деле многое, но не все. Если вещи, в которые вгрызался с наслаждением, а вот зеркала... как-то не по мужски... А тебе интересно?

— А если кто-то отыскал древний способ? — спросил Михаил. — Не хотелось бы, чтобы за спиной кто-то вылез оттуда.

Азазель сказал с упреком:

— Хочешь жизнь прожить без неожиданностей?.. Нет в тебе романтики!..

Михаил проговорил сквозь зубы:

— Боюсь, этой мерзости целое море в Кезиме. Что он собой представляет?

Азазель пожал плечами, а когда заговорил, в голосе откровенно прозвучало презрение:

— Простой народ таких называет элементариями. В наивности полагают, что те в состоянии властвовать стихиями. Элементали Воды, элементали Огня, элементали Ветра...

— Но ты же говорил...

Азазель поморщился:

— Властвуют не потому, что властелины!.. Боевые Жрецы могут получать энергию от клипот, вот почему. А энергия — просто энергия, ею можно воду как заморозить, так и вскипятить до пара. Ветром они тоже управляют... ну, те, немногие, которые достаточно высокого ранга...

Он умолк, Михаил увидел, как тот насторожился, впервые снял рюкзак и, расшнуровав, оставил открытым у сво-

их ног. Михаил снял свой и, раскрыв, чтобы гранатомет был на виду, оставил перед собой на полу.

Через полминуты донесся далекий невнятный гул. Шаги приближаются настолько тяжелые, словно шагает сама гора.

Азазель проговорил непривычно суровым и даже жестким голосом:

— Кезим...

Лицо его побледнело, заострилось, а глаза заблистали мрачным огнем. Медленно выпрямляясь, он вскинул руки над головой, красиво расставил их на ширину плеч, в ладонях появился длинный меч, лезвие грозно обрело багровый цвет.

Михаилу показалось, что он раскален докрасна. Азазель удержал пару мгновений, потом убрал правую, меч остался в левой.

— Да, — ответил он на вопросительный взгляд Михаила, — я левша!.. Левши самые умные и красивые, не знал?.. А зарплаты у них выше, и почти все известные правители, начиная с Гильгамеша, были левшами... Готов?

— К такому никогда не готов, — ответил Михаил честно. — Надо ли было отсылать Аграт с Бианакитом?

— Перекрывают тоннель с той стороны, — бросил Азазель. — Иначе окружают и сомнут, их даже не десятки.

Шаги гремели все громче, Михаил чувствовал, как бешено колотится сердце, а руки предательски подрагивают. Во рту стало настолько сухо, что язык начал царапать десны.

— Это последний наш бой, — прошептал он. — Неважно, убьет меня он, или я его огненным мечом, но все демоны узнают, кто я есть, потому из Брия выдернут уже навсегда.

— Спасибо, — ответил Азазель очень серьезно, — что был рядом и нес эту ношу до конца. Ты сделал даже больше, чем я надеялся.

Резко пахнуло холодом, тяжелые шаги стали ближе, в темном проходе тоннеля блеснуло, словно там появилась громадная глыба льда.

В зал вдвинулось нечто сверкающее холодными искрами, разогнулось в полный рост.

Михаил с трепетом увидел гиганта, целиком состоящего из ледяной глыбы, массивного, широкого, воздух вокруг тела искрится и опадает на пол снежинками. Он повернул голову и вперил в них с Азазелем взгляд острых глаз из узких щелей между скальными выступами надбровных дуг и высоких угловатых скул.

Прогремел скрежещущий рев. Михаил не сразу разобрал в нем слова:

— Азазель?.. Ты все-таки узнал о тайнике... Напрасно... Я возьму, а ты нет...

Азазель крикнул:

— Уверен?

Кезим прогрохотал так же мощно:

— Надеешься на ключ?.. Тайник откроется только тому, кто его открывал последний раз... ха-ха!.. и закрывал. Ты проиграл!

Михаил сжался, отчетливо уловив нотку страха в голосе Азазеля:

— А как же властелины ада?

Кезим сказал ревушим, как механическая сирена, голосом:

— Те старые идиоты?.. Я сразу после них зашел еще раз и все поменял. Теперь даже они не достанут! Только я, только я!

— Кезим, — крикнул Азазель, Михаил уловил в его голосе уже не страх, а настоящую панику, — те вещи не зря были упрятаны!.. Кто их вытащит, тот погубит мир!

— Кто ими завладеет, — прогрохотал Кезим, — тот сможет превратить чужие небеса в наш прекрасный ад! И я это сделаю...

— Кезим, — заорал Азазель, — остановись!.. Остановись! Подумай...

Кезим проревел грохочущим голосом, от которого воздух смялся волнами, а земля под ногами задрожала, как испуганный конь:

— Азазель!.. Ты обречен!.. Если как-то сумеешь убежать сейчас, ты же ловкий, то все равно...

Азазель крикнул:

— Будешь за мной гоняться?

Кезим рыкнул:

— Заран отыщет и уничтожит! У него много людей, но и сам может явиться и придушить, как блоху... Он не прощает то, что ты сделал ему...

Он раскинул огромные, как стволы столетнего дуба, могучие руки, взревел, тело из синего льда быстро стало превращаться в багровое, затем в раскаленно-красное.

Михаил ощутил на лице волну сухого жара. Азазель вообще прикрылся свободной ладонью и отступил на шаг.

— Михаил, — прокричал он, — давай!

Михаил вскинул к плечу гранатомет, поймал в прицел живот чудовищного гиганта и надавил на спусковую скобу.

Ракета вырвалась со злым шипением, понеслась, оставляя огненный след, и с силой разбилась о тело Кезима. Он вздрогнул, в недоумении провел ладонью по животу, медленно поднял голову и посмотрел на Михаила.

— Бронебойным! — крикнул Азазель.

Михаил видел, как он тоже, оставив меч, поднял свой гранатомет к плечу. Ракета вырвалась с шипением и, ментально преодолев разделяющее его с Кезимом пространство, ударила тому в грудь.

Кезим раздраженно вскрикнул, лапнул пораженное место, сквозь пальцы, которыми зажал рану, проступил расплавленный металл.

— Разрывными, — велел Азазель и снова выстрелил.

Михаил торопливо поменял заряд, выстрелил, повернул спаренную установку и выстрелил снова.

Кезим проревел ему страшным голосом:

— Кто бы ты ни был... я бессмертен! В самом для меня худшем случае вернусь на следующий день!.. И буду готов лучше...

Он ринулся, как разъяренный бык, наклонив голову и на ходу превращаясь в исполинский таран из раскаленного металла.

Михаил выхватил огненный меч, но со стороны Азазеля донесся отчаянный крик:

— Не-е-ет!.. Только не...

Михаил не понял, что это значило, но момент для удара мечом упустил: страшный удар поверг на землю, внутренности обожгло страшным жаром. Он закричал, сопротивляясь смертной муке, однако жар потек по всему телу, воспламенил кожу и расплавил внутренности, а воспаленный мозг заполнили картины горящей земли и огненных трещин, откуда с чудовищной мощью выстреливаются раскаленные камни, оставляя за собой черные шлейфы дыма и гари.

И откуда-то несется несмолкающий крик:

— Ты — Хранитель!.. Не устоишь... погибнет все...

Он отчаянно боролся с адом внутри себя, чувствовал, что сдает, а чудовищные картины Геенома, Врат Смерти

и даже отвратительного Шеола становятся все ярче и отчетливее.

Издали донесся совсем затухающий голос:

— Вспомни... о Сини... льде...

Синильда, всплыла блеклая и почти прозрачная мысль, Синильда... она тоже исчезнет, если он не сумеет выстоять... а он уже не может... в самом деле не может... и Синильды больше не будет...

Ярость, что жарче пламени ада, начала подниматься в нем, встала на пути победного напора огня преисподней, отступила чуть, остановилась и начала теснить и теснить, уже не останавливаясь.

Очнувшись, он поднялся на колени и снова поднял к плечу гранатомет, но выстрелить не успел, громадные ладони ухватили с обоих боков, он задохнулся в страшных ладонях размером с ковши экскаваторов, а Кезим поднял его в воздух и проревел:

— А каков ты на вкус?

Михаил изо всех сил уперся руками, однако демон даже не замечал сопротивления, замедленно и наслаждаясь его слабостью, поднес ко рту. Михаил с ужасом увидел за валами толстых губ разверзающуюся пасть, похожую на полную огня пещеру.

Азазель, едва Кезим с хохотом сунул Михаила в пасть, стремительно метнулся вперед с багровым мечом в руке и с силой вонзил острие в прикрытый амулетами живот по самую рукоять.

Кезим вздрогнул, но не упал, продолжая сжимать тело Михаила, из пасти уже торчат только дергающиеся ноги, все тело гиганта стало красным, страшный жар опалил лицо Азазеля.

Сцепив челюсти, он зажмурился, выдернул меч и всадил еще раз, чувствуя, как тот с большим трудом входит в тело, что на этот раз превратилось в раскаленный металл,

похожий на тот, что создается в самых тайных кузницах ада.

Страшный рев рухнул с высоты, как удар грома над самой головой. Кезим раскачивался, все еще держа Михаила в пасти. Азазель поспешно отпрыгнул, а массивное тело рухнуло с тяжелым грохотом рядом, едва не задев раскаленной массой.

Зал содрогнулся, со свода посыпались камешки, а каменная плита пола треснула и вдавилась, спрессовывая гранит. В трещинах побежали огненные змейки, то ли от тела Кезима, то ли снизу начала проступать лава.

Азазель откатился в сторону уже с пустыми руками, меч остался в теле элементаля, поспешно вскочил на ноги и выхватил пистолеты.

Кезим тяжело ворочался с боку на бок, багровость перешла в режущий глаза алый свет, затем в оранжевый. Азазель закрыл глаза ладонью, стараясь хоть что-то увидеть сквозь пальцы, но вокруг Кезима вспыхнуло ярко-желтое пламя.

Азазель отшатнулся от жара, отступил, а когда пламя так же быстро опало и втянулось в камни пола, на месте Кезима Азазель увидел неподвижное тело Михаила, а рядом почерневшую и оплавленную рукоять своего багрового меча.

В два прыжка оказавшись там, Азазель поспешно повернул Михаила лицом вверх, охнул. На месте волос и бровей черный пепел, обожженные щеки в волдырях, обугленный подбородок, но сердце бьется, он с силой затормошил, крикнул:

— Михаил!.. Ты победил, давай займись плотью, ты же сам цел!..

Михаил не двигался, а когда попробовал раздвинуть распухшие веки, ощутил только резкую боль. Перед глазами багровая чернота с плавающими комьями перво-

зданного мрака, в ушах далекие булькающие звуки, будто из другого мира, а тела как будто и нет вовсе, завис и медленно тонет в пустоте и невесомости, постепенно исчезая вовсе.

Словно из другого мира услышал далекий крик, искаженный, странно вибрирующий:

— Мишка! Мишка... держись... держись за себя... не дай себя поглотить...

Он не понимал, что значит держаться и как вообще держаться за себя, но сцепил несуществующие зубы и слабо старался удержаться в этих волнах хаоса, не дать себя растворить, сознание мутилось, пространство исчезло, он в полном хаосе, нет земли, неба, только первозданный ужас со всех сторон, которого не видел ни один ангел, так как все были созданы уже только после, как Господь сотворил мир...

Он почти потерялся и готов был исчезнуть, когда в слабеющее сознание ворвался слабеющий крик:

— Вернись в свое тело... сейчас же... сейчас... это приказ!

На последних крохах сознания, почти не понимая, что делает, он сделал то, что велют, он всегда выполнял то, что велют, чудовищная боль перекосила в судороге, он услышал свой хриплый стон и вдруг ощутил свое громоздкое тело.

Оказывается, распростерт на спине, а в страшной черноте высокого свода отчетливо виден чудовищный столб абсолютного мрака антисфироты, что идет от земли в бесконечную высь к клипотам.

Глава 13

Заслоняя все, появилось искаженное и растянутое лицо. Толстые, как у рыбы, губы задвигались, но слов Михаил даже не услышал, зато в череп стучат совсем дру-

гие звуки, а также слова на языках, которых не существует.

Азазель наклонился ниже, всматриваясь в невидящие глаза Михаила.

— Михаил, — сказал он как можно отчетливее. — Михаил!.. Синильда!.. Помни о ней!.. Приходи в себя, ты же победил... ну, почти уже победил...

Накрывший мир черный купол выглядит чудовищно отчетливо и страшно. Непонятно, как не видят все-все, почему даже он не замечал, или это и есть то, в чем обвиняет Азазель, называя то чистоплюйством, то высокомерием барина.

Он с неимоверным трудом сумел как-то сфокусировать зрение, расплывающаяся картина начала обретать резкость. Лицо чудовищного существа стало лицом Азазеля, что с тревогой всматривается в его глаза.

— Я тебя вижу, — проговорил Михаил с таким трудом, словно двигал языком во рту горы.

— Прекрасно, — сказал Азазель обрадованно, — главное, что меня, остальные пошли на фиг! Теперь верни контроль над телом, схватка многое нарушила, враг едва не победил. Помни, ты победил!.. Проснись и пой!

— Что, — проговорил он или только подумал, но Азазель кивнул и наклонился к нему, — что?..

Азазель сказал со сдержанным ликованием:

— Кезим саданул в тебя всей своей мощью, представляешь?.. Не мечом, не копьем, тогда бы сразу убил, но решил просто сжечь своим огнем, ворвался в тебя, наслаждаясь мощью, и...

Михаил прошептал, чувствуя, как страшные видения бросают его из одной бездны в другую.

— И... что?

— Он же не знал, — сказал Азазель с восторгом, — что в этом теле не простой смертный!.. Он пытался сжечь

тебя, но получилось так, что твой святой огонь оказался сильнее, он сам почти сгорел в твоём небесном огне, но с ним успел бы сгореть и ты сам. Вы боролись в твоём человеческом теле, но победил ты!..

— А что... со... мной...

Азазель сказал заботливо:

— Полежи!.. Должен свыкнуться! Получилось даже лучше, чем я хотел. Бывают же и удачи, не только успех. Не ты вошел в демона, а он в тебя. Ты растворил его в своём святом огне... или почти растворил, извини, я все это понимаю смутно, но зато он не сможет восстановиться в аду... понимаешь?.. Теперь ты Кезим... нет-нет, не дергайся!.. Ты удержал в себе его. Но как это случилось... Правда, захватил не всего, только силу, способности... он же элементарь, а еще немного памяти... Или много, не знаю. Насколько я помню, такое еще никогда ни с кем не случалось. Я бы знал... Ты в теле того расстрелянного мудака, хотя у него никогда не было тела, а так... строил из того, чтобы было рядом. Только я знаю, что случилось, потому и ты молчи!.. Это же такое преимущество, понял?

— Почему, — прошептал Михаил, — почему эти страшные бездны... Почему вижу ад...

— Это Кезим, — сказал поспешно Азазель. — Сосредоточься, верни власть над телом и мыслями. Ты хозяин и того, чем владел Кезим... Или почти всего, я с таким сталкиваюсь впервые, прости.

Михаил проговорил, ощутив, что Азазель где-то рядом, даже если между ними бездны хаоса:

— Я этого не хотел...

— Подбери сопли, — посоветовал Азазель. — Ты все тот же, но теперь без всяких всплесков можешь двигать хоть горы. Конечно, чтобы люди не замечали. Потому с горами откладывается, но по этому миру сможешь без всяких самолетов. Но опять же...

— Чтоб люди не замечали, — договорил Михаил, — понял-понял. Азазель, меня все еще раскачивает... Сейчас упаду...

— Так ты на полу!

— Все равно... свалюсь...

Несколько минут он лежал без сил, прислушиваясь, как из тела медленно уходит боль, наконец перед глазами появились солдатские ботинки Азазеля.

— Как ты? — донесся его полный сочувствия голос.

Он поднял голову, Азазель нависает над ним, как хевронская скала. Протянутая рука спустилась с высоты, но Михаил едва нащупал его пальцы.

Азазель легко вздернул его на ноги, придержал, не давая упасть.

— Сейчас соберешься, — сказал он. — Этого гада ты здорово завалил!.. Все. Миссия завершена.

— А как же...

— Проход открыт, — заверил Азазель, — осталось только протянуть руку.

Михаил проговорил с трудом:

— А что насчет... мир погибнет... если я не...

Азазель вздохнул, развел руками:

— Да знаешь ли... очень уж удобный был момент.

Михаил ощутил, как перед глазами все поплыло, смутно услышал, как страшно закричал Азазель, но увидел только, как вокруг кипит раскаленная лава, из разломов в земле, что выглядят как открытые раны, выплескивается жаркая кровь жидкого металла, выстреливаются камни и, с силой ударившись о такой же каменный свод, с грохотом обрушиваются обратно.

С ними падают и глыбы, которые удастся таким образом расшатать в своде, а затем и выбить. Сильный запах серы и горящих камней мутит сознание, но в какие-

то моменты казался даже приятным, он сосредоточился на этом ощущении, а вслед за запахом стал казаться не таким отвратительным и громким грохот, а раскаленный металл, что перекачивается волнами через его тело, окатывается, совсем не сжигает.

Он тряхнул головой, что-то не так, а издали, словно из другой вселенной, донесся встревоженный голос:

— Михаил... очнись... ты должен прийти в себя... Давай-давай, иначе там и останешься...

Он чувствовал, что лежит на мягком, тело охватил озноб, перед глазами отвратительно холодное небо, похожее на выдолбленный в глыбе льда купол, но чьи-то ладони на плечах теплые, а голос сказал прямо в ухо:

— Давай же!.. Мы здесь!.. Теперь победи и себя, ты же сильнейший из всех архангелов...

«Это обо мне, — мелькнула мысль, — или не обо мне?»

И, словно это потащило цепь ассоциаций, разом всплыла вся картина смертельной схватки, он вздрогнул и открыл глаза, хотя они и были открыты, но только теперь открыл и увидел высокий каменный свод исполинской пещеры, смутно удивился, что тот был незрим раньше, а ожидалось, что увидит небо с одинокой овечкой облачка, черную холмистую землю до самого горизонта и стоящего перед его распростертым телом Азазеля с озабоченным лицом.

— Фух, — донесся вздох облегчения, — ты приходишь в себя... Лежи-лежи!..

Он повернул голову, Азазель растянул рот в улыбке, но глаза оставались очень серьезными.

— Что... слу... чи... лось? — проговорил Михаил с трудом.

Он чувствовал, что слова даются с огромным трудом, Азазель тут же выставил ладони.

— Тихо-тихо. Тебя снова качнуло, но ты удержался!.. Молодец. Лежи спокойно, а то натворишь неизвестно что и все испортишь. Ты победил, это главное.

— Но... почему...

Азазель сказал ласково:

— У тебя была только одна возможность... ты вернулся в свое тело, а инстинкты этого человеческого тела помогли тебе сохранить рассудок и не дать свихнуться...

Он говорил и говорил что-то успокаивающее. Михаил в самом деле старался не двигаться, чувствуя, как во всем теле что-то происходит, но мир перестал казаться таким отвратительно и пугающе ледяным, а когда он попытался заговорить, голос прозвучал почти как и раньше:

— А как... теперь?

— Теперь, — сказал Азазель быстро, — можешь пользоваться чудовищной силой Кезима без всяких всплесков!..

Михаил прошептал тревожно:

— Я чувствую в себе эту мрачную тяжесть...

— Контролируй себя, — сказал Азазель настойчиво. Михаилу почудились в голосе Азазеля нотки страха. — Ты все такой же, посмотри в зеркало!.. Ладно, потом посмотришь. Не волнуйся, Синильда ничего не заметит.

Он проговорил, прислушиваясь к своему дергающемуся голосу:

— А что... могла... заметить?

— И может, — уточнил Азазель, — если распустишься. Сперва научись держать себя в руках, потом оно уже само... удержится. Понимаешь... как бы тебе сказать по-деликатнее...

— Говори!

— Ты победил, — напомнил Азазель быстро. — Помни это все время!.. Ты победил в тяжелой схватке, хотя Кезим поглотил тебя целиком и как бы скушал... по-своему,

конечно, но его, в свою очередь, скушал ты... интересно, да? Восхитительно просто! Обожаю эти простые случаи в такой сложной жизни! Потому ты сейчас как бы прежний, но не прежний, потому что Кезим ворвался в тебя, надеясь испепелить, но сгорел сам... Жаль, не весь. Хотя почему жаль? Зато его возможности — теперь твои. А может, он и не сгорел, а только увяз в тебе... Ничего не понимаю!

Михаил спросил:

— Как я выгляжу?

— Это для Синильды? — спросил Азазель. — Ну ты и хрюкт! Если хочешь, сотворю для тебя зеркало... Ой, кто-то идет!.. Надо убираться... Ползти сможешь? Вот за эти камни!

Он заташил его за грудку камней, что образовалась во время схватки с Кезимом, там Михаил сразу же посмотрел на свои руки, ноги, пощупал их, наконец провел ладонями по лицу, задерживаясь на скулах, челюстях, надбровных дугах.

— Да все то же, — заверил Азазель, — а что шкура пятнистая, так это даже красиво!.. Как у леопёрда, здорово!

— Когда-нибудь прибуду, — пообещал Михаил тревожно, — за такие шуточки.

— Так руки ж не пятнистые, — уточнил Азазель, — зато морда, морда...

— Лицо тоже без пятен, — буркнул Михаил. — Я вижу свое отражение в камне.

— Ух ты, — проговорил Азазель, и Михаил ощутил, что демон в самом деле поражен. — Здорово. Даже я в камне ни хрена не вижу, кроме самого камня и его сложного состава из полевого шпата, кварца, порфира и базальта, с рядом вкраплений мергеля и мрамора, сложная формула которого выглядит, как...

— Не умничай, — оборвал Михаил. — Кто же люди? Или они не люди?

— Еще не видишь? — спросил Азазель. — Странно, Кезим должен был сразу видеть, кто человек, а кто демон, какое бы обличье тот ни принял... Ладно, это освоишь позже. Вообще не торопись, а то сорвешься. Все, что умел Кезим, теперь умеешь и ты... ну, в общем. Если постарайся. Но еще умеешь и то, что умел. Разве что огненным мечом больше не воспользуешься...

Из темного зева арочного входа показались Бианакит и Аграт, оба прихрамывают, без рюкзаков, одежда в лохмотьях. Голова Бианакита в крови, как и правое плечо, но раны даже с виду все не тяжелые, хотя их и многовато.

Азазель торопливо шагнул навстречу, тут же обнял Бианакита и надолго задержал в крепких мужских объятиях, а бледное от потери крови лицо ветерана тут же начало розоветь.

Аграт вообще пышет огнем и яростью, хотя с виду пострадала только одежда, кожаные доспехи на руках и плечах превратились в изрубленные и разодранные лохмотья.

Азазель сообщил поспешно:

— Кезим убит, но с Мишкой осторожнее!.. Ему так настукали по голове, что у него все там перемешалось.

Аграт охнула:

— Бедненький!.. Азазель, как тебе удалось с Кезимом?.. Или еще нет?

Бианакит сказал громыхающим голосом:

— Мы слышали его рев. Ему было больно.

Азазель кивнул на Михаила:

— Это все он. Без него разве я бы смог? Да еще с могучим Кезимом?.. Но Кезим поскользнулся, когда гнался за ним, упал и так стукнулся головой о стену, что убилися. Вот так герои гибнут от руки нелепого случая.

Михаил слышал только отдельные слова, да и то странно растянутые, а иногда пищащие скороговорки, еще чаще доносился громовой голос, выкрикивающий угрозы, и через все пространство мира проносились огромные раскаленные докрасна глыбы и целые скалы.

Бианакит спросил с сомнением:

— На чем поскользнулся? Здесь сухо и жарко, как в печи.

— Он же гнался за Мишкой, — пояснил Азазель и захохотал.

Бианакит подумал и вдруг захохотал тоже, впервые за все время, что его знал Михаил. Непонятно, над чем можно хохотать, но ладно, пусть думают, что их не слышно, нужно в самом деле отлежаться и удержать власть над этим телом, в котором теперь еще и сущность элементаря...

— Уходим, — сказал Азазель, — остался только тайник, он где-то рядом. Эх, надо было Кезима спросить... А что? Бить по его наглой морде, пока не скажет!

Михаилу почудилось где-то внутри себя глухое ворчание, словно Кезим услышал оскорбительные слова. Аграт подняла его рюкзак и сказала заботливо:

— Я понесу. Бианакит, а ты поддерживай, если вдруг его начнет из стороны в сторону.

— Я в порядке, — заверил Михаил. — Ну, почти...

Бианакит сказал коротко:

— Я впереди.

Глава 14

Не оборачиваясь, он двинулся широкими уверенными шагами, собранный и немногословный, рожденный для нелегкого ратного труда, что стал привычным и единственно понятным.

— Осталось закончить, — сказал Азазель бодро, — сегодня вернемся и отдохнем вполне заслуженно. Хотя спасибо, конечно, никто не скажет.

Аграт сказала задиристо:

— У людей памятники ставят не спасителям, а тем, кто больше убил себе подобных, правда?

Она повесила рюкзак Михаила на одно плечо, указала Азазелю взглядом на гранатомет на полу.

Азазель отмахнулся:

— Все заряды истрачены. Пусть остается, мы и так еле ноги таскаем.

— Я в охранение, — сообщила Аграт. — А вы тут поддерживайте друг друга. Мужчины вообще-то слабые...

Она пошла догонять Бианакита. Михаил спросил тихонько:

— А что со мной теперь?

— Если честно, — сказал Азазель, — не знаю. Много в этой жизни впервые, кто бы подумал! Думаю, если раньше ты не замечал материального мира в том смысле, что проскакивал сквозь любое здание или гору, словно их и нет, то сейчас сможешь как-то и что-то в какой-то мере иначе... Не спрашивай в какой, не знаю, если честно. Может быть, удастся песчинку сдвинуть или расплавить, а если повезет, то и камешек. Или стакан воды превратить в лед...

Михаил вздохнул.

— Пока со мной что-то не так, — сказал он, — вижу иначе, голоса какие-то, будто с ума схожу, как человек... Какие-то волны захлестывают, тону в багровом огне, целое поле раскаленных углей и небо с тучами крылатых тварей...

— Это не твои воспоминания, — утешил Азазель. — Ты это, будь спокойнее. Смотри, как кино. Вдруг баб го-

лых увидишь, это же интересно!.. Например, Оноскелис, ее еще никто без одежд не видел... Потому и пошли слухи про ее ослиные ноги.

Он говорил медленно, успокаивающим тоном, но Михаил угадывал в сдержанном голосе тревогу и заботу, чего совсем недавно не мог бы и предположить. А это значит, все еще в опасности. Похоже, потеряно в схватке с Кезимом больше, чем Азазель собирается признать вслух.

Он не увидел, только ощутил крепкую хватку Азазеля, земля в самом деле поплыла, а его завертело в черном хаосе, словно ослеп и покатился с высокой горы.

Из другого пространства донесся преувеличенно бодрый голос:

— Все пройдет, как с белых яблонь дым! Потерпи немножко... лет двадцать-тридцать. Все как рукой снимет. Со временем. Может быть...

— Земля под ногами исчезла, — пробормотал Михаил, — а теперь вот черные ямы со звездами, раскаленные уголья... а то и вовсе... ничего нет, понимаешь?.. Даже пустоты нет...

Появилось лицо Азазеля, Михаил вздохнул с облегчением, возвращаясь в этот уже почти родной привычный мир.

— Все, отхлынуло...

— Это Кезим, — ответил Азазель. — Он так видит! А ты старайся навязать свое. Ты все тот же! Только сейчас что-то потерял, но что-то можешь больше. Огненным мечом уже не жалко, зато все остальное без всплесков! Кезим был из элитных демонов, вся его мощь теперь в тебе, но, главное, никто от тебя этого не ожидает! Ты же как бы человек...

— Как бы, — буркнул Михаил.

Азазель взглянул искоса.

— А что? Ты был архангелом Михаилом в теле человека, а теперь вот почувствуй себя человеком по-настоящему!..

— Это как? — спросил Михаил настороженно.

— Все люди, — пояснил Азазель очень серьезно, — носят в себе частицу Бога и частицу Дьявола. И те постоянно дерутся, как Исав и Иаков в утробе матери.

Михаил содрогнулся всем телом:

— Что, вот так будет и во мне?

— Уже, — сообщил Азазель, и неизвестно было по голосу, скорбит или злорадствует, — теперь ты узнаешь, каково это быть человеком.

— А что Кезим кричал, — напомнил Михаил, — насчет тайника, что не откроется? Только сам Кезим может, и все такое...

Лицо Азазеля, и без того мрачное, стало совсем урюмым и неприятным.

— Не знаю, — ответил он сухо. — Если он сумел обойти князей ада, то он... очень сильный демон. Чрезвычайно! Но насчет вернуться на следующий день... Похоже, сложилась уникальная ситуация. Он не сможет вернуться, потому что он не погиб, а как бы еще жив... хоть и частично, в тебе.

Михаил зябко передернул плечами:

— Я чувствую себя не просто гадко... но и странно.

— Пойдем к тайнику, — ответил Азазель. — Это вон та красная стена. Посмотри на знаки, что горят, как будто выплеснулся сам ад...

Михаил все еще время от времени опирался на его плечо, чувствуя, как начинает кружиться весь мир, на Азазеля поглядывал с тревогой, тот уже почернел лицом, похоже, пока ничего не придумал, а как сказать замку, что прежний владелец мертв, дайте все из тайника мне...

Бианакит и Аграт, похоже, тоже чувствуют, что на самой последней ступеньке облом. И хорошо, если только пинками выгонят, а если под ними провалится пол, а там с высоты рухнут на острые колья...

Добравшись до подножия стены с горящими адским огнем знаками, Азазель простер руки.

Михаил видел, как он собирает всю волю в кулак, концентрируется, и, когда заговорил, голос прозвучал мощно и уверенно:

— У меня ключ властелинов ада!.. Повелеваю снять запоры и явить мне сокрытое и сохраненное...

Все затаили дыхание, Азазель замер в величественной позе, ждет, Михаил тоже ждал в тягостном напряжении, но в огромном зале только мертвая тишина, лишь высоко в черноте под сводами носится эхо голоса Азазеля.

— У меня ключ, — повторил Азазель величественно и победно, он вытащил из-за пазухи ключ и высоко поднял над головой. — Вот он!.. Я могу открыть тайник, я имею право его открыть!

Стена оставалась стеной, огненные знаки продолжают полыхать огнем.

— Азазель, — проговорил Михаил, — может быть нужно как-то иначе?..

Азазель в полнейшем бессилии уронил руки:

— Нет, я все сделал верно.

— Тогда... как-то что-то поменять?

— Не знаю, — ответил Азазель убитым голосом. — Мы все проделали напрасно?.. Неужели... Ладно, одно утешает, завтра Кезим точно не явится сильным и здоровым вскрыть тайник. А мы что-то придумаем...

— Что?

Азазель сказал со злостью:

— Не знаю. Но у меня не получилось в этот раз. Такое бывает. Редко, но бывает... Ничего, все равно как-то су-

меем... Этот тайник ждал две тысячи лет! Подождет день, когда соберемся лучше.

Но в голосе отчетливо прозвучала растерянность. Вернулись Бианакит, Аграт с ходу доложила:

— Проходы зачищены, остальные разбежались! Без Кезима нет и его войска. А что здесь?

Азазель ответил глухо:

— Пока облом. Возвращаемся в том же боевом порядке.

На этот раз он пошел впереди, Бианакит и Аграт двинулись за ним. Михаил ощутил внезапный прилив ярости, абсолютно несвойственный раньше, остановился.

Азазель в беспокойстве развернулся:

— Михаил?

— Отступим? — проговорил Михаил зло. — Мы же столько сюда шли!..

— Это временное отступление, — напомнил Азазель невеселым голосом. — Такое бывает...

Михаил, не отвечая, шагнул к стене и гаркнул в приливе бешеной злобы:

— Расступись!

В стене сухо щелкнуло. От пола и до темного свода побежала кривая трещина, извилистая, как черная молния. Заскрипело, обе половинки тяжело поползли одна от другой по каменному полу.

За спиной ахнул Азазель, а Михаил, все еще полыхая в дикой ярости, резко шагнул вперед, едва не обдирая одежду в узкой щели.

Сзади что-то крикнул Азазель, взвизгнула Аграт. Стена толщиной в два копыя, скрипит и ползет, царапая пол, а по ту сторону распахнулся огромный зал, где сразу вспыхнул яркий магический свет.

Михаил замедлил шаг, чувствуя, как непривычная для него ярость уходит, а вместо нее поднимается такая же

животная радость, словно у волка при виде беззащитного ягненка.

Огромный зал заполнен массивными золотыми сундуками, мешками с золотыми монетами и крупного размера ларцами с драгоценными камнями. Большинство с откинутыми крышками, у Михаила засверкало в глазах, вдоль стен еще и столы с сундуками и ларцами, все тоже с монетами и украшениями из золота.

Пока он ошалело осматривался, не понимая, что случилось и что это был за мгновенно вспыхнувший и тут же растворившийся приступ ярости, за спиной послышался торопливый топот.

Не оглядываясь, он ощутил, как в зал вбежали Азазель, а за ним Аграт и Бианакит.

Азазель прокричал в испуге:

— Только ничего не брать!.. Ничего не брать!.. Всякий, кто возьмет, не проживет и часа...

Михаил, не оглядываясь, чувствовал, как все трое оказались рядом, смотрят больше на него, чем на сверкающие сокровища. А там золотые короны царей, украшенные драгоценностями, посохи верховных жрецов из слоновой кости и с тончайшей резьбой от кончика до верхушек разной формы, но обязательно с огромными сапфирами, изумрудами и другими редкими, такого же размера камнями в набалдашниках. С крючьев в стенах свисают целые гирлянды ожерелий, любым из которых Клеопатра сочла бы за счастье владеть...

Но Михаил неотрывно смотрел на большой сундук на невысоком столе посередине зала. Сундук из драгоценных пород дерева, отделан серебром и золотом, но выпуклая крышка с фигурками наверху прикреплена массивной скобой в виде дерущихся драконов. Замок висит тоже массивный, сверкающий нездешним золотом, что не золото, а если и золото, то особое, что прочнее любой стали.

Азазель сказал быстро:

— Не прикасайся к замку!

— Но то, за чем мы пришли, в нем? — спросил Михаил.

Азазель ответил без особенной уверенности:

— Судя по такому почетному месту в зале, да... Но, думаю, здесь дополнительная защита. Хорошо бы понять, какое здесь заклятие наложено...

Михаил не успел опомниться, как нечто злое и нетерпеливое в нем заставило протянуть руку и взять в ладонь замок, что оказался намного холоднее, чем если бы держал кусок льда.

Как известно, на первом уровне ада, Гееноме, огонь жжет в шестьдесят один раз сильнее, чем здесь, на земле, а на следующем уровне, Вратах Молчания, в шестьдесят один раз сильнее, чем в Гееноме, то же самое и с холодом, а этот замок и сам сундук словно бы все еще в Шеоле, последнем и самом глубоком уровне ада...

Он с силой сжал замок и рванул на себя. Раздался пронзительный скрип, Аграт присела в ужасе; Бианацит отступил на шаг, Азазель выхватил пистолет.

Михаил отшвырнул замок вместе с петлями, тот звонко звякнул о каменный пол и унесся под стену.

Крышка сундука поспешно откинулась, словно подброшенная пружиной. Он заглянул, повернулся к замершим Азазелю и Аграт с Бианацитом.

— Там много чего... Что именно нам нужно?

Аграт вскрикнула писклявым от жадности голосом:

— А можно все?

— Нам нужно только то, — ответил Азазель значительно, — что вырезано из Древа Жизни. Михаил...

Михаил посмотрел с вопросом в глазах:

— Достать мне?

Азазель сказал с расстановкой, не сводя с него взгляда:

— Ты нас ошарашил, заметил?.. И дверь перед тобой распахнулась, и замок сорвал с такой легкостью, словно тот из папиросной бумаги... А наша Аграт все доставала, зачем я взял с собой простого смертного! Как видим, Господь понимал, что создавал...

Аграт буркнула:

— Я же не знала, что в Книге Бытия ему отведена особая роль!.. А потом его можно будет прибить? За то, что слишком умный?

Михаил по кивку Азазеля протянул руку к сокровищам сундука. В пальцы стрельнуло электрическими искрами, ощущение показалось приятным, потрогал еще, каждый раз получая крохотные разряды, но, когда мельком взглянул на вытянувшиеся лица соратников, понял, что разряды совсем не крохотные.

— Что брат?

Азазель заглянул в сундук с осторожностью. На его выразительном лице промелькнула целая гамма чувств. Михаил ждал, стараясь успокоить в себе нечто звериное, что выплескивается то гневом, то злобным нетерпением.

Аграт и Бианакит помалкивают, только Аграт еще и жадно вытягивает шею, стараясь хоть что-то увидеть, Бианакит больше смотрит по сторонам, держа оружие наготове.

Азазель проговорил потрясенным голосом:

— Ничего себе... Что за хомяк натаскал это все?.. Все опасное, почти все оружие... Очень мощное! Ты даже не представляешь, насколько... Разве вон та чаша не... А в левом углу жезл, его и возьми. Мы за ним пришли... Но, проклятье, вон еще из того же дерева целый поднос! А еще и ложки... Зачем ложки?..

Михаил осторожно вынул жезл, протянул Азазелю. Тот спросил поспешно:

— А как... электричеством бьет?

— Да, — ответил Михаил, — но несильно.

Азазель бросил на него взгляд исподлобья:

— Это для тебя несильно. Ладно, сложи в рюкзак, там уже пусто, я слышал, как Аграт ночью чавкала... Нет-нет, пусть у тебя! Так надежнее.

Аграт, не реагируя на подозрение в чревоугодии, сказала жалобно:

— Вот там красивое колечко... Можно хотя бы его?

Азазель неумолимо покачал головой:

— Нет.

Михаил пожал плечами:

— А почему нет?.. Здесь нет ловушек, я бы заметил. Держи, Аграт!

Он вытащил из сундука кольцо и бросил ей. Аграт машинально поймала, рядом охнул Азазель, а она замерла в страшном испуге.

Некоторое время все ждали, замерев, но ничего не случилось, а Михаил, ободрившись, выгреб из сундука все остальное, сложил в рюкзак и забросил его, заметно потяжелевший и с раздутыми боками, на спину.

— Дома разберемся, — сказал он. — Думаю, там что-то нарезали не только из Древа Жизни, но из Древа Познания тоже... Уходим?

— Если сумеем унести ноги, — проговорил Азазель тревожно. — Но что сделано, то нельзя сделать несделанным. Уходим!

Бианакит кивнул Аграт, и она поспешила вперед, держа оружие на изготовку.

Азазель и Михаил пошли следом, держа дистанцию. Михаил спросил тревожно:

— Азазель, куда перепрятать, если не в Брий?

Азазель ответил нервно на ходу:

— Чего? Уже думал... Пока лучше, если ты сам... Можешь так, чтобы даже я не знал. Чем меньше знают, понял?..

Михаил подумал, ответил с неохотой:

— А если со мной вдруг что?.. Нет, ты знать должен. Но только мы двое. Ты, конечно, козел хермонской породы, но я тебе доверяю. В какой-то мере.

Азазель вздохнул, посмотрел вслед Бианакиту и Аграт, поинтересовался шепотом:

— Что-то особое чувствуешь?

— Еще бы, — ответил Михаил медленно. — Чувствую ярость, свирепое безумие и жажду все разнести вдрызг... Он никогда не растворится во мне, так?

Азазель взглянул на него с некоторым испугом:

— Кто знает? Нигде и никогда такого еще не было. Сослаться не на кого, ты первый. Но я просто уверен, сладишь. Если в борьбе с собой не склеишь лапы, будто какой-то интеллигент сраный. Но ты же не интеллигент, а солдат! Чудо-богатырь, солдатушка браво-ребятушка!.. А то, что тайник узнал в тебе Кезима... разве не здорово?.. Представляешь, приходишь к его жене и говоришь, я же Кезим, ты чего, дура, не узнала?.. И того, забираешь в его доме все ценное и сваливаешь!

— Я рухну раньше, — проговорил Михаил угрюмо. — Все-таки это отвратительно, когда внутри... Как думаешь, это надолго?

Азазель взглянул несколько странно:

— Ну, как тебе сказать...

— Говори, — потребовал Михаил с угрозой. — Во что втравил?

Азазель сказал очень серьезным голосом:

— Для тебя, чистюли, трудно поверить...

— Я не чистюля, сам сказал. Солдат всегда солдат.

— Видишь ли, — сказал Азазель, все еще словно бы не придумав, как подать помягче, — я тебе уже много раз говорил, так живут вообще все люди. Все-все, от нищего до президента! Чистейшая душа... ну, как принято в официальной версии, живет в теле грязнейшего и похотливейшего скота. Да-да, именно так! И эти две противоположности постоянно борются друг с другом. Даже дерутся! Вот сейчас и узнаешь наконец-то, что такое быть человеком.

Михаил ощутил себя так, словно его облили ледяной водой.

— Что... именно вот так?

— Представь себе! — ответил Азазель, в его сочувствующем голосе почудилось некоторое злорадство. — И, как ты мог заметить, люди не стали скотами. Да, конечно, абсолютное большинство стало, но кто в условиях подлинной демократии считается с этим гребаным большинством? Мир тащат на себе подвижники. Те, которые побеждают. Не только мир, но и себя. Что, красиво говорю?.. Могу и красиво, я же такой разносторонний и всеохватный!

Михаил, все еще охваченный холодом, проговорил с трудом:

— Это что же... так будет всегда?

— Нет, что ты! — заверил Азазель фальшивым голосом. — Кто-то из вас обязательно победит! Либо ты, либо Кезим. Думаю, победит Кезим, но из личной симпатии ставлю на тебя.

— Ну, спасибо...

— Но победишь не до конца, — закончил Азазель. — До конца ну никак! Но можно жить, не считаясь со своим внутренним голосом. Слушаешь, но делаешь по-своему. Хотя, конечно, иногда...

— Что? — спросил Михаил с угрозой.

— Да так, — ответил Азазель дипломатично и отвел взгляд, — все придет со временем.

Глава 15

Он посмотрел далеко вперед в сторону мелькающих лучиков света. Там Бианакит и Аграт, не довольствуясь местным освещением, что может быть и обманчивым, вовсю жгут батарейки фонариков, надеясь на скорое возвращение.

— Можешь пользоваться не только силой Кезима, — проговорил он, — но и своей, настоящей!.. Да-да, никакого всплеска, в этом же теле еще и демон, а ему все по барабану. Его темная плоть закрывает внутренними клипотами твою сфиротскую суть!.. Представляешь такое преимущество?

Михаил подумал, поинтересовался с сомнением:

— А от этого демон во мне не сумеет взять верх? Не погибнуть страшно, Азазель, а стать чудовищем.

Азазель вздохнул:

— Вот в битве ты выбил у врага меч. Представил? Подхватываешь с земли этот меч и лихо разрубашь гада пополам! Ты стал от этого демоном?

Михаил пробормотал:

— Наめкаешь, что наши тела — это мечи, что могут переходить из рук в руки?

— Сравнение не совсем корректное, — нехотя признал Азазель. — Ладно, на убитом хорошие новенькие сапоги, а твои истоптаны, дырявые, даже подошва отвалилась, представил? Ты снимаешь с него сапоги и обуваешься в них. Вот так и наши тела. Было ваше — стало наше. Ты сейчас в новых сапогах, сделанных по прежней мерке.

В них можешь бегать быстрее и прыгать дальше. И Синильда полюбит еще больше.

Бианакит и Аграт время от времени останавливаются на поворотах, сигналият фонариками и снова уходят вперед, повторяя прежний маршрут, но уже в обратную сторону.

Михаил пробормотал:

— Эта Аграт... говорит она как-то...

Азазель спросил быстро:

— Что не так?

— Да просто, — сказал он с неловкостью, чувствуя, что порет чушь, — Синильда говорила примерно то же самое...

— Ну вот, — сказал Азазель бодро, — я же говорил, все женщины одинаковы!.. А что тебя тревожит?

Михаил пожал плечами:

— Да как-то странно. Они не могли быть знакомы?

Азазель ахнул:

— Аграт и Синильда?

— Ладно, — сказал Михаил, — это у меня в голове все перепуталось. Устал, наверное. Но ты сам ее назвал дипломированным дизайнером!

Азазель ехидно заулыбался:

— Сейчас все женщины дизайнеры. Это так модно, престижно, гламурно и ни к чему не обязывает. Я ж говорил, все женщины одинаковы!.. Хотя, конечно, размер сисек имеет значение. Как тебе они у Аграт? Втрое больше, чем у Синильды! Хотя ростом поменьше.

Михаил сделал каменное лицо и начал смотреть вперед на далекую арку впереди. Разговаривать в таком тоне о любимой женщине кощунство, Азазель мигом понял, сказал виновато:

— Прости. День был тяжелый. Каждый выходит из него по-своему.

Михаил сказал тревожно, меняя тему:

— Но если такое случилось, то я... готов был к измене? Я спорил, но внутри как бы молча соглашался?

— Просто я достучался, — ответил Азазель радостным шепотом. — Достучался до твоего эго!.. Ты хоть и спорил, но был готов принять личину демона, тем самым принеся себя в жертву.

— Жертва... принята?

— Не знаю, — ответил Азазель честно, — мне кажется, Господь согласился с расширением твоей роли защитника... Мир меняется, ты должен успевать. Ты все тот же, Михаил, но твоя сущность скрыта сущностью демона!.. Теперь можешь пить не только из сфирот, но и из клипот, как делал это Кезим... только огненным мечом нельзя, да и то не уверен... но лучше не пытайся... пока не освоишься и не поймешь, что можно, а что не совсем...

Он умолк, увидев впереди Аграт и Бианакита. С оружием в руках, настороженные и встревоженные, застыли сбоку от широкой арки. Аграт выглянула вполглаза, повернулась к приближающимся Азазелю и Михаилу:

— Там у выхода охрана.

— Кто?

Аграт отчеканила:

— Трое. Их сущность скрыта.

Бианакит уточнил:

— Все из Братства Боевых Жрецов. Ранг старшего, точнее, старшей, на уровне Мастера, двое намного проще. С двумя младшими мы справимся легко.

— Ого, — сказал Азазель. — Но, думаю, справимся и с Мастером. Кто она?

Бианакит промолчал, значит, не знает. Аграт сказала сердито:

— По виду из новых, но чтоб дослужиться до Мастера, нужно уметь многое. Значит, она из нижних уровней, наверх не поднималась.

— Тогда делами на земле, — сказал Азазель с сомнением, — вообще не интересовалась? Это хорошо.

Бианакит понимающе взглянул на Азазеля:

— Хотите взять для допроса? Мы с Аграт можем отсечь ее помощников. Покажемся издали, она пошлет именно их, чтобы не ронять себя.

— Хороший вариант, — сказал Азазель с удовлетворением. — Нам не помешает ценный пленник. А если она старшая, то женщины знают и то, чего им знать не положено.

Бианакит кивнул Аграт, и оба отбыли. Через некоторое время донеслось эхо одиночного выстрела, притворно испуганный крик Аграт, как же, заставишь ее кричать на самом деле, еще выстрел...

Азазель осторожно выглянул, кивком подозвал Михаила. Там вдаль сверху ловко спрыгнули по уступам двое рослых воинов, а когда оказались на самом низу, бросились в погоню за Аграт. Бианакита не видать, явно ударит сбоку или со спины, используя эффект неожиданности.

— Вон она, — прошептал Азазель азартно, словно та могла слышать. — Похоже, это Обизат... Никогда бы не подумал, что она с ними. Никогда-никогда не покидала преисподнюю!.. Земные дела не интересовали абсолютно... Я же говорю, огромные перемены начались в этом мире. Для нас, как и для людей, тысячи лет ничего не происходило, а теперь сразу обвал.

Михаил предположил сумрачно:

— А если ей пообещали что-то для нее важное? Демоны за выгоду что угодно продадут и чему угодно изменят!

— Имперская пропаганда, — заметил Азазель с невыразимым презрением. — Верь больше, совсем дебилом станешь.

— Она разве не демон?

— Еще какой, — заверил Азазель. — Но, пусть тебя не шокирует, она могла здесь появиться из верности господину. Они здесь все из одного Братства Хаоса, группы Боевых Жрецов. У тех верность в крови. Как и преданность. В нашем непостоянном мире как бы островок стабильности, хоть и устаревший... То-то мы за старину так цепляемся!

— Я не цепляюсь, — отрезал Михаил. — Но старина — это в самом деле стабильность. И безопасность.

Азазель сказал миролюбиво:

— Дело не в том, что нам нравится. Перемены идут, как бы мы к ним ни относились. Не будем успевать с ними, останемся на обочине... А как идет, как идет!

Михаил не спускал с нее глаз, девушка в таком же костюме, как и Аграт, только на голове капюшон, выглядит грациозной и быстрой, как муравей, промчалась по такому узкому карнизу, где и мышь побоится, соскочила на пол, перекувыркнувшись через голову, увидела их, быстро вскинула ладони к рукоятям мечей, торчащих из-за плеч.

Азазель пытливо взглянул на Михаила:

— Ты как?

— Хорошо, — буркнул Михаил, — что здесь воробьев нет.

— Понятно, — сказал с сочувствием Азазель, — а злая женщина — это не совсем воробей. Это даже больше, чем страус. Или попробуешь? А я подстрахую.

Михаил сказал глухо:

— Не могу же я с нею драться!

Азазель спросил с нажимом:

— Почему?.. Еще качает?

— И качает, — согласился Михаил с неохотой, — и вообще... она женщина, не заметил?

Азазель гнусно заулыбался, широко и злорадно:

— Ага, сексист!.. Попиратель женских прав! Вот как в тебе проявляется средневековая человечность... что не человечность, а доминантная натура самциста! В смысле самца. Здорово, ну и что дальше?

Михаил сказал с мукой:

— Пусть с нею дерутся Бианакит и Аграт. Аграт любит драться. А здесь все по-честному. Женщина с женщиной...

— Эх ты, — сказал Азазель голосом полнейшего и абсолютнейшего превосходства, что всегда так бесило Михаила, — рыцарь на белой лошади... Во-первых, Обизат сильнее, чем Аграт. Во-вторых, ты не должен унижать женщин, отказывая им в равном отношении. Иначе Обизат смертельно на тебя обидится. В-третьих, делай все для победы, а оправдания мы потом подыщем, как это делалось всегда и во все времена.

Обизат, не дождавшись движения с их стороны, вытащила из-за спины два узких длинных клинка, но приближалась медленно, всматриваясь в обоих мужчин пристально, изучающе и с нехорошим блеском в глазах.

Азазель указал Михаилу взглядом на свой рюкзак, Михаил вынул оттуда гранатомет, проверил, чем заряжен, повернулся к Азазелю.

Тот приветствующе помахал рукой демонессе, что двигается уже совсем медленно, чуть раскачиваясь из стороны в сторону, как сова головой, расширяя диапазон обзора.

— Остановись, существо! — сказал он почти доброжелательно. — Знаю, ты сильная, а что красивая, издали видно. Но сейчас ставки слишком высоки, чтобы обра-

щать внимание на твои сиськи. Хотя я, конечно, обратил. Мишка тоже...

Она тряхнула головой, капюшон свалился с головы и лег пышной волной за плечами. У Михаила защемило сердце от нежной красоты этого цветка с ярко-красными волосами, что обрезаны коротко и подчеркнуто небрежно, что только придает ей очарование.

Лицо совсем девичье, бледное и с румянцем на щеках, губы полные, как у ребенка, а глаза крупные и со вздернутыми, словно в вечном изумлении, бровями.

Она медленно приближалась к ним, слегка раскачивая узкими лезвиями клинков, а Михаил со вздохом передал Азазелю по его требовательному взгляду последний гранатомет с бронебойным ракетным зарядом, способным разнести на мелкие осколки даже самый защищенный танк нового поколения

Азазель тут же вскинул трубу на плечо, взяв демоницу на прицел. Она остановилась, на ее красивом лице проступило капризно-надменное непонимание.

— Это что, оружие? — поинтересовалась она нежным мелодичным голосом. — Я защищена от магии!

— Не от этой, — сообщил Азазель.

Снаряд вырвался из трубы, оставляя огненный след, и оборвался, ударив ее в живот. Она вскрикнула, ее отбросило на несколько шагов, там на полу медленно привстала на дрожащих руках и ногах, взгляд ее снизу вверх был испуганным и полным боли.

— Ты меня... ты меня ранил?

— Не убил же, — буркнул Азазель, но в его нарочито равнодушном голосе Михаил уловил озадаченность. — А мог бы, но я милосердный! Оцени.

Она с трудом поднялась на дрожащих ногах. Ладонями зажимала рану на животе, хотя, на взгляд Михаила, ее должно бы разметать в клочья не крупнее ногтя.

— Что у тебя за... магия, — проговорила она трепещущим голосом. — Ты меня так сильно... задел...

— Разве это сильно, — сказал он с подчеркнутой небрежностью, — вот если бы Мишка, он жестокий, а я так, чуть-чуть. Говори, сколько вас всего? Где остальные?

Она ответила слабым голосом:

— Я ничего не скажу!

— Правда? — переспросил он и, передав лаунчер Михаилу, быстро выдернул из кобуры пистолет. — Какая бы у тебя ни была шкура, но у меня особые... гм... лезвия.

Она проговорила так же надменно, но с неуверенностью в голосе:

— Ты меня не сломишь!

Он молча выстрелил ей в ногу. Михаил видел, как от удара этой особой пулей из ее колена, разорвав толстую кожу одежды, во все стороны брызнула кровь. Обизат упала на пол и, зажимая ладонями рану, жалобно вскрикнула в ужасе:

— Ты что сделал?.. Но я все равно...

— Да ну, — сказал он и выстрелил ей в другую ногу.

Михаил ухватил его за руку.

— Перестань, это женщина!

— Правда? — спросил он с сомнением. — Да, сиськи на месте, а в остальном это змея, а не женщина, хотя они все, конечно, еще те...

Он начал ловить в прицел ее руки. Михаил крикнул:

— Прекрати! Она что-то хочет сказать!

— А чего ж не говорит? — ответил он.

Она вскричала тонким испуганным и полным боли голосом:

— Не делай так! Я истекаю кровью!.. Сейчас придет великий Кезим, он вас всех... Почему он не идет?

— Разминулись? — спросил Азазель злорадно. — Да, подземный храм великоват. Слухи расходятся медленно.

Но я из любезности сообщу, что Кезим больше не придет. И даже не приползет.

— Что? — вскрикнула она в ужасе. — Почему не придет?

— Он как бы погиб, — пояснил Азазель. — Вот этот мальчик, что тебя защищает, его и прихлопнул. Да так, что никакие силы ада, никакие его князья не восстановят и не вернут в этот мир. И ни в какой еще. Ни завтра, ни через сто лет. Здорово, да? Сам не ожидал.

Она бросила быстрый взгляд огромных глаз на Михаила, в котором тот помимо недоумения уловил жгучую ненависть и жажду отомстить.

— Тогда, — проговорила она медленно, едва сдерживая боль, — тогда я... имею право сказать... Мы пришли сюда, чтобы составить великому Кезиму достойную и почетную свиту на земле. И выполнить все его приказы. Он должен был взять то, что ему принадлежит по праву.

— По праву? — переспросил Азазель. — Я что-то пропустил в своде законов и правил. По какому праву?

Она кривилась от боли и обеими ладонями зажимала рану на колене, между пальцами толчками пробиваются красные струйки.

— По праву силы! — ответила она гордо. — А что, есть другие?

Азазель подумал, кивнул:

— И это все? Ладно, поверю.

Михаил подпрыгнул, когда грянул еще выстрел, голова демоницы откинулась с дырой во лбу, а сама она бесильно распласталась на каменном полу.

— Ты что сделал?

— А что предлагаешь? — поинтересовался Азазель участливо. — На кону существование человечества, а ты с нею нянчиться?... Как?... Зачитаешь ей права?... Объясни мне, умник.

Михаил остановившимися глазами смотрел, как он небрежно сунул пистолет в кобуру и быстрыми шагами пошел в сторону выхода.

— Азазель...

Азазель обернулся, во взгляде метнулось картинное бешенство:

— У нас равноправие, помни!.. Женщины почувствуют гендерное неравенство и по судам затаскают, если не будешь их убивать так же, как и мужчин!

Михаил снова оглянулся, одежда и плоть уже сползли с прекрасного тела Обизат, затем рассыпались и белые кости, превращаясь в пыль, что осела на каменный пол, а там быстро растворилась в нем.

— Она... насовсем?

Азазель, уже не разыгрывая патетического возмущения, с полнейшим равнодушием пожал плечами:

— Не знаю, она из новых. Либо за несколько лет восстановится, либо исчезнет навсегда. В зависимости от ее мощи.

Бианацит и Аграт вскоре догнали, раскрасневшиеся и запыхавшиеся, Азазель окинул их быстрым взглядом, заинтересовался с ноткой успокоения:

— Как те?

— Крепкие, — ответила Аграт с уважением. — Кезим подбирает умелых воинов. Если бы Бианацит не ударил им в спины...

— Тогда больше так не рискуйте, — сказал Азазель строго. — Все мы постепенно наглеем, увь. На этом и попадаемся. Даже тогда, когда специально и не ловят. А если ловят, то вообще...

Аграт в женском нетерпении убежала по залам вперед, а там далеко ликующе завопила:

— Вербка, наша веревка!.. Можно, я вылезу первой?.. Эх, как жаль, что эти подземелья закрыты для быстрых перемещений...

— Первым Бианакит, — распорядился Азазель строго. — Потом ты. А мы, уж ладно, последними.

Бианакит поднялся быстро и ловко, словно бегущий вверх по тонкой паутине большой паук. Аграт просто обвязала конец вокруг пояса, и Азазель и Михаил наблюдали, как Бианакит втащил ее наверх без усилий с ее стороны.

Провожая взглядом ее фигурку, Азазель сказал с облегчением:

— В тебе мощь архангела и возможности элементаря... Главное же, никто не узнает жителя Брия, даже если спустишься в ад!

Михаил вздрогнул, посмотрел расширенными глазами.

— Скотина, — проговорил он дрогнувшим голосом, — вот к чему ты вел?

Содержание

Часть первая	5
Часть вторая	116
Часть третья	223

Все права защищены. Книга или любая ее часть не может быть скопирована, воспроизведена в электронной или механической форме, в виде фотокопии, записи в память ЭВМ, репродукции или каким-либо иным способом, а также использована в любой информационной системе без получения разрешения от издателя. Копирование, воспроизведение и иное использование книги или ее части без согласия издателя является незаконным и влечет уголовную, административную и гражданскую ответственность.

Литературно-художественное издание

Орловский Гай Юлий
МИХАИЛ, МЕЧ ГОСПОДА
Книга вторая
ПОДЗЕМНЫЙ ГОРОД СОДОМА

Ответственный редактор *Д. Малкин*
Художественный редактор *А. Сауков*
Технический редактор *О. Куликова*
Компьютерная верстка *В. Фирстов*
Корректор *В. Кочкина*

ООО «Издательство «Э»

123308, Москва, ул. Зорге, д. 1. Тел. 8 (495) 411-68-86.

Өндіруші: «Э» АҚБ Баспасы, 123308, Мәскеу, Зорге көшесі, 1 үй.

Тел. 8 (495) 411-68-86.

Тауар белгісі: «Э»

Қазақстан Республикасында дистрибьютор және өнім бойынша арыз-талаптарды қабылдаушының өкілі «РДЦ-Алматы» ЖШС, Алматы қ., Домбровский көш., 3-а, литер Б, офис 1.

Тел.: 8 (727) 251-59-89/90/91/92, факс: 8 (727) 251 58 12 вн. 107.

Өнімнің жарамдылық мерзімі шектелмеген.

Сертификация туралы ақпарат сайтта Өндіруші «Э»

Сведения о подтверждении соответствия издания согласно законодательству РФ о техническом регулировании можно получить на сайте Издательства «Э»

Өндірген мемлекет: Ресей

Сертификация қарастырылмаған

Подписано в печать 18.08.2017.

Формат 84×108¹/₃₂. Гарнитура «Newton».

Печать офсетная. Усл. печ. л. 18,48.

Тираж 5000 экз. Заказ № А-2079.

Отпечатано в полном соответствии с качеством предоставленного электронного оригинал-макета в типографии филиала АО «ТАТМЕДИА» «ПИК «Идел-Пресс».

420066, г. Казань, ул. Декабристов, 2.
E-mail: idelpress@mail.ru

В электронном виде
www.litres.ru

ЛитРес:
ОДИН КЛИК ДО КНИГ

Оптовая торговля книгами Издательства «Э»:
142700, Московская обл., Ленинский р-н, г. Видное,
Белокаменное ш., д. 1, многоканальный тел.: 411-50-74.

По вопросам приобретения книг Издательства «Э» зарубежными оптовыми
покупателями обращаться в отдел зарубежных продаж
*International Sales: international wholesale customers should contact
Foreign Sales Department for their orders.*

По вопросам заказа книг корпоративным клиентам,
в том числе в специальном оформлении, обращаться по тел.:
+7 (495) 411-68-59, доб. 2261.

**Оптовая торговля бумажно-беловыми
и канцелярскими товарами для школы и офиса:**
142702, Московская обл., Ленинский р-н, г. Видное-2,
Белокаменное ш., д. 1, а/я 5. Тел./факс: +7 (495) 745-28-87 (многоканальный).

Полный ассортимент книг издательства для оптовых покупателей:

Москва. Адрес: 142701, Московская область, Ленинский р-н,
г. Видное, Белокаменное шоссе, д. 1. Телефон: +7 (495) 411-50-74.

Нижегород. Филиал в Нижнем Новгороде. Адрес: 603094,
г. Нижний Новгород, улица Карпинского, дом 29, бизнес-парк «Грин Плаза».
Телефон: +7 (831) 216-15-91 (92, 93, 94).

Санкт-Петербург. ООО «СЗКО». Адрес: 192029, г. Санкт-Петербург, пр. Обуховской Обороны,
д. 84, лит. «Е». Телефон: +7 (812) 365-46-03 / 04. E-mail: szger@szko.ru

Екатеринбург. Филиал в г. Екатеринбурге. Адрес: 620024,

г. Екатеринбург, ул. Новинская, д. 2щ. Телефон: +7 (343) 272-72-01 (02/03/04/05/06/08).

Самара. Филиал в г. Самаре. Адрес: 443052, г. Самара, пр-т Кирова, д. 75/1, лит. «Е».

Телефон: +7 (846) 269-66-70 (71...73). E-mail: RDC-samara@mail.ru

Ростов-на-Дону. Филиал в г. Ростове-на-Дону. Адрес: 344023,

г. Ростов-на-Дону, ул. Страны Советов, 44 А. Телефон: +7 (863) 303-62-10.

Центр оптово-розничных продаж Cash&Carry в г. Ростове-на-Дону. Адрес: 344023,
г. Ростов-на-Дону, ул. Страны Советов, д. 44 В. Телефон: (863) 303-62-10. Режим работы: с 9-00 до 19-00.

Новосибирск. Филиал в г. Новосибирске. Адрес: 630015,

г. Новосибирск, Комбинатский пер., д. 3. Телефон: +7 (383) 289-91-42.

Хабаровск. Филиал РДЦ Новосибирск в Хабаровске. Адрес: 680000, г. Хабаровск,

пер. Дзержинского, д. 24, литера Б, офис 1. Телефон: +7 (4212) 910-120.

Тюмень. Филиал в г. Тюмени. Центр оптово-розничных продаж Cash&Carry в г. Тюмени.

Адрес: 625022, г. Тюмень, ул. Алябьевская, 9А (ТЦ Перестройка+).

Телефон: +7 (3452) 21-53-96/97/98.

Краснодар. Обособленное подразделение в г. Краснодаре

Центр оптово-розничных продаж Cash&Carry в г. Краснодаре

Адрес: 350018, г. Краснодар, ул. Сормовская, д. 7, лит. «Г». Телефон: (861) 234-43-01(02).

Республика Беларусь. Центр оптово-розничных продаж Cash&Carry в г. Минске. Адрес: 220014,

г. Минск, проспект Жукова, 44, пом. 1-17, ТЦ «Outleto».

Телефон: +375 17 251-40-23; +375 44 581-81-92. Режим работы: с 10-00 до 22-00.

Казахстан. РДЦ Алматы. Адрес: 050039, г. Алматы, ул. Домбровского, 3 «А».

Телефон: +7 (727) 251-58-12, 251-59-90 (91, 92, 99).

Украина. ООО «Форс Украина». Адрес: 04073, г. Киев, Московский пр-т, д. 9.

Телефон: +38 (044) 290-99-44. E-mail: sales@forsukraine.com

Полный ассортимент продукции Издательства «Э»

можно приобрести в магазинах «Новый книжный» и «Читай-город».

Телефон единой справочной: 8 (800) 444-8-444. Звонок по России бесплатный.

В Санкт-Петербурге: в магазине «Парк Культуры и Чтения БУКВОЕД», Невский пр-т, д. 46.

Тел.: +7 (812) 601-0-601, www.bookvoed.ru

Розничная продажа книг с доставкой по всему миру. Тел.: +7 (495) 745-89-14.

ISBN 978-5-04-004266-1

9 785040 042661 >

BOOK24.RU

BOOK24.RU

Настоящая победа, когда противник признает себя побежденным. Но этот не признал, а победитель успокоился слишком рано, забывая, что оставшаяся от пожара искра может вызвать новый пожар. И вот Ад, собравшись с силами, ударил снова! Изнемогающий Азазель, властелин Черного Меча, неожиданно привлек в союзники властелина Огненного Меча, хотя до этого с ним враждовал.

ISBN 978-5-04-004266-1

9 785040 042661 >

ПОДЗЕМНЫЙ ГОРОД СОДОМА